

РЕНЕ
ГРУССЕ

ВЕЛИКИЕ
ИМПЕРИИ
▪ МИРА ▪

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ, ПОКОРИВШИЕ МИР

Под властью Атилы,
Чингисхана,
Тамерлана

Великие империи мира

Рене Груссе

**Степные кочевники, покорившие
мир. Под властью Атилы,
Чингисхана, Тамерлана**

«Центрполиграф»

1938

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Груссе Р.

Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана / Р. Груссе — «Центрполиграф», 1938 — (Великие империи мира)

ISBN 978-5-9524-5457-6

Выдающийся французский историк, член Французской академии, автор целого ряда трудов по истории Азии, создал подробнейшее описание жизни Великой степи с периода античных времен до окончания XVIII века. Обладая несомненным литературным мастерством, автор создал яркую картину сражений, быта, нравов, обычаев степного народа, рассказал об условиях его существования, о расцвете и падении знаменитых и забытых династий, о своеобразии ремесел и произведений искусства. Особое место в повествовании занимают три великих азиатских кочевника – Аттила, Чингисхан и Тамерлан. Работая над исследованием, автор привлек колоссальный объем источников европейской, китайской, персидской и других культур. В книге представлены рисунки предметов степного искусства. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5457-6

© Груссе Р., 1938
© Центрполиграф, 1938

Содержание

Предисловие	7
Вступление. Степь и история	10
Часть первая. Центральная Азия до XIII в.	16
Глава 1. Древняя история степей: скифы и гунны	16
Античность степной цивилизации	16
Скифы	18
Скифское искусство	21
Сарматы и Западная Сибирь	23
Прототюркские культуры Алтая	25
Происхождение хунну. Хуннское искусство	27
Первое вторжение хунну и миграция юэчжи	30
Влияние первых побед хунну. Падение греческого владычества в Афганистане	32
Войны хунну против династии Ранняя Хань. Разделение западных хунну	34
Борьба Китая с хунну в эпоху династии Поздняя Хань.	37
Раскол среди южных хунну	38
Шелковый путь	38
Завоевание Таримского бассейна Бань-Чао	39
Цивилизация оазисов Тарима в конце Античности и начале Средневековья	43
Смена в монгольской империи хунну сяньбийцами	46
Великие нашествия IV в. Северный Китай завоеван хунну и сяньбийцами	47
Царство тюрков табгачей, или тоба, и монгольское ханство жуан-жуаней	52
Последняя минусинская культура	55
Гунны-эфталиты	56
Гунны в Европе: Атила	59
Глава 2. Раннее Средневековье: тукю, уйгуры и кидани	63
Империя тукю	63
Раскол империй тукю	67
Разгром императором Тай-цзуном ханства восточных тукю	69
Распад ханства западных тукю	70
Индоевропейские оазисы Тарима к моменту прихода к власти династии Тан	71
Установление над регионом Тарима протектората династии Тан	73
Танский Китай – властелин Центральной Азии	75
Последний подъем могущества тукю. Каган Мочжо	76
Кюль-тегин и Моцзилян	79
Крушение империи восточных тукю. Возникновение уйгурской империи	80
Апогей династии Тан: подчинение Западного Туркестана	81
Соперничество Китая и арабов на западе Памира	82
Китайцы на Памире	83

Конец владычества Танов в Центральной Азии (751)	84
Тюркская империя уйгуров	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Рене Груссе

Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Жану Дени, замечательному знатоку тюркских народов

Я подниму народ жестокий и необузданный, который ходит по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями. Страшен и грозен он; от него самого происходит суд его и власть его. Быстрее барсов кони его и прытче вечерних волков; скачет в разные стороны конница его; издалека приходят всадники его, прилетают как орел, бросающийся на добычу. Весь он идет для грабежа; устремив лицо свое вперед, он забирает пленников, как песок. И над царями он издевается, и князья служат ему посмешищем; над всякою крепостью он смеется: насыплет осадный вал и берет ее.

Авв., I: 7–10

Предисловие

Аттила, Чингисхан, Тамерлан... Их имена у всех на слуху. Рассказы западных хронистов, китайских или персидских летописцев сделали их образы популярными. Они, эти великие варвары, внезапно возникают в истории цивилизации и резко, буквально в несколько лет, превращают римский, иранский или китайский мир в груды развалин. Их появление, их мотивы, их исчезновение кажутся необъяснимыми, так что позитивистская история недалеко от того, чтобы присоединиться к мнению древних авторов, видевших в них бич Божий, посланный покарать старые цивилизации.

Однако стоит узнать их образ жизни, как сразу становится понятно, что никогда люди не были большими сынами земли, живущими по ее законам, чем они, а их мотивы и поведение легко читаемы. Степь сделала их невысокими и коренастыми. И выносливыми, поскольку они выжили в подобных природных условиях. Резкий ветер высокогорных плато, жуткий холод или страшная жара высекли их лица с узкими глазами, выступающими скулами, проредили их волосы и закалили жилистые тела. Тяготы пастушеской жизни с ее передвижениями по воле случая сформировали их психологию кочевников, а требования кочевого хозяйства обусловили их контакты с оседлым населением, менявшиеся от робких заимствований до кровавых набегов.

Так что три или четыре великих азиатских кочевника, внезапно разорвавшие течение нашей истории, являются исключениями только по причине нашего невежества. А сколько на этих троих, кому выпала удивительная судьба стать завоевателями мира, приходится аттил и чингисханов, у которых не получилось? Я хочу сказать: не получилось создать империю, включающую в себя четверть Азии, от Сибири от Хуанхэ, от Алтая до Персии, что, согласимся, и сегодня является масштабным предприятием. Я хотел бы здесь вспомнить управляемый тремя персонажами, чьи имена упомянуты выше, великий народ кочевых варваров, который за десять веков истории прошел от границ Китая до границ нашего Запада.

Но сначала следует уточнить терминологию. Классический мир знал великое множество разнообразных варваров – народов, называемых так соседями. Кельты долгое время являлись таковыми для римлян, германцы для галлов, славяне для германцев. Даже будущий Южный Китай долго оставался варварской страной в глазах жителей изначального Китая, располагавшегося по реке Хуанхэ. Но поскольку во всех этих случаях речь шла о регионах, которые по своим географическим условиям были пригодны для ведения сельского хозяйства, населявшие их народы, какими бы отсталыми они ни были, постепенно переходили к этому образу жизни, так что к середине Средневековья практически вся наша Европа, Ближний Восток, Иран, Индия, Индокитай и Китай уже давно достигли одинаковой стадии материальной культуры.

Тем не менее один очень важный регион не был затронут этим движением. Это широкая полоса, протянувшаяся в центре и на севере Евразии, от границы Маньчжурии до Будапешта, степная зона, доходящая на севере до сибирской тайги. Там природные условия позволяют сельскому хозяйству развиваться лишь на нескольких островках культуры, обрекая население на бесконечное продолжение пастушеской кочевой жизни, каковую вело тысячелетия назад, в конце неолита, все человечество. Хуже того. Часть этих племен, та, что жила в лесной зоне, оставалась на уровне развития охотников мадленской культуры¹. Таким образом, степная и лесная зоны оставались заповедником варварства не потому, разумеется, что здешние народы

¹ Культура эпохи позднего палеолита (15–8 тыс. лет до н. э.), распространенная на территории Западной Европы. (Примеч. пер.)

были ниже других по интеллекту, но потому, что здесь возобновлялись и повторялись условия жизни, в других местах давно уже оставшиеся в прошлом.

Сохранение этого населения, оставшегося на стадии скотоводства, в то время как остальная Азия уже давно перешла на более высокую стадию земледелия, во многом породило драму истории. Оно создавало своего рода хронологический сбой между соседними народами. Люди из второго тысячелетия до н. э. сосуществовали с людьми XII в. н. э. Чтобы попасть от одних к другим, достаточно было приехать из Верхней Монголии в Пекин или из киргизской степи в Исфахан. Этот резкий культурный разрыв был чреват многими опасностями. Для оседлых жителей Китая, Ирана или Европы гунны, тюрки, монголы являлись в чистом виде дикарями, которых надо было запугать военными маневрами либо одарить какими-то безделушками или горячительными напитками, чтобы удерживать подальше от обрабатываемых земель. Что же касается кочевников, их чувства легко угадать. Бедные тюрко-монгольские пастухи, которые в засушливые годы переходили от одного полуиссякшего источника воды к другому, и так вплоть до границ Петчили или Трансоксианы, с изумлением смотрели на чудо оседлой цивилизации, на богатые урожаи, на изобилующие зерном деревни, на роскошь городов. Это чудо, вернее, секрет этого чуда, терпеливую работу, требовавшуюся для создания и обустройства этих человеческих ульев, гунн понять не мог. Его влекло туда, как волка – его тотемное животное, – который снежной зимой идет к ферме, потому что чувствует за ее стенами поживу. Вот и его тысячелетний инстинкт побуждал внезапно ворваться туда, разграбить и удрать с добычей.

Выживание пастухов и охотников рядом с земледельческим населением или, если угодно, развитие все более и более богатейших сельскохозяйственных обществ на глазах и при контактах с народами, оставшимися на уровне скотоводов и переживающих страшные голодные кризисы, вызываемые засухой в степи, добавляло к разительному экономическому контрасту контраст социальный, зачастую еще более жестокий. Повторяем: этот вопрос географии расселения человечества стал вопросом социальным. Взаимные чувства оседлого жителя и кочевника друг к другу – это то же самое, что отношения между капиталистическим обществом и пролетариатом, сосуществующими в современном городе. Сельскохозяйственные общества, эксплуатирующие либо плодородный желтозем Северного Китая, либо сады Ирана, либо богатые черноземы вокруг Киева, окружены бедными пастбищными зонами, зачастую с ужасными климатическими условиями, где раз в десять лет иссякают источники воды, трава желтеет, скот вымирает, и кочевники вместе с ним.

В этих условиях периодические набеги кочевников на обработанные земли являются законом природы. Прибавим к этому, что они, тюрки или монголы, принадлежат к расе умной, уравновешенной, практичной, которая, будучи воспитана суровыми реалиями окружающей среды, естественным образом подготовлена к управлению. Так что, когда оседлые общества, зачастую деградировавшие, уступают под натиском, кочевник врывается в город и после первых часов резни без особых усилий занимает место уничтоженных им правителей. Не робея, он садится на самые уважаемые троны. И вот он великий хан Китая, шах Персии, император Индии, султан Рума. Он адаптируется к среде. В Пекине он становится полукитайцем, а в Исфахане или Рее – наполовину персом.

Не придумала ли судьба этот способ для примирения степи и цивилизации? Отнюдь. Неизменные законы географии человечества продолжают работать. Если китаизированный или иранизированный хан не был уничтожен в результате медленной или мгновенной реакции местного населения, то вскоре на границах его державы мы наблюдаем вынырнувшие из глубин степи новые орды, еще более голодные, чем прошлые, которые, видя в своем удачливом родиче лишь таджика или табасца – перса или китайца, – начинают делать то же самое, действуя уже против него.

Но как же получалось, что эта авантюра почти всегда увенчивалась успехом, повторяясь на протяжении тринадцати столетий – ибо прошло ровно тринадцать веков между вступлением

гуннов в Лояна и вступлением маньчжуров в Пекин? Дело в том, что на протяжении всего этого времени кочевник, сильно отстававший в развитии материальной культуры, стоял намного впереди в военном деле, имея в нем огромные преимущества. Он был конным лучником. Невероятно мобильная конница неуязвимых лучников – вот техническое средство, давшее ему над оседлым жителем преимущество, практически равное тому, какое в Новое время Европе над всем остальным миром обеспечила артиллерия. Конечно, это оружие было известно и китайцам, и иранцам. В III в. до н. э. китайцы изменили свой костюм, чтобы адаптировать его для верховой езды. Что же касается Ирана, там с парфянских времен знали цену роя стрел, выпускаемых вихрем конников, уклоняющихся от ближнего боя. Но ни китаец, ни иранец, ни русский, ни поляк, ни венгр в этом отношении не могли сравниться с монголом. С детства привыкший переносить долгие верховые поездки по бескрайней степи, привыкший прятаться, выжидать, обученный всем охотничьим хитростям, от которых зачастую зависело его пропитание, то есть его жизнь, в этом деле он был непобедим. Не то чтобы он часто сходил в бою с врагами, совсем наоборот, потому что, внезапно напав, он исчезал, появлялся снова, не давая противнику войти с ним в соприкосновение, досаждал ему, изнурял и в конце концов уничтожал его, выбившегося из сил, как затравленную дичь. Мобильность, универсальность использования этой конницы делали ее, когда ею командовали Джебэ или Субудай, два знаменитых полководца Чингисхана, своего рода умным оружием. Плано Карпини и Рубрук, видевшие ее действия, очень хорошо отметили его техническое превосходство. Фаланга и легион остались в прошлом, поскольку были обусловлены политическим устройством Македонии или Рима, они являлись производением организованных государств, которые рождались, жили и исчезали, как все государства. Степной конный лучник царил над Евразией на протяжении тринадцати веков, потому что был естественным порождением самой земли, сыном голода и нищеты, единственным для кочевников способом не вымереть в голодные годы. Давайте задумаемся вот над чем: если Чингисхан позднее сумел покорить мир, то лишь потому, что с детства он, сирота из степи возле Керулена, сначала, вместе со своим младшим братом Джучи Тигром, ежедневно охотился на дичь, чтобы не умереть с голоду.

Стрела конного лучника, который появляется, стреляет и уклоняется от рукопашной, стала для Античности и Средневековья оружием дальнего боя, почти таким же эффективным и деморализующим, каким в свое время стал огонь нашей артиллерии.

Почему же это превосходство исчезло? Почему начиная с XVI в. кочевники больше не могли навязывать свою волю оседлым народам? Именно потому, что оседлые противопоставили им артиллерию. И таким образом приобрели техническое превосходство, перевернувшее существовавшие тысячи лет отношения. Та канонада, которой Иван Грозный рассеял последних наследников Золотой Орды, и та, которой китайский император Канси испугал калмыков, ознаменовали окончание целой эпохи мировой истории. В первый раз, но навсегда преимущество в военной технике перешло к другой стороне, и цивилизация стала сильнее варварства. В несколько часов традиционное превосходство кочевника ушло в легендарное прошлое, и калмыцкие лучники, которых романтический Александр I еще пытался противопоставить наполеоновским войскам в сражениях 1807 г., должны были выглядеть столь же архаичными, как и появление охотников мадленской культуры.

Однако прошло всего лишь три века с той поры, как эти лучники перестали быть завоевателями мира.

Вступление. Степь и история

Центральная Азия, какой она предстает перед нами, несет следы самой грандиозной геологической драмы за всю историю планеты. Поднятие и изоляция этой огромной континентальной массы вызваны сходящимся давлением двух огромных разновозрастных горных хребтов: с одной стороны герцинские склоны Тянь-Шаня и Алтая, очерченные по краям первые – серендийским молотом, вторые – старым сибирским Ангарским плато; с другой стороны – альпийские склоны Гималаев, возникшие в миоцене на месте древнего евразийского «Средиземного моря». Вогнутый лук Тянь-Шаня и Алтая на северо-западе и противоположный лук Гималаев на юге окружили и изолировали Туркестан и Монголию, оставшись как бы подвешенными над периферийными равнинами. Удаленность от моря, в придачу к высоте, наделили эти земли резко континентальным климатом с характерной для него сильной летней жарой и сильными морозами зимой: в Урге² в Монголии температура колеблется между +38 и –42. За исключением Тибета, которому его высота обеспечила почти полярные условия, и горного полуокруга Алтая и Тянь-Шаня, который, по тем же причинам, представляет пример альпийского климата с обычным распределением по этажам от лесов внизу до редкой растительности на вершинах, почти вся территория Центральной и Средней Азии представляет собой травянистые степи, отдыхающие зимой и высыхающие летом. Прерии-степи – более живые в орошаемых районах, агонизирующие и превращающиеся в пустыни в центральных районах, где происходит сахаризация, – растянулись от Маньчжурии до Крыма, от Урги в Верхней Монголии до региона Мерва и Балха, где, впрочем, северная евразийская прерия-степь переходит в сухую субтропическую, со средиземноморскими ответвлениями, до Ирана и Афганистана.

На севере зона евразийских степей напрямую смыкается с зоной северных лесов с сибирским климатом, охватывающей Центральную Россию и Центральную Сибирь, равно как и северную часть Монголии и Маньчжурии. В середине она переходит в пустыню в трех центрах сахаризации: пустыня Кызылкум в Трансоксиане и Каракум к югу от Амударьи, пустыня Такла-Макан в бассейне, образованном Таримом, и, наконец, пустыня Гоби, простирающаяся на огромное пространство с юго-запада на северо-восток от Лобнора, где Гоби соединяется с Такла-Маканом, до Хингана, на границе Маньчжурии. Они словно три раковые язвы, пожирающие травянистую степь, на которую ведут наступление с доисторических времен. Кстати, вклинивание Гоби между Северной Монголией, байкальскими лесами и степями Орхона и Керулена с одной стороны и Южной Монголией, степями Алашаня, Ордоса, Чахара и Джехола явилось одним из перманентных факторов, который всегда препятствовал выживанию тюркомонгольских империй, со времен античных хунну до тучных времен раннего Средневековья. Что же касается бассейна Тарима в современном китайском Туркестане, тот факт, что степь была вытеснена оттуда пустыней, уготовил ему особую судьбу. Избежав кочевой жизни прерий (хотя всегда находясь под угрозой вторжения или под контролем северных орд), он развивался как цепочка торгово-ремесленных оазисов с городской жизнью, через которые осуществлялись контакты между великими оседлыми цивилизациями Запада – средиземноморским миром, Ираном, Индией – и великой оседлой цивилизацией Востока, Китаем. Двойной дороги, проложенной двойным полукружьем к северу и к югу от пересыхающей реки (севернее через Дуньхуан, Хами, Турфан, Карашар, Кучу, Фергану и Трансоксиану; на юге через Дуньхуан, Хотан, Яркенд, памирские долины и Бактрию), сильно уязвимой на всем своем протяжении, где она проходит попеременно то через пустыни, то через горы, – уязвимой, словно вытянутая и извилистая дорожка, проложенная муравьями, – оказалось, несмотря ни на что, достаточно, чтобы соединить человеческую цивилизацию, поддерживая минимальные контакты между китай-

² Улан-Батор. (Примеч. пер.)

ским муравейником и нашими индоевропейскими муравейниками. Этот был Шелковый путь и дорога паломников, по которому проходили торговля и религия, греческое искусство преемников Александра и буддистские миссионеры из Афганистана. По ней греко-римские купцы, упомянутые Птолемеем, ездили за шелком в «Шелковую страну», по ней китайские полководцы династии Вторая Хань пытались войти в соприкосновение с иранским миром и восточными провинциями Римской империи. Сохранение свободы этой великой артерии мировой торговли было одной из основных задач китайской политики на протяжении многих веков, от династии Хань до времен Хубилая.

Но севернее этой узкой дороги цивилизации степь представляла для кочевников другую дорогу, совсем иного характера, дорогу неограниченную, с бесчисленными путями – дорогу варварства. Ничто не могло остановить рейды конных отрядов варваров между берегами Орхона или Керулена и озером Балхаш, ибо, если возле этого последнего пункта Большой Алтай и северные отроги Тянь-Шаня сближаются, остается широкий проход со стороны Эмеля, Тарбагатая, у Чугучака, а также у Юлдуса, Или и бассейна Иссык-Куля, к северо-западу от которого перед всадниками, пришедшими из Монголии, снова расстилаются безбрежные киргизские и русские степи. Через эти проходы – Тарбагатайский, Алатауский и Музартский – орды восточных степняков постоянно проходили в поисках удачи в западных степях. Если в доисторический период преобладал обратный процесс, если, по всей очевидности, кочевники иранской, то есть индоевропейской, семьи, названные греческими историками скифами и сарматами, а в иранских письменных памятниках саками, заходили на северо-востоке вплоть до Пазырыка и Минусинска, в то время как другие индоевропейцы населили оазисы Тарима от Кашгара до Кучи, Карашара, Турфана и, возможно, до Ганьсу, то, как точно установлено, с начала христианской эры началось движение с востока на запад. Теперь уже не индоевропейцы навязывали господство своих языков – «восточноиранского», кучинского или тохарского – в оазисах будущего Китайского Туркестана; это хунну, которые под именем гуннов создадут прототюркскую империю в Южной России и Венгрии, ибо венгерская степь является продолжением степи русской; а после гуннов придут авары, монгольская орда, вытесненная в VI в. из Азии тукю, и будут царствовать в тех же местах, сначала в России, затем в Венгрии; в VII в. это будут тюрки-хазары, тюрки-печенег в VIII в., тюрки-куманы в XII в., и все они пройдут одним путем. Наконец, в XIII в. монголы Чингисхана, «синтез степей», если так можно выразиться, устроят рукотворную степь от Пекина до Киева.

Внутренняя история степи – это история тюрко-монгольских орд, сталкивавшихся друг с другом, оспаривая лучшие пастбища, и порой проходивших, не имея иной нужды, кроме поиска корма для их стад, огромные расстояния, на что, случалось, уходило века, будучи приспособленными к этому природой, физическим сложением и образом жизни. Из этих странствий между Хуанхэ и Будапештом история, написанная оседлыми народами, сохранила очень немного – лишь то, что затрагивало эти последние. Они отметили появление различных волн, накативших на их Великую стену или их дунайские крепости, на Датун или Силистрию. Но что они рассказывают нам о внутренних изменениях тюрко-монгольских народов? Мы видим, как сменяют друг друга в своего рода имперском центре Карабалгасуне или Каракоруме в Верхней Монголии, у истоков Орхона, кочевые кланы, жаждущие власти над другими ордами: тюрки-хунну до нашей эры, монголоиды сяньбийцы в III в. н. э., жуан-жуани, также монголоиды, в V в., тюрки-тукю в VI в., тюрки-уйгуры в VIII в., тюрки-киргизы в IX в., монголоиды кидани в X в., кераты или найманы, очевидно, тюрки, в XII в. и, наконец, монголы Чингисхана в XIII в... Но если мы знаем происхождение этих кланов, попеременно тюркских и монгольских, которые навязали свою гегемонию прочим, нам совершенно ничего не известно о первоначальном разделении крупных родственных групп: тюрков, монголов и тунгусов. Очевидно, что в настоящее время тунгусы, помимо Северной Маньчжурии, занимают значительную часть Восточной Сибири, а кроме того, восточный берег Среднего Енисея в Центральной Сибири и

течение трех Тунгусок, тогда как монголы сосредоточены в исторической Монголии, а тюрки в Западной Сибири и обоих Туркестанах, причем считается, что в последний регион тюрки пришли сравнительно поздно, что тюркизация того же Алтая относится к I в. н. э., Кашгарии наверняка лишь к IX в., Трансоксианы к XI в., а городское население как Самарканда, так и Кашгара в основной массе своей остается еще тюркизированным иранским. Но также нам известно из истории, что в Монголии даже Чингизиды монголизировали многочисленные племена, по всей видимости тюркские: алтайских найманов, гобийских кереитов, чахарских онгутов. До чингисхановской унификации, соединившей все эти племена под синим монгольским флагом, часть современной Монголии была тюркской, и даже сегодня остается один тюркский народ, якуты, занимающий территории севернее тунгусов, на северо-востоке Сибири, в бассейнах Лены, Индигирки и Колымы. Присутствие этого крупного тюркоязычного народа севернее монголов и даже тунгусов, вплоть до Берингова пролива и Ледовитого океана, заставляет нас с величайшей осторожностью рассуждать о первоначальных местах расселения «первых» тюрков, монголов и тунгусов³. Оно позволяет нам увидеть, что тюрко-монгольская и тунгусская масса изначально размещалась значительно северо-западнее, поскольку не только современная Кашгария, но северный склон Саян (Минусинск) и Большого Алтая (Пазырык) были заселены в ту эпоху индоевропейцами, пришедшими с «общей индоевропейской прародины» в Южной России. Эта гипотеза совпадает с мнением лингвистов, которые, так же как Поль Пеллиу⁴ и Гийом де Эвези, отказываются вплоть до предъявления веских доказательств признавать изначальную общность между алтайскими языками (тюркские, монгольский, тунгусский) и финно-угорскими, распространенными на Урале. Кроме того, значительные различия, существующие ныне, несмотря на их изначальное родство, между тюркским, монгольским и тунгусским языками наводят на мысль, что эти три группы, собранные в историческое время под единой властью (откуда частые взаимные заимствования терминов, относящихся к цивилизации), могли некоторое время жить довольно далеко друг от друга на бескрайних просторах Северо-Восточной Азии.

Если бы история тюрко-монгольских орд ограничивалась их дальними набегами и малоизвестной борьбой друг с другом во время кочевий, она мало что бы значила, по крайней мере в занимающей нас теме. Но важнейший факт в истории человечества – давление, которое эти кочевники оказывали на цивилизованные империи юга, давление, которое многократно доходило до завоевания. Набег кочевников – это почти физический закон, диктуемый самим условиями жизни в степи. Очевидно, те тюрко-монголы, которые продолжали жить в лесной зоне Байкала и Амура, оставались теми же дикарями, живущими охотой и рыбной ловлей, как чжурчжэни вплоть до XII в., как «лесные монголы» вплоть до Чингисхана, как другие племена, изолированно жившие в лесах и не имевшие представления о других, желанных, землях. Но иначе обстояли дела со степными тюрко-монголами, живущими скотоводством и поэтому кочевниками по определению: скот ищет траву, а человек следует за стадом. Кроме того, степь является родиной лошади. Степной житель – прирожденный наездник. Это он, либо иранец на западе, либо тюрко-монгол на востоке, придумал костюм для верховой езды, как мы видим на примере фигур скифов, выгравированных на греческих вазах Босфора Киммерийского, как мы узнаём от китайцев, которые в III в. до н. э., чтобы противопоставить конницу коннице, заменят, по примеру гуннов, платье на штаны. Он – всадник быстрых набегов, кроме того, конный лучник, поражающий врага на расстоянии: он стреляет и удирает – парфянская стрела в действительности является скифской или гуннской – и воет так же, как охотится на дичь или ловит

³ Не исключено, что якуты иммигрировали на север, а их родина находится рядом с озером Байкал. Хотя в нынешней своей стране они используют только оленей, в некоторых церемониях до сих пор имеют место конские черепа – воспоминание об их пребывании на краю монгольской степи. Пазырыкские захоронения открыли обратный феномен. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

⁴ Поль Пеллиу (1878–1945) – французский востоковед, специалист по истории Китая.

кобылиц: стрелой и арканом. Во время своих перемещений он видит там, где заканчивается степь, где начинается цивилизация, условия жизни, отличающиеся от привычных ему, которые не могут не вызвать у него зависти. В его краях холодная зима: степь тогда становится придатком сибирской тайги; потом знойное лето: степь становится продолжением пустыни Гоби, и кочевнику, чтобы найти траву для своих стад, приходится добираться до предгорий Хингана, Алтая или Тарабагатая. Только весна, превращающая степь в цветущую прерию, украшенную разноцветными цветами, является праздником для его животных и для него самого. Остальную часть года, особенно зиму, он косо посматривает на находящиеся в умеренном климате земли на юге, у Иссык-Куля, «горячего озера», на юго-западе, на плодородные желтоземы Хуанхэ на юго-востоке. Не то чтобы ему как-то особенно хочется заполучить эти возделанные земли как таковые. Когда он их захватывает, инстинктивно превращает в неплодные пары; возвращает в состояние своей родной степи, где растет трава для баранов и лошадей. Таковым еще в XIII в. будет поведение Чингисхана, который, захватив регион Пекина, бесхитростно пожелает превратить ячменные поля в пастбища. Но если северянин не понимает культуры (например, Чингизиды в Туркестане и России, оставшиеся вплоть до XIV в. в чистом виде кочевниками, глупо отдают свои города на разграбление при малейшем отказе уплаты дани, отводят ирригационные каналы, чтобы убить землю), он ценит городские цивилизации за их ремесленные изделия и многочисленные развлечения, за возможности для грабежа. Его раздражает мягкость климата, впрочем весьма относительная, поскольку суровый климат Пекина покажется чрезмерно разнеживающим Чингисхану, который после каждого похода будет проводить лето возле Байкала. Точно так же после своей победы над Джелал-ад-Дином он будет постоянно пренебрегать Индией, распростертой у его ног, поскольку для этого уроженца Алтая Индия – адское пекло. В остальном он будет прав, с недоверием относясь к легкостям цивилизованной жизни, поскольку, когда его потомки превратятся в оседлых обитателей дворцов Пекина или Тебриза, они вырождаются. Но пока кочевник сохраняет свою душу кочевника, он смотрит на оседлого жителя как на своего арендатора, на город и пашню как на собственную ферму, причем и ферма, и арендатор полностью в его власти. И так он объезжает на коне границы старых оседлых империй, собирая с них регулярную дань, когда они на это более или менее добровольно соглашаются, или внезапными налетами захватывающий и предающий разграблению города, когда оседлый житель неблагоразумно отказывается платить. Подобно волчьим стаям – а разве волк не является древним тотемом тюрков, который бродит поблизости от стад, чтобы, в свою очередь, перегрызть горло или просто утащить зазевавшееся или больное животное?⁵ Эта практика внезапных нападений и грабежей, чередовавшаяся с регулярно уплачиваемой данью, стыдливо именовавшейся у Сынов Неба «добровольным даром», была общим правилом в отношениях между тюрко-монголами и китайцами со II в. до н. э. по XVII в. н. э.

Однако время от времени среди кочевников появляется сильная личность, осведомленная о ветхости оседлых империй (а эти варвары, хитрые, как наши германцы IV в., были полностью в курсе византийских интриг китайского двора). Этот человек договаривается с одной китайской партией против другой, с отстраненным от наследования престола претендентом, с одним из китайских царств против другого, соседнего. Он со своей ордой объявляет себя союзником империи и под флагом защиты этой самой империи обосновывается в ее пограничных областях. Одно-два поколения, и его внуки, достаточно пропитавшиеся китайской культурой, чтобы сделать этот шаг, без смущения сядут на трон Сынов Неба. И история Хубилая в XIII в. является всего лишь повторением истории Ле-цзуна⁶ в IV в. и тобасцев в V в. Еще два-три поколения, и (если не случится китайского народного восстания с целью вышвырнуть варвара

⁵ Напоминаем, что мифический прародитель тюрко-монгольских народов – рыжий волк с белым пятном, Бортэ-Чино у монголов в «Тайной истории» или серый волк Кук-бурэ у тюрков в «Огуз-наме»: «Из луча света выскочил большой волк с серой шерстью, с серой гривой».

⁶ **Ле-цзун** – император Поздней Янь в 396–398 гг. (Примеч. пер.)

за Великую стену) эти китаизированные варвары, заимствовавшие из цивилизованности лишь ее расслабленность и пороки, не сохранив варварской остроты темперамента, в свою очередь превратятся в объект презрения, а их земли – в предмет вожделений других варваров, оставшихся голодными кочевниками в глубине своей родной степи. И все повторится снова. Вслед за хунну и сяньбийцами в V в. придут тюрки-тукю, которые их уничтожат и займут их место. К северу от киданей, чересчур китаизированных монголов, мирных властителей Пекина с X в., в XII в. возникнут джурджэни, почти дикие тунгусы вначале, которые в несколько месяцев отберут у них великий город, а потом китаизируются и погрузятся в дремоту, чтобы ровно через столетие быть разгромленными Чингисханом.

То, что истинно на востоке, истинно и на западе. Мы видели, что в Европе, в русских степях, являющихся продолжением азиатской степи, сменяли друг друга гунны Аттилы, булгары, авары, венгры (финно-угры по происхождению, но возглавляемые гуннской аристократией), хазары, печенеги, куманы, монголы Чингисхана. Точно то же самое происходит и на землях ислама, где процесс исламизации и иранизации среди тюркских завоевателей Ирана и Анатолии является точным повторением процесса китаизации среди тюрков, монголов или тунгусов Поднебесной. Хан становится здесь султаном или падишахом так же, как там – Сыном Неба. И как и там, скоро вынужден уступать место более грубым кланам, пришедшим из степи. Таким образом, мы наблюдаем в Иране, как истребляют и сменяют друг друга тюрки Газневиды, тюрки Сельджукиды, тюрки Хорезмиды, монголы Чингисхана, тюрки Тимуриды, монголы Шейбаниды, и это не говоря уже о тюрках Османах, которые, прилетев стрелой на крайнюю западную оконечность мусульманских земель, сменят в Малой Азии выдохшихся Сельджукидов, а затем – неслыханная удача – завоюют Византию.

Центральная Азия в еще большей степени, чем Скандинавия Иордана, предстает как матрица народов, *Vagina gentium*, как своего рода азиатская Германия, призванная в этих смутах, в этом *Völkerwanderungen*⁷ поставлять султанов и Сынов Неба старым цивилизованным империям. Эти нашествия степных орд, которые периодически усаживают своих ханов на троны Чаньяня, Лояня, Кайфэна или Пекина, Самарканда, Исфахана или Тебриза, Коньи или Константинополя, стали одним из географических законов истории. Но есть и другой – противоположный – закон: закон медленного растворения этих завоевателей-кочевников старыми цивилизованными странами; двойной феномен, в первую очередь демографический: всадники-варвары, заняв положение аристократии, тонут и исчезают в человеческой массе этих муравейников; во вторую, культурный феномен: побежденная китайская или персидская цивилизация завоевывает своего грубого победителя, опьяняет его, усыпляет, уничтожает. Часто случается так, что через полвека после завоевания все обстоит так, будто этого завоевания не было вовсе. Китаизированный или иранизированный варвар первым становится на защиту цивилизации от новых волн атакующих ее варваров. В V в. тюрк Тоба, властитель Лояня, становится защитником китайской культуры и земель от всех монголов, сяньбийцев или жуан-жуаней, которые хотели бы повторить завоевание. В XII в. Сельджукид Санджар, правящий на Оксе и Иаксарте (Амударье и Сырдарье), осуществляет «стражу на Рейне»⁸ против всех огузов и всех каракитаев с Арала или с Или. Таким образом, история Хлодвиг и Карла Великого повторяется на каждой странице истории Азии. Точно так же, как римская цивилизация, для того чтобы противостоять германцам – саксам и норманнам, находит новые силы в энергии франков, ассимилированных ею, китайская культура в V в. не будет иметь лучших защитников, чем эти тоба, как арабо-персидский ислам не будет иметь более верного рыцаря, чем только что упомянутый нами Санджар. То, чего не сумел сделать ни один Хосрой, ни один

⁷ Переселение народов (нем.). (Примеч. пер.)

⁸ Очевидно, отсылка к древнеримской истории, когда укрепленная граница по Рейну являлась границей между римской цивилизацией и «варварами» (германцами). (Примеч. пер.)

халиф, – воссесть на трон василевса, войти в храм Святой Софии, под рукоплескания всего исламского мира совершил в XV в. их неожиданный наследник – османский падишах. Точно так же мечту династий Хань и Тан о господстве над Азией императоры династии Юань Хубилай и Тэмур Олджейту⁹ осуществят в XIII–XIV вв. в пользу старого Китая, сделав Пекин верховной столицей России, Туркестана, Персии и Малой Азии, Кореи, Тибета и Индокитая. Тюрко-монгол побежал старые цивилизации для того, чтобы в конечном счете поставить свой меч им на службу. Созданный, как римлянин из античной поэзии, управлять народами, он правил старыми цивилизованными народами в соответствии с их традициями и в интересах их тысячелетних устремлений, управлял Китаем, чтобы реализовать, от Хубилая до Канси и Цяньлуна, программу китайского господства в Азии, управлял ирано-персидским миром, чтобы наконец довести до победного конца наступление Сасанидов и Аббасидов на золотые купола Константинополя.

Правящие народы, имперские нации обычно малочисленны. Тюрко-монголы, как и римляне, были такими.

⁹ Тэмур Олджейту – монгольский император Китая в 1294–1307 гг. (*Примеч. пер.*)

Часть первая. Центральная Азия до XIII в.

Глава 1. Древняя история степей: скифы и гунны

Античность степной цивилизации

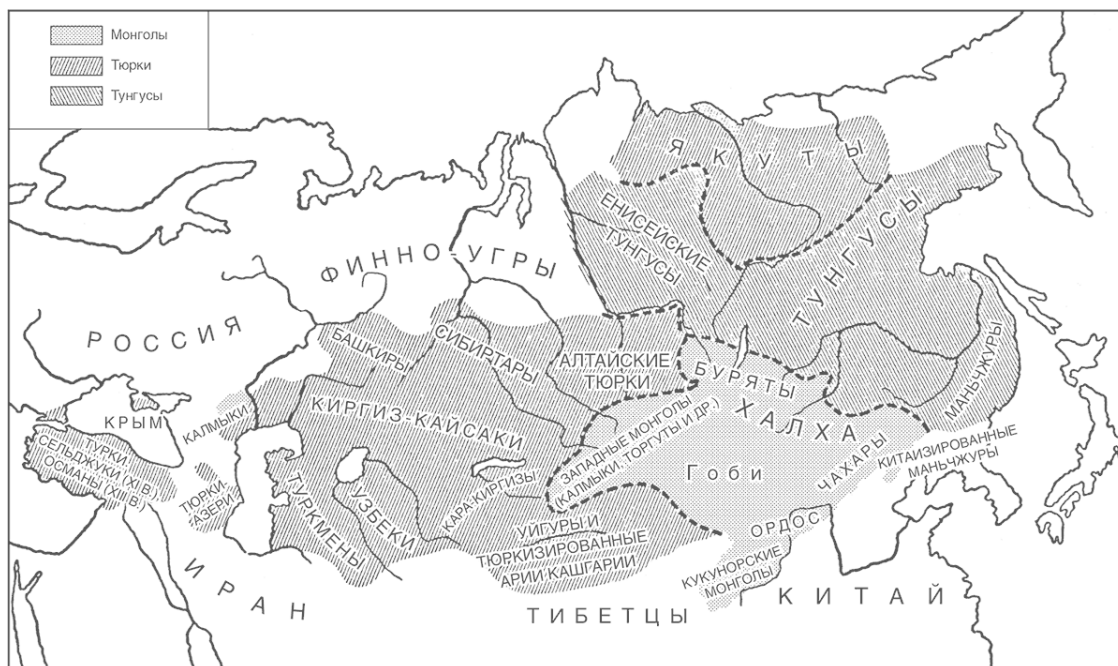
Первая евразийская дорога, которая появляется перед нами, – это северные степи. По этой дороге со времен палеолита по Сибири распространяется ориньякская культура – «ориньякских Венер» находят на Мальте, возле Красноярска, в верховьях Енисея – а оттуда путь шел в Северный Китай, где Тейяр де Шарден обнаружил погребенные под лёссом очаги ориньякской формы, до Шэй-тун-гу возле Нинся в Ганьсу, и на Сиараоссо-голе, на юго-западе Юлины, и к северу от Шэньси. Точно так же следы мадленской культуры обнаружены в Сибири (верховья Енисея), в Маньчжурии (Долон-нор, Маньчули, Хайлар) и в Хэбей (скелет и украшения в верхнем гроте Шоу-ку-дянь близ Пекина: костяные иглы, просверленные кости животных, костяные подвески, продырявленные раковины, куски перламутра, скопления охры).

В эпоху неолита, точнее, ближе к ее концу, степная сибирская дорога служит также для вторжения в Азию носителей культуры керамики, украшенной «гребневыми» полосами (Kammerkeramik по-немецки, comb pottery по-английски), развивавшейся в Центральной России в первой половине 3-го тысячелетия и распространившейся на часть сибирской территории, где она смогла повлиять на развитие протокитайской Цзи-цзя-пин в Ганьсу. Вполне вероятно, что точно так же, в следующий период, в начале 2-го тысячелетия через Сибирь в Китай проникла с Украины красивая керамика, украшенная спиралевидными лентами, происходящая из района Триполье близ Киева и Кукутень в Молдавии, расцвет которой мы видим на китайской территории в Янь-чао-цзоэне, Ганьсу. Наконец, по мнению Тальгрена, бронзовый век начался в Сибири около 1500 г. до н. э., в связи с великой дунайской культурой того же времени (унетицкая культура), тогда как в Центральной Сибири, в районе Минусинска, бронзовый век начался на три века позже (ок. 1200 до н. э.). Китайские подражания сибирским топорам и наконечникам для стрел позволили Максу Лёру предположить, что техника обработки бронзы была заимствована Китаем из Сибири приблизительно в это время (ок. 1400 до н. э.).

Важным фактом древней истории степей явилось создание постепенно стилизовавшегося звериного стиля в искусстве, глубоко оригинального и предназначенного украшать детали доспехов или сбруи из бронзы, серебра и золота, что было у кочевников проявлением роскоши. Это искусство появляется на Кубани, в Майкопском могильнике, где обнаружена ваза из янтаря с массивными золотыми и серебряными фигурками, изображающими зверей (быков, львов и т. д.), явно вдохновленными ассиро-вавилонскими образцами. Современный Среднеминойской цивилизации артефакт датируется, по мнению Тальгрена, приблизительно 1600–1500 гг. до н. э. Позднее мы увидим продолжение этого ассиро-вавилонского влияния вплоть до исторического периода, до VI в. до н. э., на знаменитой секире из Келермеса.

Тальгрэн склонен считать, что начиная, возможно, с 1200 до н. э. русскую степь к северу от Черного моря начал заселять индоевропейский народ киммерийцы, который, как полагают, принадлежал к фракийско-фригийской группе и пришел из Венгрии и Румынии, либо, менее гипотетически, живший также в Румынии и Венгрии. Именно киммерийцам выдающийся финский археолог приписывает, по крайней мере частично, довольно многочисленные находки, относящиеся к тому периоду, сделанные недавно в районе Днепра и Кубани. Главными из находок, о которых идет речь, являются Бородинский клад (ок. 1300–1100? до н. э.), Четковский клад с бронзовыми серпами (ок. 1400–1100? до н. э.), бронзовая литейня из Николаева (ок.

1100? до н. э.), бронзовые серпы из Абрамовки (ок. 1200? до н. э.); все находки сделаны между низовьями Дуная и низовьями Днепра, а кроме того, на Кубани: золотые пластинки и быки из массивного серебра из Старомахайловской (ок. 1300? до н. э.), и на Тереке, Пятигорские курганы (ок. 1200? до н. э.) и у истоков Кубани (чистый бронзовый век, ок. 1200–1100 до н. э.). Все предметы киммерийского искусства, найденные в Южной России, впрочем, связываются с закавказской гянджа-карабахской (ходжалы-кедабекской) культурой, в которой тогда же появляются красивые бронзовые серьги с геометрическим анималистским орнаментом (он возникает между 1400 и 1250 гг. до н. э. и прекращает существование не позднее VIII в. до н. э.) и с талышской (талышмуганской) культурой, в которой искусство производства бронзовых изделий расцветает около 1200 г. до н. э.

Современное расселение тюрко-монголов, по данным Жана Дени

В это же время между Волгой и Уральскими горами срубное захоронение в Покровске, датированное 1300–1200 гг. до н. э., показывает, что докиммерийская или киммерийская бронзового века цивилизация продвигается к Туркестану. Обнаруженный на Сейме, возле Нижнего Новгорода, клад открывает нам более бедную культуру эпохи меди и бронзы, характеризующуюся в первую очередь втульчатыми топорами (1200–800 до н. э.). В Казахстане обнаружена аналогичная культура, называемая андроновской, которая доходит до Минусинска (а около 1000 г. до н. э. она дойдет до Карасука). Это был первый сибирский бронзовый век, с втульчатыми топорами, которые могли оказать влияние на орудия из Аньяня в Китае времен династии Шань, кинжалами с плоскими лезвиями и метательными копьями того же типа, что на Сейме, и чисто геометрическим орнаментом: видимо, анималистское искусство с Кавказа сюда не добралось. Еще дальше на север, в Красноярске, на Енисее, мы довольно долго будем наблюдать искусство энеолитического типа, которое даст прекрасные образцы резьбы по камню, изображающей лосей и лошадей.

Между 1150 и 950 гг. до н. э. киммерийская цивилизация в Северном Причерноморье продолжает развиваться. Видимо, к этому периоду относится Новогригорьевский клад (бронзовые втульчатые топоры) и бронзовая литейня из Николаева на Буге (ок. 1100? до н. э.). В терских степях чистый бронзовый век на Кубани показывает интересные связи с культурой, называемой лельварской, на территории Грузии, цивилизации, опережающей в развитии степ-

ную, поскольку в ней уже появляется железо, и дающей нам датированные приблизительно 1000–900 гг. до н. э. интересные бронзовые пояса с геометрическими изображениями животных и людей в сценах охоты и сельскохозяйственных работ. С другой стороны, локальная бронзовая культура, которую мы видели в Покровске, между Самарой и Саратовом, продолжается в этом регионе в Хвалынске, могильники которой Тальгрэн датирует временем между 1200 и 700 гг. до н. э. и которая, по его мнению, уже принадлежит скифам: в таком случае это первое появление в Европейской России данного североиранского народа, которому предстояло сменить киммерийцев в господстве над степями Северного Причерноморья.

Между 900 и 750 гг. до н. э. мы наблюдаем последнюю фазу киммерийской культуры. Это эпоха Михалковского клада в Галиции и его знаменитой золотой диадемы, имеющей сходство как с кавказскими культурами, так и с гальштатской в Австрии (ок. 800–700? до н. э.), эпоха Подгорцкого клада южнее Киева с явными кавказскими влияниями (ок. 800? до н. э.); втульчатых бронзовых топоров из Коблево восточнее Одессы и в целом копий с двумя нарезками на лезвии, которые в ту пору изобилуют в Южной России (ок. 900–700? до н. э.). Киммерийская культура бронзового века, кроме того, распространяется на Румынию, вместе с культурами, называемыми бордей-херэстрэуской и мурешской в Молдавии и вартопуской в Валахии, и она продолжается дальше в венгерских бронзовых изделиях. Можно вслед за Тальгреном отметить, что киммерийцы и фракийцы задержались в бронзовом веке, в то время как на Кавказе на юго-востоке и Гальштатте в Австрии уже наступил железный век (Гальштатт, I, ок. 900–700 до н. э.). Впрочем, хвалынская группа между Волгой и Уральскими горами, атрибутируемая как авангард скифов, та самая группа, которой принадлежат существовавшие в Сосновой Мазе около 900 г. до н. э. бронзовые литейни, также задержалась в бронзовом веке. В это же время в Сибири, в Минусинске, между 1000 и 500 гг., как полагает Тальгрэн, развивается вторая фаза бронзового века с втульчатыми топорами с двумя ушками; орнамент в принципе остается исключительно геометрическим, однако хоть и редко, но встречаются уже фигуры животных, которые, без сомнения, служили завершением рукоятки.

Отметим, что эпоха киммерийской бронзы в русской степи в последний свой период контактировала с двумя культурами железного века: гальштаттской в Австрии и кавказской.

Железные ножи из Гальштатта найдены при раскопках как последнего периода киммерийской культуры, так и в слоях, относящихся к началу скифского периода.

Скифы

Между 750 и 700 гг. до н. э., по свидетельствам греческих историков, дополненных ассирийской хронологией, киммерийцы были вытеснены из степей Южной России скифами, пришедшими из Туркестана и Западной Сибири. Народы, известные грекам под названием скифов (скутоев), – это те же самые, кого ассирийцы обозначали именем ашкузаи, а персы и индийцы знали под именем сака или шака. Как подтверждает ономастика, скифы принадлежали к иранской семье. Это были северные иранцы, оставшиеся кочевниками на «первоначальной иранской родине», в степях более позднего русского Туркестана и поэтому в значительной степени избежавшие влияния материальной культуры Ассирии и Вавилона, бывшего таким сильным на их оседлых родичей мидян и персов, обосновавшихся южнее, на Иранском плато. Скифы, как и их родичи сарматы, должно быть, оставались чуждыми историческому маздеизму, зороастрийской реформе, которая немногим позднее постепенно изменила верования мидяно-персов.

Греко-скифские вазы из Куль-Обы и Воронежа оставили нам яркие портреты этих скифов. Бородатые и, как их родственники саки на барельефах Персеполя, в остроконечных колпаках, защищающих уши от страшного степного ветра, они, как и саки, одеты в просторные одежды, рубашку и широкие штаны, как у их кузенов – мидян и персов. Лошадь – восхитительная степная лошадь, изображенная на серебряном сосуде из Чертомлыкского кургана, –

их неразлучный спутник, так же как лук их излюбленное оружие. Эти конные лучники «не имеют городов», если не считать «передвижные города», я хочу сказать – вереницы повозок, сопровождающие их в перемещениях точно так же, как в тех же русских степях вереницы повозок будут сопровождать войско монголов Чингизидов девятнадцать веков спустя, в XIII в., в эпоху Платона Карпини и Рубрика. На этих повозках они перевозили своих женщин и свои богатства: изделия из золота, доспехи и снаряжение, а также, очевидно, ковры и все те вещи, потребность в которых породит «скифское искусство» и определит форму и общее направление этого искусства, как мы скоро увидим. Такими эти хозяева русских степи останутся с VII по III в. до н. э.

Хотя скифов, как полагают современные лингвисты, следует отнести к ираноязычным народам – индоевропейская семья, индоиранская или арийская группа, их образ жизни, как мы убедились, был практически таким же, как у гуннских племен тюрко-монгольской расы, которая, примерно в то же самое время, начала приходить в движение на другом краю степи, на границах с Китаем. Действительно, условия кочевой жизни в Северном Причерноморье или Прикаспии и в Монголии в принципе аналогичны, хотя в последнем регионе намного более суровы. Так что не стоит удивляться, если, абстрагировавшись от физического типа или данных лингвистики, скифы, какими их описывают греческие историки или которых мы видим на греко-скифских вазах, напоминают нам уровнем развития своей культуры и общими условиями существования хунну, тукю и монголов, описанных и зарисованных китайскими летописцами или художниками. Между этими двумя группами мы находим некоторое количество общих обычаев, либо потому, что одинаковый образ жизни диктовал скифам и гуннам одни и те же решения (например, как скифские, так и гуннские конные лучники носили штаны и сапоги в отличие от платьев жителей Средиземноморья или Древнего Китая и, очевидно, даже использовали стремена¹⁰), либо географические контакты находившихся на одной стадии культурного развития скифских и гуннских племен привели к появлению сходных ритуалов (например, погребальных жертвоприношений, практиковавшихся до весьма поздних времен как у скифов, так и у тюрко-монголов), тогда как в Передней Азии и Китае они исчезли со времен погребений Ура и Ан-яня.

Итак, между 750–700 гг. до н. э. скифы (точнее, часть скифско-сакских народов, поскольку большая часть саксов осталась в предгорьях Тянь-Шаня, в районе Ферганы и Кашгарии) переместились из района Тургая и реки Урал в Южную Россию, вытеснив киммерийцев. Похоже, некоторым киммерийцам удалось бежать в Венгрию – страну, очевидно уже населенную племенами, близкими к фракийцам; не эти ли беженцы закопали «клады» в Михалков близ Силады и в Фокору близ Хевеша, а также в Михалкова в Галиции. Остальные киммерийцы через Фракию (по мнению Страбона) или через Колхиду (по Геродоту) бежали в Малую Азию, где мы видим их скитающимися по Фригии (ок. 720 до н. э.), потом по Каппадокии и Киликии (ок. 650 до н. э.) и, наконец, по Понту. Часть скифов бросилась за ними в погоню (в 720–700 гг.), но, говорит нам Геродот, они заблудились, перешли Кавказ через Дербент и столкнулись с Ассирийской империей, на которую их царь Ишпахай напал, впрочем, без успеха (ок. 678 до н. э.). Другой скифский царек, Партатуа, более информированный, сблизился с Ассирией, поскольку у ассирийцев были те же враги, что и у него, – киммерийцы, угрожавшие их границам со стороны Киликии и Каппадокии. Скифское войско, действуя в согласии с ассирийцами, направилось к Понту раздавить последних оставшихся киммерийцев (в 638 г.). Десять лет спустя сын Партатуа, которого, по свидетельству Геродота, звали Мадий, пришел

¹⁰ Вопрос о стремене является важнейшим. Изобретение стремени на долгие времена обеспечило северным кочевникам огромное преимущество над кавалерией оседлых народов. Знаменитая греко-скифская ваза из Чертомлыка, как кажется, уже показывает нам «стремя из кожаного ремня с пряжкой, которое выступает из подпруги». У хунну использование стремени зафиксировано начиная с III в. до н. э. На Западе ни греки, ни римляне стремени не знали, и, кажется, только в VI в. их распространили авары.

на призыв Ассирии, оккупированной мидянами, сам вторгся в Мидию, которую покорил (ок. 628 до н. э.); но мидяне очень скоро восстали; их царь Киаксар перебил скифских вождей, и остатки скифов отступили через Кавказ в Южную Россию. Это всего лишь несколько наиболее значительных эпизодов нашествий скифов, которые на протяжении почти семидесяти лет наводили ужас на Переднюю Азию. Все это время великие индоевропейские варвары были грозой Древнего мира. Их конница осуществляла грабительские набеги по своему усмотрению от Каппадокии до Мидии, от Кавказа до Сирии. Это масштабное движение народов, эхо которого докатилось до пророков Израиля, представляет собой первое зафиксированное историей нашествие кочевников из северной степи в самое сердце древних цивилизаций юга, движение, которое, как мы увидим, повторялось в течение приблизительно двадцати веков.

Когда персы сменили ассирийцев, вавилонян и мидян, они занялись организацией защиты оседлого Ирана от новых вторжений из внешнего Ирана. По сведениям, сообщаемым Геродотом, Кир совершил свой последний поход против массагетов, то есть скифов из региона восточнее Хивы (ок. 529 до н. э.). Свой первый крупный поход Дарий совершил против европейских скифов (ок. 514–512 до н. э.). Через Фракию и нынешнюю Бессарабию он вошел в степь, где, следуя обычной тактике кочевников, скифы, вместо того чтобы принять бой, стали отступать, заманивая его все дальше и дальше в необжитые места. У него хватило ума вовремя повернуть назад. Геродот близок к тому, чтобы считать эту Русскую кампанию¹¹ безумной прихотью деспота. В действительности речь для Ахеменида шла об осуществлении вполне реальной политической идеи: персизация внешнего Ирана, паниранское единство. Предприятие закончилось неудачей, скифы, избежав персизации, остались мирными хозяевами Южной России в течение еще более чем трех столетий. Результатом похода Дария стало, как минимум, окончательное устранение для Передней Азии вторжений кочевников.

Найденные предметы скифского искусства (к которым мы еще вернемся), позволяют нам частично увидеть прогресс в нем за время пребывания скифов в России. Сначала, приблизительно между 700–550 гг. до н. э., центр скифской культуры остается в юго-восточной степи, в окрестностях Кубани и полуострова Тамань. Очевидно, скифы также уже доминировали в это время в Южной Украине, между низовьями Днепра и Буга, что подтверждают находки в Мартоноше и Мельгунове, но, по всей вероятности, более sporadически. Лишь между приблизительно 550–450 гг. до н. э., по мнению Тальгрена, на землях современной Украины начинается расцвет скифской культуры, которая достигает своего апогея приблизительно в 350–250 гг. до н. э., что можно увидеть на примере огромных царских курганов в районе нижнего течения Днепра, в Чертомлыке, Александрополе, Солохе и Деневе и других местах. Крайняя северная зона, которой достигла скифская экспансия на западе, находится на северной границе лесостепи, чуть южнее Киева и в Воронежской области. На северо-востоке скифская экспансия, двигаясь вверх по Волге, достигла до Саратовской области, где были сделаны важные находки и где Тальгрэн помещает скифский или ассимилированный скифами народ – во всяком случае, также иранского происхождения – сарматов. Впрочем, возможно, что скифы в Южной России составляли лишь аристократию, господствующую над киммерийским, то есть фрако-фригийским, субстратом. Бенвенист отмечает, что у Геродота (IV, 5–10), хотя данные, заявленные как скифские, говорят о чисто иранских именах собственных, другие сведения о тех же самых скифах, но заявленные как греческие по происхождению, выявляют еще и фрако-фригийскую ономастику. Дошедшие до нас лингвистические данные подтверждаются археологическими находками. Тальгрэн пишет: «Гальштатский характер киммерийской эпохи бронзы продолжил существование на Украине как крестьянская культура, даже в период укрепления скифизма и эллинизма». Наконец, на севере скифской, в большей или меньшей степени кимме-

¹¹ Сравнение с наполеоновским походом в Россию в 1812 г., действительно имеющим определенное сходство с походом Дария. (Примеч. пер.)

рийской, субстратной зоны жили варвары нескифского происхождения, именуемые Геродотом андрофагами, меланхенами и исседонами и которые, как можно предположить, были финно-угорского происхождения. Тальгрэн предлагает поместить андрофагов к северу от Чернигова, а меланхленов – севернее Воронежа. Мы знаем, что два эти народа объединились со скифами для отражения нашествия Дария. Что же касается исседонов, то Бенвенист ищет их в районе Урала, рядом с Екатеринбург. Добавим, что Тальгрэн предлагает считать принадлежащей андрофагам и меланхленам, то есть финно-угорским соседям скифов, культуру, называемую мордвинской, следы которой обнаружены при раскопках на Десне и Оке и которая характеризуется весьма бедным геометрическим орнаментом, ничего общего не имеющим со звериным стилем скифов.

Скифское искусство

Великие скифские вторжения VII в. до н. э. на Кавказ, в Малую Азию, в Армению, в Мидию и в Ассирийскую империю представляют интерес не только для политической истории. Первоначальный контакт скифов с ассирийским миром, для которого они, не будучи этого забывают, стали союзниками, федератами¹², этот тесный контакт, продолжавшийся около века, с нашей точки зрения, является важнейшим фактом для любого, кто изучает искусство степей. Прежде всего, вполне вероятно, что именно во время их набегов в Передней Азии в VII в. до н. э. скифы завершили переход от эпохи бронзы к эпохе железа. Спешим добавить, что в самом начале скифская культура также испытала влияние галыштатской техники обработки железа в кельто-дунайском регионе (Галыштатт между 1000–900 и 500–450 гг. до н. э., Скифия между 700 и 200 гг. до н. э.). Но в особенно тесном контакте со скифами в результате бурных перемещений народов в VII в. до н. э. оказались Кавказ и страна мидян – в частности, Луристан. Франц Ханчар согласен со своим венским коллегой Ф.В. Кёнигом, который как раз считает, что именно к VII в. до н. э. сле дует отнести большую часть бронзовых предметов от Кубани до Кавказа, а также часть бронзовых предметов из Луристана, на противоположной юго-западной стороне древней Мидии. По мнению Ханчара, бронзовые предметы с Кубани и даже из Луристана частично принадлежат киммерийцам. Здесь очевидна связь тех и других с начальным периодом скифского искусства, поскольку орды скифских и киммерийских захватчиков в то время кружили в одних и тех же регионах. Впрочем, у нас имеется неоспоримое доказательство прямого влияния ассиро-вавилонской Месопотамии на первые произведения скифского искусства: железная с золотом секира из Келермеса с Кубани (приблизительно VI в. до н. э.), секира, на которой древняя ассиро-вавилонская (и луристанская) тема двух козлов, стоящих у древа жизни, соседствует с двумя прекрасными оленями, изображенными в реалистической манере, явно вдохновленной ассирийским животным стилем, но уже специфически скифской по причине использования декоративных мотивов.

Мы видим, как из этой отправной точки выходит весь скифский звериный стиль, который можно определить, сказав, что от ассирийского (или греческого) натурализма он переходит к декоративным целям. В окончательно сложившемся виде это искусство предстает в золотых оленях из могильника в станице Кост ромская, также на Кубани (предположительно, VI в. до н. э.) и в спиралевидных стилизациях их рогов. Так, в Южной России на много веков устанавливается эстетика степей с ее четкими тенденциями, их распространение на восток, вплоть до Монголии и Китая, мы еще проследим. С самого начала в нем проявляются два течения: натуралистическое, очевидно периодически обновляемое влияниями из ассиро-ахеменидского источника, с одной стороны, и эллинистического – с другой; декоративное направ-

¹² **Федераты** – союзники. Термин из истории поздней Римской империи: варварские племена, поступавшие на военную службу к римлянам и получавшие земли для расселения в пограничных областях для их обороны. (*Примеч. пер.*)

ление, которое, как мы только что сказали, сминает, деформирует и уводит это течение к чисто орнаментальным формам. В конце концов, реалистический анимализм, никогда не выпадавший из поля зрения этого народа укротителей диких лошадей и охотников, станет опорой и предлогом для декоративных стилизаций.

Данная тенденция объясняется одинаковыми условиями кочевой жизни, как для скифо-сарматов на западе, так и гуннов на востоке. При отсутствии у них постоянных городов и роскошных дворцов скульптура, барельеф и живопись, единственные виды искусства, требующие реализма, оставались чуждыми им. Вся их роскошь ограничивалась одеждой и ювелирными изделиями, деталями снаряжения или конской сбруей и т. д. А все эти предметы – аграфы и поясные пластины, накладки на конскую сбрую, пряжки ножен и сбруи, накладки на повозки, всевозможные древки и рукоятки, не говоря уже о коврах, таких как найденные в Ноин-Ула, – похоже, предназначались для стилизованного, даже геральдического, использования. Кроме того, как уже было сказано, северные кочевники, принадлежали ли они к иранской семье, как скифы, или к тюрко-монгольской, как гунны, проводили свою жизнь в степи, на коне, охотясь на стада оленей и диких ослов, становясь свидетелями того, как в бескрайних степях волки преследуют антилоп. Естественно, что в силу как образа жизни, так и особенного характера своей роскоши они в конце концов восприняли из ассиро-вавилонского опыта лишь геральдическую тематику и стилизованные изображения схваток животных. Наконец, как отмечает Юхан Гуннар Андерсон, похоже, что эти изображающие животных фигурки имели у степных охотников чисто магическое значение, как когда-то было с фресками и фигурками из кости наших мадленцев.

Если оставить в стороне предметы греко-скифского ювелирного искусства, являющиеся скифскими лишь по сюжетам, но изготовленные греческими мастерами для греческих крымских колоний либо напрямую для степных царей, мы, практически везде сталкиваемся в скифском искусстве с изображениями животных, доведенных до системного геометризма с единственной целью орнаментализма. В Костромской, искусство V в. до н. э., по оценке Шефолда, Елизаветовская, того же периода, в Кул-обе в Крыму, между 450 и 350 гг. до н. э., в кладе Петра Великого из Западной Сибири, относящемся к сарматской эпохе, I в. до н. э., в Верхнеудинске¹³, в Забайкалье, гуннское искусство приблизительно начала нашей эры – везде мы находим одинаковые олени рога, лошадиные гривы, даже когти представителей семейства кошачьих, которые расцветают завитками и спиралями, порой вдвое превышающими по размеру самое животное. В Западно-Сибирской области распространения скифо-сарматского искусства и вдохновлявшегося теми же мотивами искусства, созданного ордосскими хунну, стилизация животных форм оказывается настолько полной, они обвивают друг друга, переплетаются так сильно, что, несмотря на реализм, сохраняющийся в изображении голов оленей, лошадей, медведей или тигров, порой с трудом удастся отличать животное от декора. Рога и хвосты животных заканчиваются листьями или распускаются в форме птиц. Реализм в изображении животных тонет и теряется в вышедшей из него орнаментации.

Таким образом, степное искусство противопоставляется искусству соседних оседлых народов, скифское искусство – ассиро-ахеменидскому, гуннское – китайскому, и это на той самой почве, на которой могло бы происходить их сближение: сцены охоты и схваток между животными. Нет ничего более противоположного ассирийскому или ахеменидскому анималистскому классицизму в линейной плоскости, с одной стороны, и искусству эпохи династии Хань – с другой, чем кривые линии, завитки, изгибы степного искусства. Ассирийцы и Ахемениды, как и китайцы времен династии Хань, показывают нам мирно идущих животных, преследующих одно другого или угрожающих друг другу в простом, полном воздуха декоре. У степных художников, скифов или гуннов, мы видим схватки – зачастую переплетения, словно лиан

¹³ Ныне город Улан-Удэ. (Примеч. пер.)

в тропическом подлеске, — животных, сражающихся одно с другим насмерть. Драматическое искусство, заполнявшееся ломкой членов тела лошади или оленя, схваченного кем-то из кошачьих, медведя, хищной птицы или грифона, нередко было предметом полного выворачивания фигур. Здесь нет никакой скорости, никакого бега. Терпеливые и методичные перегрызания горла, где часто, как уже было сказано, жертва словно увлекает своего палача к смерти. Зато здесь чувствуется внутренний динамизм, который, вопреки этой «медлительности», быстро достигал бы большой трагической силы, если бы яркая стилизация, переплетающая и расцветивающая формы, обычно не лишала эти кровавые сцены всякого реализма.

Различные составляющие и тенденции степного искусства неравномерно распределены по огромной зоне, протянувшейся от Одессы до Маньчжурии и Хуанхэ. Степное скифское искусство, распространяясь к лесной зоне верховий Волги, оказывает влияние на ананьинскую культуру возле Казани (ок. 600–200 до н. э.), очевидно, культуру финно-угорскую, где в богатом некрополе были найдены топоры-пики и обычные бронзовые кинжалы, с некоторыми мотивами звериного стиля, в частности, тема закрученного завитком животного, напоминающая скифские изделия, но здесь выполненного в весьма упрощенной и бедной фактуре. Однако, по замечанию Тальгрена, скифская анималистская орнаментация в Ананьино была заимствовано лишь частично, а фон декора продолжает основываться на геометрических мотивах. Совсем иначе дело обстоит в Минусинске, в Центральной Сибири. В этом важном центре металлургической промышленности на Алтае в эпоху расцвета бронзы (VI–III вв. до н. э.), очевидно, продолжают производить втульчатые топоры исключительно с геометрическим декором (см., например, красноярский «угловой» декор), но также, начиная с этого времени, мы видим там бронзовые фигурки животных, выполненные в упрощенной и строгой стилизации, контрастирующей с завитками, присутствующими на предметах из других мест, и где Боровка охотно искал топографические и хронологические истоки степного искусства. Понятна важность поставленного таким образом вопроса. Является ли Минусинск, стоящий на полпути между Черным морем и Петчильским заливом, своего рода отправной точкой степного искусства, как полагает Боровка, где молотом древних кузнецов Алтая были впервые воплощены анималистические темы, еще простые и бедные, но постепенно обогащавшиеся скифами по мере продвижения на юго-запад, благодаря ассиро-ахеменидскому вкладу, и хунну на юго-восток, благодаря вкладу китайцев? Или же, напротив, бедность анималистских форм в Минусинске проистекает, как считает Ростовцев, от того, что скифское искусство оскудело, пока добралось до пермских лесов? В таком случае Ананьино и Минусинск являются лишь слабым эхом русской степи.

Следует, впрочем, отметить, что в самой Южной России вначале, то есть с VII–VI вв. до н. э., мы видим, что анималистическая стилизация еще весьма строга, как в случае с бронзовыми предметами из курганов Керчи и Куль-Обы (оба относятся уже к V–IV вв.), в Крыму, Семибратье, Келемесе, Ульском и Костромской на Кубани, в Чигирине близ Киева и др. Похоже, что в V–IV вв. до н. э. стилизация усложняется, как в случае находок из Солохи под Мелитополем у Азовского моря, где рядом с прекрасными греческими ювелирными изделиями на скифскую тематику мы видим завитки звериного стиля, характерные разветвления и избыточность форм, точно так же, как на предметах из Елизаветовской близ Азова, ажурная пышность и разветвления на бронзовых изделиях которых говорят сами за себя.

Сарматы и Западная Сибирь

В IV в. до н. э. мы находим в Оренбургской области, возле Уральских гор, в Прохоровке, локальную культуру, характеризующуюся складами копий. Поскольку копье являлось специфическим сарматским оружием, прохоровские могильники, по мнению Ростовцева, представ-

ляют собой первый случай появления сарматов в европейской части России¹⁴. Как бы то ни было, во второй половине III в. до н. э. сарматы, народ одного происхождения со скифами, принадлежащий, как и они, к кочевой североиранской группе и до того времени живший к северу от Аральского моря, перешел Волгу и вторгся в русскую степь, тесня скифов к Крыму¹⁵. Полибий (XXV, 1) впервые упоминает их как мощную силу в 179 г. до н. э. Хотя речь идет о родственных народах, также кочевниках, вновь пришедшие весьма четко отличались от своих предшественников. Скифы, как мы видели, предстают перед нами конными лучниками, в колпаках и в широких одеждах, варварами, прикоснувшись к греческой культуре, развивающими звериный стиль, который, через все стилизации, всегда сохранял воспоминание о натуралистической пластике. Сарматы же в основном конники, вооруженные копьями, в конических шлемах на голове, защищенные кольчугой. Их искусство, еще анималистское в своей основе, показывает гораздо большую, чем у скифов, приверженность к стилизации и геометрическим орнаментам; оно включало многоцветные эмалевые инкрустации на металле; короче, оно демонстрирует ярко выраженную «восточную» реакцию стилизованных растительных декоративных элементов на греко-римскую пластику. Это уже появление в Европе средневекового искусства, которое сарматы передадут готам, а те – всем германцам эпохи Великого переселения народов.

Переход от скифского искусства к сарматскому наблюдается в важных находках в Александрополе, близ Екатеринослава¹⁶, датированных III в. до н. э. Сарматское искусство обособляется в Южной России в течение III и II вв. до н. э., что доказывают находки украшений в Буеровой Могиле, Ахтанизовке, Анапе, Ставрополе, Казинском и Курджипе на Кубани, в сарматском культурном слое в Елизаветовской близ Азова, а также знаменитый Майкопский серебряный пояс с эмалевыми украшениями и с изображением грифона, пожирающего лошадь, предположительно сделанный сарматами во II в. до н. э. Тот же стиль продолжается в сарматских бляхах следующей эпохи – в Таганроге и Федулово недалеко от устья Дона, в Сиверской, близ устья Кубани (II–I вв. до н. э.) и I в. н. э. в Новочеркасске, рядом с Азовом, в Усть-Лабинске, на ферме Зубова и в Армавире на Кубани¹⁷.

К этой группе, особенно к пряжке Майкопского пояса, примыкают и ныне входящие в клад Петра Великого золотые и серебряные бляхи из Западной Сибири, украшенные сражениями грифонов и лошадей, тигров и лошадей, грифонов и яков, орлов и тигров и т. д., которые все выполнены в очень стилизованном и древовидном стиле. Комплекс этих сибирских блях, очевидно слишком рано датированный Боровкой III–II вв. до н. э., принадлежит, по мнению Мерхарта, к I в. до н. э. или, даже точнее, по датировке Ростовцева, к I в. н. э.

Еще более усиливается искушение приписать сарматам и родственным им народам западносибирские бляхи после недавних находок советскими учеными человеческих черепов в Оглахтинском могильнике рядом с Минусинском, то есть намного восточнее, в Центральной

¹⁴ Хотя с V в. до н. э. Геродот (IV, 116) упоминает о «савроматах» к востоку от устья Дона и представляет их нам как метисов скифов и амазонок, говорящих на скифском языке. Идет ли речь об авангарде, следовавшем за скифами в их миграциях задолго до прихода основной массы сарматов, в то время еще кочевавших к северу от Каспийского моря? Но Ростовцев отмечает, что такой важнейший факт, как матриархат, о котором говорят греки, у сарматов никак не подтверждается. Он полагает, что речь идет о двух совершенно разных народах.

¹⁵ В этот момент скифы оказались между пришедшими из Азии сарматами, с одной стороны, и наступавшими гетами (будущими даками), фрако-фригийским народом, выкраивавшим себе державу в Венгрии и Румынии.

¹⁶ Ныне город Днепр. (Примеч. пер.)

¹⁷ Как и бронзовые изделия характерного сарматского стиля, хотя и найденные в зоне, населенной не сарматами, а финно-уграми, а также предметы из некрополя в Уфе, на западе Южного Урала и из клада в Екатериновке, между Уфой и Пермью, которые оба Тальгрэн датирует периодом между 300 и 100 гг. до н. э. Похоже, что и бляхи с «закрученными животными», найденные в Гляденово к северо-востоку от Перми, которые Тальгрэн датирует началом нашей эры, вдохновлялись сарматским стилем. Что касается крупных блях из клада Петра Великого, найденных в Западной Сибири, они, похоже, принадлежат к промежуточной стадии между скифским или «позднескифским» и сарматским. Тем не менее они относятся к сарматской эпохе, соотносясь с монетами Нерона и Гальбы.

Сибири, которые, похоже, не принадлежат к тюрко-монгольским элементам и могут быть отнесены к народам индоевропейской семьи, родственным со скифами, сарматами и саками.

Прототюркские культуры Алтая

Металлургический центр в Минусинске, в верховьях Енисея, стал приблизительно с начала V в. до н. э. местом новой деятельности. Именно там, по мнению Тальгрена, появляются ямные захоронения в квадратных каменных оградах, совпадающие с периодом так называемой бронзой III, «высшим расцветом бронзы», по мнению Мерхарта (ок. 500–300 или 200 до н. э.). Этот период характеризуется обилием животных мотивов, в особенности лежащих оленей, стоящих оленей, смотрящих назад оленей, и мотивом извивающегося животного, пришедшим, по мнению Тальгрена, из Южной России.

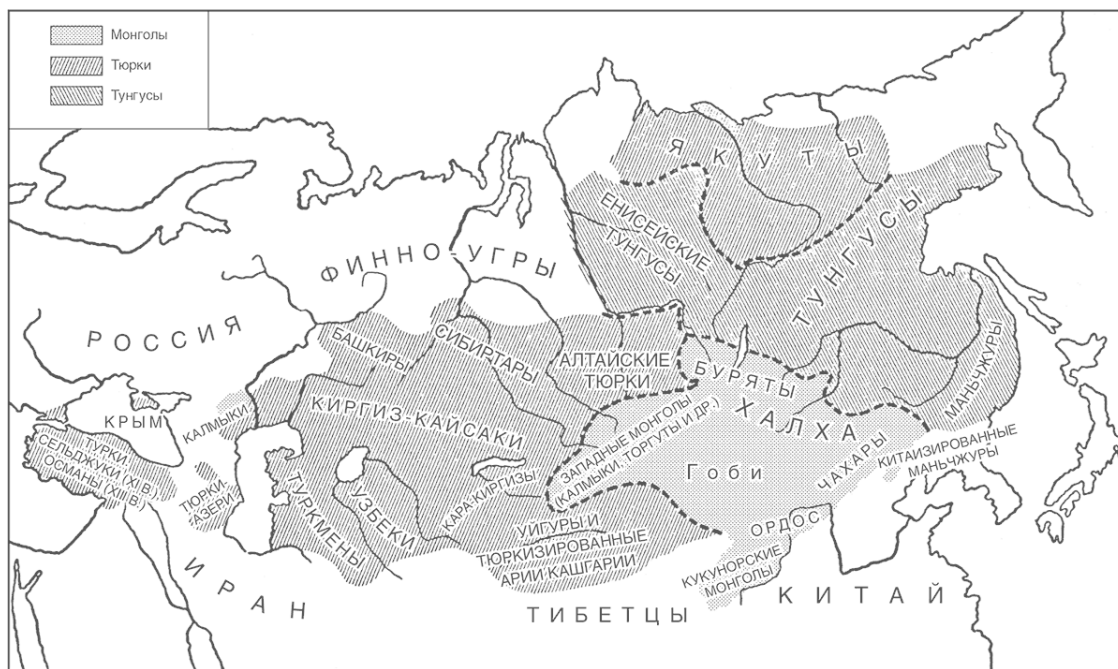
Периодом между 500 и 300 гг. до н. э. датируется также первое производство в Сибири бронзовых кинжалов и ножей, а также чаш-котлов, которые из Минусинска распространились, с одной стороны, до Ордоса времен хунну, а с другой – до Венгрии эпохи Великого переселения¹⁸.

Также ножи из Минусинска и Тагарского, тонкие, слегка изогнутые, часто с ручкой, заканчивающейся очень изящной оленьей головой, были во времена хунну распространены по всей Монголии до Ордоса. Около 300–200 гг. до н. э. в Минусинске наступает железный век с его топорами-пиками, частично из бронзы, частично из железа, и с его группой больших групповых захоронений. Кроме того, Минусинск, как полагает Мерхарт, дал нам приблизительно во II в. до н. э. украшенные орнаментом бронзовые бляхи с головами дерущихся быков или схватками коней, бляхи, на которых уши, лапы, хвост, мышцы, шерсть животных изображены «вогнутыми листьями клевера», что имеет явную связь с сарматским искусством из Южной России и Западной Сибири и что, в свою очередь, Минусинск, по мнению многих археологов, передал гуннскому ордосскому искусству.

Минусинск расположен на северном склоне Сайнских гор. Пазырык – юго-западнее, на северном склоне Большого Алтая, возле истоков Оби и Хатуни. Там в 1929 г. экспедиция Грязнова обнаружила захоронения, датируемые 100 г. до н. э. или чуть ранее, с останками лошадей, «замаскированных» под оленей (что, скажем в скобках, доказывает, что речь идет о народностях, заменивших оленя лошадью). Эти лошадиные маски, а также сбруя из кожи, дерева и золота украшены стилизованными животными мотивами: летящими галопом каменными баранами и оленями, крылатым грифоном, убивающим барана, пантерами, бросающимися на оленей и баранов, хищной птицей на лежащем на земле олене, дерущимися петухами. Все эти мотивы еще довольно близки к скифскому и даже греко-скифскому звериному реализму, без последующих орнаменталистских деталей. Стилизация, упорядоченная и строгая, остается в них ослепительным декоративным эффектом. Еще в Пазырыке найдены бородатые маскироны, бесспорно греко-римского происхождения, попавшие туда, очевидно, из эллинистического Боспорского царства на Боспоре Киммерийском. Такие же греко-римские маскароны, относящиеся к тому же периоду – II–I вв. до н. э., найдены в Минусинской группе (в Трифонове, Батени, Беже, Кали, Знаменке и др.). Что же касается Алтайской группы, она, помимо Пазырыка, включает в себя курганы урочища Шибе, Караколь и Ойротин, датируемые по большей части примерно I в. до н. э. Предметы группы урочища Шибе представляют то же звериное искусство, еще более строгое и близкое к реализму. Китайский лак в Шибе датирован 86–49 гг. до н. э.

¹⁸ Эти чаши-котелки цилиндрической формы с двумя прямыми квадратными «ушками» находятся и в музее Сернушей под Минусинском, и в музеях Будапешта.

Алтайская культура I в. н. э. представлена Катандинским курганом, давшим нам деревянные предметы с изображением сражений медведей с оленями с цветистыми рогами в форме птичьих голов, а также бронзовые бляхи и фрагменты тканей со стилизованными анималистскими мотивами, в том числе битвой грифонов с оленями, напоминающими гуннские мотивы того же времени (2 г. н. э.), которые мы находим в Ноин-Ула в Монголии. И точно так же Ноин-Ула дает нам греческую ткань, бесспорно привезенную с Боспора Киммерийского, курган Тес рядом с Минусинском подтверждает, что подобные греко-римские влияния сохранялись, в частности, в серьгах, в которых заметен понтийский стиль, вплоть до эпохи Великого переселения.

Степное искусство в Сибири и Монголии

В течение двух первых веков нашей эры мы еще видим процветание вокруг Минусинска переходной культуры, которую Теплоухов назвал таштыкской и к которой, в частности, принадлежат находки в деревне Оглажки в 60 км к северу от Минусинска, севернее места впадения реки Туба в Енисей, находки, датируемые по китайскому шелку временем династии Вторая Хань, с прекрасными наскальными рисунками в зверином стиле.

Чуть позже эти скифо-сарматские по происхождению очаги на Алтае и в Минусинске, кажется, угасают или, точнее, изменяются, поскольку в районе Минусинска еще в начале VII в. н. э. будут производиться бронзовые украшения, датированные по китайским монетам начала правления династии Тан. Предположительно, страна была завоевана тюркскими племенами, предками киргизов, о чем китайские историки сообщают в V в.¹⁹ По мнению Теплухова, смена в Минусинске киргизов индоевропейской аристократией сарматского происхождения могла иметь место после III в. н. э. Но прежде чем исчезнуть, культурные центры Минусинска, Пазырыка и Катанды сыграли значительную роль, способствуя передаче стилизованного звериного стиля, искусства степей, гуннским народам Монголии и Ордоса.

¹⁹ Возможно, в это время произошло смешивание народов. Гардизи, персидский историк и географ XI в. пишет, что в его время киргизы были белокожими и рыжеволосыми. Впрочем, эти енисейские киргизы имели иное происхождение, чем тюркоязычный народ того же имени.

Происхождение хунну. Хуннское искусство

Пока кочевники иранского происхождения, скифы и сарматы, занимали западную часть степной зоны от Южной России до, очевидно, Тургая и юго-запада Сибири, восточная часть находилась во власти тюрко-монгольских народов. Доминирующий среди тюрко-монголов на протяжении Античности народ китайцы обозначают названием хун-ну, именем, которое созвучно и гуннам (хунни) и хуна, которым римляне и индийцы впоследствии обозначали тех же самых варваров. Вероятно, это те самые хунну (само название четко появляется в китайских летописях только со времен династии Цинь, с III в. до н. э.), а раньше, в IX–VIII вв. до н. э., китайцы называли их хунь-юн, а еще раньше хунь-ю, или еще более расплывчато – ху. Эти ху, известные китайцам с самого начала их истории, жили на тогдашней границе Китая, в Ордосе, на севере Шаньси и Хэбей. Анри Масперо полагает, что «северные юны», пей-юны, обосновавшиеся западнее и северо-западнее современного Пекина, были одним из племен этих ху. Другие кланы в IV в. до н. э. были покорены китайским царством Чжао. Царь Чжао Улин (ок. 325–298) отобрал у хунну крайнюю северную часть Шаньси (район Датун) и даже север нынешнего Ордоса (ок. 300 г. до н. э.). Для того чтобы эффективнее отражать набеги кочевников, китайцы царства Цинь (Шэньси) и Чжао (Шаньси) одновременно реформировали армию, заменив тяжеловесные боевые колесницы мобильной конницей, и эта революция в военном деле произвела радикальные перемены в китайском костюме – платья архаичных времен сменились штанами для езды верхом, заимствованными у кочевников, а кроме того, китайские воины заимствовали у них остроконечные шапки, треххвостку и поясные пряжки, которые сыграют такую важную роль в искусстве эпохи, называемой Период сражающихся царств²⁰. Также для защиты от хунну китайцы царства Чжао и соседних государств начали строить на своей северной границе фортификационные сооружения, которые впоследствии, при Цинь Шихуанди, будучи дополнены и объединены в единую систему, образуют Великую Китайскую стену.

По утверждениям китайского историка Сыма Цяня, во второй половине III в. до н. э. хунну, похоже, объединились в единый и сильный народ. Во главе его встал вождь, называемый шаньюй, а полный его титул в китайской транскрипции выглядел как чен-ли ку-ту шаньюй, что китайцы переводили как «Великий Сын Неба», в чем просматриваются тюрко-монгольские корни, чен-ли, в частности, является транскрипцией тюркского и монгольского слова «тенгри» – небо. Ниже шаньюя стояли «два высоких сановника, цари ту-ки, то есть мудрые цари правой и левой сторон»; китайская транскрипция «ту-ки» соотносится со словом «догри» – прямой, верный. Резиденция шаньюя, насколько вообще можно говорить о постоянных резиденциях у народа, ведущего преимущественно кочевой образ жизни, находилась на Верхнем Орхоне, в горном районе, где позднее возникнет столица монголов-Чингизидов – Каракорум. Мудрый царь левой стороны, в принципе являвшийся назначенным наследником, проживает на востоке, очевидно в верховьях Керулена. Мудрый царь правой стороны – на западе, по мнению Альберта Германна, в районе современного Улясутая, в Хангайских горах. Ниже их в хуннской иерархии стояли «цари» ку-ли левой и правой сторон, главнокомандующие левой и правой сторон, великие губернаторы левой и правой сторон, великие танху левой и правой сторон, великие ку-ту левой и правой сторон, тысячники, сотники и десятники. Этот кочевой народ, постоянно пребывающий в движении, был организован по-военному. В стиле тюрко-монголов, главным направлением движения был избран юг: точно так же будет обстоять дело у их потомков хунну, тюрков VI в. н. э. и у монголов Чингисхана.

²⁰ По утверждению историка Сыма Цяня, официальным инициатором этой реформы костюма был Улин, царь Чжао в 307 г.

В описаниях китайцами хунну мы видим те же характерные черты, которые затем встретим у их преемников – тюрок и монголов. «Они, – резюмирует Вегер²¹, – низкорослы, коренасты, с большой круглой головой, широколицы, с выступающими скулами, с широкими ноздрями, довольно густыми усами, безбородые, если не считать пучка жестких волос на подбородке, уши длинные, проколотые, в мочке – кольцо. Голова обычно бритая, кроме пучка волос на макушке²². Брови густые, глаза миндалевидные, жгучий взгляд. Одеваются они в просторную одежду, спускающуюся ниже колен, с разрезом на боках, перетянутую поясом, концы которого свисают спереди. По причине холодного климата рукава плотно застегиваются на запястье. Короткая меховая накидка прикрывает плечи, а голову – меховой колпак. Обувь кожаная. Широкие штаны стянуты на лодыжках ремешком. Налучь (чехол для лука), подвешенный к поясу, висит спереди, у левого бедра. Колчан, также пристегнутый к поясу, свисает поперек поясицы, оперением стрел направо».

Как мы видели, многие детали этого костюма, в частности завязывающиеся на щиколотках штаны, являются общими у гуннов и скифов. То же самое можно сказать и относительно многих обрядов, например о погребальных человеческих жертвоприношениях: хунну, как и скифы, над могилой вождя убивали его жен и слуг, порой в количестве до сотни и даже тысячи у хунну. Геродот (IV, 65) рассказывает, что скифы распиливают череп врага на уровне бровей, обтягивают его кожей, оправляют золотом и используют как чашу. «Цзянь-ханьшу» («Официальная история династии Хань») свидетельствует о наличии того же обряда у хунну, например, шаньюй Лаошан пил из черепа царя народа юэчжи. Геродот (IV, 64) показывает нам скифов, которые в доказательство своей доблести должны приносить собственноручно отрезанные головы и вешать скальпы врагов на уздечку своего коня в качестве трофеев. У потомков хунну, народа тукю, в VI в. н. э. количество камней на погребальном кургане воина будет пропорционально числу убитых им за жизнь врагов. От индоевропейского кочевника исходит такой же запах крови, как и от кочевника тюрко-монгольского. Скиф смачивает в крови врага священную саблю, воткнув ее в курган; он выпивает чашу крови первого убитого им врага. Хунну, чтобы освятить какой-либо договор, пьет кровь из чаши, сделанной из человеческого черепа. Плакивая умершего, и скиф, и хунну царапают себе лицо, «чтобы кровь смешалась со слезами» и т. д.

Хунну, как и скифы, в основной своей массе кочевники. Табуны их лошадей, стада быков, баранов и верблюдов определяли ритм их жизни. Хунну перемещаются, кочуя со своим скотом в поисках воды и пастбищ. Питаются они исключительно мясом (черта, поразившая китайцев, чье меню было гораздо более вегетарианским), одеваются в кожу и спят на шкурах. Они живут в войлочных шатрах. Что же касается их религии, то это расплывчатый шаманизм на основе культа Тенгри, или Божественного Неба, и поклонения некоторым священным горам. Их верховный правитель, или шаньюй, собирал общий съезд по осени, «времени года, когда лошади разжирели», для пересчета мужчин и стад. Все китайские авторы описывают нам этих варваров как отпетых разбойников, которые внезапно появляются на границе культурных земель, грабят людей, забирая стада и богатства, а потом исчезают со своей добычей прежде, чем успевают подойти войска и дать им отпор²³. Если их преследуют, их тактика заключается в том, чтобы заманить колонны китайской армии в пустыню Гоби или в степь, донимая тучами стрел и не давая при этом втянуть себя в ближний бой, а потом нанести решающий удар по совершенно деморализованному противнику, изнуренному голодом и жаждой. Эта тактика степных

²¹ Леон Вегер (1856–1933) – французский миссионер, историк Китая. (Примеч. пер.)

²² К. Ширатори напоминает, что хунну носили косичку и что от них эта мода перешла к последующим тюрко-монгольским ордам: тоба, жуаньжуанам, ту-кю, киданям и монголам.

²³ Скифы, после их великого набега VII в. до н. э., не оставили по себе такой репутации грабителей, как хунну, возможно, потому, что их страна была богаче, а эта кочевая конница с берегов Понта Эвксинского жила за счет «скифов-пахарей», возделывавших украинские черноземы.

народов, придерживаться которой позволяла мобильность их конницы и меткость в стрельбе из лука, совершенно не изменялась со времен первых хунну до эпохи Чингисхана. Отметим, что она общая для всех народов конных лучников, будь то гунны на востоке или скифы на западе. Точно такую же, по свидетельству Геродота, скифы применили против Дария. Дарий сумел ее разгадать и повернуть назад прежде, чем это «отступление из России»²⁴ превратилось в катастрофу. А сколько китайских полководцев не проявят той же мудрости и будут перебиты в глубине Гоби, куда их завлекут систематические отступления гуннов!

Что же касается места языка хунну в тюрко-монгольской общности, некоторые авторы, такие как Куракики Ширатори, склонны считать его относящимся к монгольским языкам. Пельо, напротив, по некоторым лексическим образцам, сохраненным в китайской транскрипции, полагает, что речь скорее – во всяком случае, в целом и применительно к политической верхушке – идет о тюркоязычном народе.

Хунну имели очень специфическое искусство, представленное в первую очередь изготовленными из бронзы поясными пряжками, другими бляхами, аграфами и пуговицами, используемыми в защитном снаряжении и сбруе, содержащими стилизованные животные мотивы, или же бронзовыми наконечниками древков копий, в частности сделанными в форме фигурок лани. Это искусство часто именуется ордосским от названия монгольского племени ордосов, занимавшего с XVI в. до н. э. устье реки Хуанхэ, на севере Шэньси, в районе, где были сделаны особенно многочисленные находки. Впрочем, искусство, о котором идет речь, является лишь простым ответвлением стилизованного степного звериного стиля, несущего в себе, как мы убедились, влияние ассиро-иранцев и греков из Южной России, либо оригинальное, либо обедненное, но в обоих случаях достаточно упрощенное в Минусинске, а при попадании в Ордос и контакте с китайской эстетикой претерпевшее взаимное влияние степной эстетики на китайское искусство и китайской эстетики на ордосские бронзовые предметы. На пластинах с изображением дерущихся между собой лошадей, схваток лошадей или оленей с тиграми, медведями, фантастическими животными, как и на наконечниках древков с оленями или ланями, ордосское искусство особенно сильно напоминает минусинское, хотя отличается большим богатством и фантазией.

Согласно данным последних археологических раскопок, искусство хунну из Монголии и Ордоса по древности не уступает скифскому. Шведский археолог Т.Й. Арне в 1933 г. отнес к первой половине III в. и даже ко второй половине IV в. до н. э. ордосские бронзовые предметы из Луань-Пина и Сюаньхуа. В 1935 г. японский археолог Суэдзи Юмехара, считая, что ордосское искусство оказало глубокое влияние на формирование китайского стиля, называемого стилем Периода сражающихся царств, расцветшего по крайней мере с V в. до н. э., относил к этому времени первые ордосские бронзовые изделия. Более свежие находки шведского синолога Тальгрена отодвигают еще дальше в прошлое, вплоть до 650 г. до н. э., возникновение стиля Периода сражающихся царств и, следовательно, служат подтверждением того, что степное искусство в виде ордосского искусства существовало уже тогда, поскольку оно могло, при контактах, оказать влияние на китайский декор эпохи Среднего Чжоу. Все согласны в том, что влияние ордосского искусства – один из тех факторов, которые, наряду с внутренней эволюцией и, похоже, в одном направлении с ней, позволил перейти от архаичных китайских бронзовых изделий стиля эпохи Среднего Чжоу к стилю Периода сражающихся царств.

Основные места находок хуннских предметов протянулись от Байкала до границы Хэбэя, Шаньси и Шэньси. Укажем некоторые из них: 1. Читинские захоронения в Забайкалье, которые Мерхарт датирует II–I вв. до н. э., и Дерестуйские захоронения под Троицкосавском²⁵, севернее

²⁴ Разумеется, автор имеет в виду отступление наполеоновской армии из России в 1812 г., обернувшееся для французов катастрофой. Тактику русского командования в этой войне так и называли: скифской. (*Примеч. пер.*)

²⁵ В настоящее время г. Кяхта. (*Примеч. пер.*)

реки Кяхты, в Бурятии, обнаружены сибирские бляхи с китайскими монетами династии Хань, чека нившимися со 118 г. до н. э.²⁶ 2. В Верхней Монголии, Ноин-Ула, неподалеку от Урги, где экспедиция Козлова обнаружила могилу хуннского принца, в которой лежали бронзовые предметы степного искусства, великолепные шерстяные ткани с вытканными изображениями на те же темы (бой грифона с лосем, схватка пантеры с яком) – все сюжеты выполнены в лучшей сармато-алтайской манере, как и греческая ткань в три четверти с портретом, изображающим усатого мужчину, очевидно привезенная из Босфора Ким мерийского; наконец, китайский лак II в. н. э., позволяющий датировать находки. Возможно, к этой же группе следовало бы отнести фрески, найденные неподалеку от тех мест, в Дюрбельджи и Ильхе-Алыке на Орхоне, которые не поддаются датировке, но в их прекрасных изображениях оленей еще можно различить сармато-алтайские влияния. 3. В Ордосе, на территориях провинций Суюйюань, Чахар и Джехол, обнаружены многочисленные места, в которых сохранились ордосские бронзовые предметы, в частности: Луань-Пин возле Джехола; Хаттин-сум и Хулун-оссо западнее Долон-нора, севернее Калгана²⁷; Сюаньхуа, к югу от Калгана, на Пекинской дороге; Гуйхуачен возле Сюйюаня и Юлинь на границе Ордоса и в северной части Шэньси. Отметим, что часть находок в Сюаньхуа датируются по наличию китайской «монеты ножа» с иероглифом «тоу», бывшей в употреблении в Китае в эпоху, называемую Периодом сражающихся царств, с 480 по 250 г. до н. э.

Если значительная часть найденных во Внутренней Монголии ордосских бронзовых изделий современна китайскому Периоду сражающихся царств (V–III вв. до н. э.), то же искусство продолжает процветать в этих местах и во Внешней Монголии на протяжении всего правления китайской династии Хань (с начала II в. до н. э. по начало III в. н. э.), о чем свидетельствуют, с одной стороны, датированные раскопки в Ноин-Уле, а с другой – существование в Ордосе многочисленных бронзовых блях с многоголовыми животными, достаточно точно относимых к данной эпохе, и, наконец, присутствие в наших музеях (Музей Чернуски, коллекция Куаффара, коллекция Лоо) бронзовых китайских аграфов на гуннские сюжеты, явно скопированные с ордосских моделей мастерами династии Хань. В следующую эпоху, называемую в Китае Периодом шести династий (IV–VI вв. н. э.), влияние ордосского искусства ощущается не менее явно в некоторых бронзовых китайских аграфах с извивающимися и переплетающимися животными, становящимися все более тяжеловесными, сворачивающимися к «химеризму», точно так же, как в то же самое время на Западе эпохи Великого переселения народов влияние того же степного искусства проявляется в фибулах, бляхах и накладках. Вместе с тем Арне отметил западносибирские бронзовые предметы, которые вплоть до IX в. н. э. сохраняют характерные черты старого степного звериного стиля. То же самое искусство продолжится у онгутов, возможно, до времен Чингисхана, в маленьких бронзовых несторианских предметах – крестах, голубках и параклетах, которые в огромном количестве будут найдены при раскопках в Ордосе и соседних кантонах. Чисто ордосские предметы, впрочем, могли быть изготовлены в период расцвета государства Си Ся (XI–XII вв.), если только письма си ся на них, привлекавшие внимание Альфреда Сальмони, не были заново выгравированы в это время и если речь не идет о копиях, впрочем мало распространенных.

Первое вторжение хунну и миграция юэчжи

Впервые хунну появляются на страницах истории как мощная сила в конце III в. до н. э., в тот самый момент, когда Китай только что объединился под властью династии Цинь (221–206). Предчувствуя опасность, основатель Цинь император Цинь Шихуанди (221–210) и его

²⁶ Другие находки того же порядка, тесно связанные с ордосским стилем, были сделаны Талько-Гринцевичем возле Тулту, в нижнем течении Читы, и возле Бичурского у реки Хилок бассейна Селенги.

²⁷ Ныне Чжанцзякоу. (Примеч. пер.)

полководец Мын Тянь достроили Великую стену, призванную защитить китайскую территорию от хунну (с 215 г. до н. э.), и около 214 до н. э. Мын Тянь изгнал их с территории современной области Ордос, то есть из внутренней части большого изгиба Хуанхэ. Но хунну, со своей стороны, в правление их шаньюя Тоуманя (ум. ок. 201–209 до н. э.) начали экспансию, напав на юэчжей – живший до того времени в западной части Ганьсу народ, к которому мы скоро вернемся. Маодунь, или Модэ, сын и преемник Тоуманя (ок. 209–174 до н. э.), разбил на востоке дунху – еще один варварский народ, живший у маньчжурской границы. Воспользовавшись гражданскими войнами, ослабившими Китай в период между падением династии Цинь (206 г. до н. э.) и восшествием на трон династии Хань (202 г. до н. э.), он в 201 г. до н. э. вторгся в китайскую провинцию Шаньси и осадил ее столицу Тайюань. Основатель династии Хань – император Гаоси – успел прийти ей на помощь, отбросил хунну, но затем сам был окружен ими на плато Байдын, недалеко от города Пинчэн, ныне Датун, на границе Шаньси, и выпутался из этой неприятной ситуации лишь с помощью переговоров, на которых сумел перехитрить варваров. В жены шаньюю была отдана китайская принцесса или служанка, бедная «куропатка», отданная «монгольской хищной птице», как будут на протяжении веков петь китайские поэты. Впрочем, около 177 или 176 г. до н. э. Маодунь впервые разгромил юэчжей из Западного Ганьсу, похваляясь, что покорил их. Его сын и преемник – Лаошан (ок. 174–161 до н. э.) завершил разгром юэчжи, сделал из черепа их царя чашу, изгнал их из Ганьсу и заставил откочевать на запад, вызвав тем самым первое известное истории движение народов в Восточной Азии.

Название юэчжи – во всяком случае, в таком виде – дошло до нас лишь в китайской транскрипции, но уже давно многочисленные ориенталисты предложили отождествить их с тохарами – народом, хорошо известным греческим историкам, поскольку во II в. до н. э. он переселился из Туркестана в Бактрию, и с индо-скифами тех же греческих историков – по этой гипотезе, тохары и индо-скифы являются двумя названиями одного и того же народа в разные периоды его существования, и этот народ считается родственным скифам, то есть индоевропейским. Данная идентификация основывается, в частности, на том факте, что в современном китайском районе Западное Ганьсу, который, по свидетельству китайских историков, в начале II в. до н. э. являлся родиной юэчжи, географ Птолемей еще во II в. н. э. указывал на наличие народа тагурон, Тагуронской горы и города Тогара. Между тем Страбон упоминает тохароев среди народов, которые отобрали у греков Бактриану точно в то же самое время, к которому китайские историки относят момент, когда юэчжи, после своих скитаний, пришли на границы Та-хиа, то есть той же самой Бактрии. Такая параллельность, на наш взгляд, служит веским аргументом в пользу тех, кто продолжают видеть в юэчжи китайских летописей тохароев греческих историков, тухаров санскритских текстов, будущих индо-скифов римской эпохи. Между прочим, в оазисах севернее Тарима, составлявших часть земель юэчжи, если не бывших их изначальным владением (поскольку о них говорят как об уроженцах Ганьсу), по крайней мере владением племен, более или менее им родственным, в Турфане, Карашаре и Куче, даже в раннем Средневековье (V–VII вв.) говорили на индоевропейских языках, которые еще вчера лингвисты называли тохарскими, а теперь именуют кученским, карашарским и т. д. Таким образом, представляется весьма вероятным, что индоевропейские племена на заре своей истории далеко зашли в направлении Дальнего Востока. Тот факт, что Западная Сибирь, возможно до района Минусинска, была населена родственными скифо-сарматам народами, факт, что по обоим склонам Тянь-Шаня, со стороны Ферганы и со стороны Кашгара, в ахеменидскую эпоху жили саки, говорившие на восточноиранском языке, подводит нас к тому, чтобы полужитительно рассмотреть данную гипотезу. Таким образом, вероятно, значительная часть современного Восточного Туркестана также была населена индоевропейцами, либо восточно-иранского происхождения (ближе к Кашгару), либо «тохарского» (от Кучи до Ганьсу), и юэчжи соответствуют этой второй ветви.

Но первые же сведения, сообщаемые нам китайской историографией, повествуют о первых поражениях «индоевропеизма» на этих дальних рубежах. Как мы уже знаем, хунну под предводительством своего шаньюя Маодуня, или Модэ (ок. 209–174 до н. э.), нанесли тяжелое поражение юэчжи. Следующий шаньюй Лаошан (ок. 174–161 до н. э.) убил царя юэчжи, сделал из его черепа чашу и вынудил этот народ оставить Ганьсу и откочевать на запад, через Северную Гоби. Лишь часть юэчжи, известная китайцам под названием малых юэчжи (сяо юэ-чжэ), обосновалась южнее Наншаня, среди цянов или тибетцев, а два века спустя «Официальная история династии Хань» нам сообщает, что они приняли их язык. Другие кланы юэчжи, известные китайцам под названием Большие юэчжи, пройдя через Гоби, попытались закрепиться в долине Или и бассейне Иссык-Куля, но вскоре были изгнаны оттуда вусунами (правильно: уйсунями)²⁸. Этих уйсуней китайские историки изображают голубоглазыми и рыжебородыми. Ярл Шарпантье, сопоставляя название «уйсунь» с азианой или азией, другим именем сарматского народа аланов, видит в уйсунях предков или родичей аланов. Если эта гипотеза верна, значит, именно эти уйсуня под натиском, аналогичным натиску уэчжей или хунну, частично переместились в направлении Южной России, где мы наблюдаем, правда чуть раньше интересующей нас эпохи, замещение скифов сарматскими народами.

Как бы ни относиться к этой новой гипотезе, но юэчжи, изгнанные из Ганьсу хунну, отступили на запад, к озеру Или, на земли уйсуней. Те были в тот момент побеждены пришельцами, но очень скоро подняли восстание, между прочим, при помощи хунну. Юэчжи пришлось двинуться далее на запад. Так они дошли до берегов Сырдарьи (Яксарта греческих географов) в ее верхнем течении, до района Ферганы, именуемой китайскими географами Та-юань; их прибытие туда зафиксировано «Историей династии Хань». Там они оказались на границе Греко-Бактрийского царства, в котором, очевидно (мы находимся приблизительно в 160 г. до н. э.), завершалось правление царя Эвкратиды.

Влияние первых побед хунну. Падение греческого владычества в Афганистане

Район Ташкента, Ферганы и Кагара был населен народом, известным китайцам под именем сэ (старое произношение: сеук), персам и индийцам под именем сака или шака, грекам под именем сакаи (откуда наше саки), то есть азиатскими скифами. Как мы уже знаем, речь действительно идет об одной из ветвей великой скифо-сарматской семьи, то есть об иранцах-кочевниках северозападных степей. Язык, который, после работ Людерса, считают их языком, язык сака, на котором сохранились датируемые ранним Средневековьем многочисленные рукописи, найденные в Хотане экспедицией Ауреля Стейна²⁹, относится к восточноиранской группе. Приход юэчжи на территории, принадлежащие сакам, произвел общее потрясение, следствием которого стало совместное вторжение всех этих кочевников в царство, основанное в Бактрии греческими царями, преемниками Александра Македонского. Согласно гипотезе, бывшей общепринятой вплоть до работ У. Тарна, саки под давлением юэчжи будто бы вторглись в Согдиану, затем в Бактрию, сменяя там греков. Между 140 и 130 гг. до н. э. Бактрия действительно была отвоевана у греческого царя Гелиокла кочевыми племенами, про которых Страбон говорит, что они более известны как азиои, пасианои, тохарои и сакараулаи, пришед-

²⁸ Существует гипотеза, что эти уйсуня тоже были пришлым элементом в районе Или, куда переселились, также изгнанные хунну, с северо-западных границ Китая, например из района Собонора или Согокнора, к северу от Сучжоу, либо из более южной местности Канчу, либо из более западных мест, Кучи, близ Дуньхуана, что так же возможно. У нас возник вопрос: не спровоцировала ли миграция юэчжей уход сарматов, которые отправились в Южную Россию отбивать ее у скифов? Однако хронология никак не подтверждает данную гипотезу.

²⁹ **Аурель Стейн** (1862–1943) – венгерский путешественник и этнограф, внес огромный вклад в исследование Восточного Туркестана. (Примеч. пер.)

шими из стран к северу от Яксарта. Трудно с точностью определить, то это были за племена. Ярл Шарпантье, как я уже говорил, увидел в азиях, которых Трог Помпей называет азианоями, илийских уйсуней китайских летописей³⁰. Сакараулаи, или сарауки (сара равака), как будто напоминают древнее племя сака. Что же касается тохароев, это, согласно гипотезе, еще недавно поддерживавшейся Гарольдом Уолтером Бейли, самое ядро народа уэчжи.

В 128 г. до н. э., когда китайский посол Чжан Цянь приехал к юэчжи, китайский историк Сыма Цянь описывает их завоевавшими и занявшими Согдиану («страну к северу от реки Вей», то есть Окса), где столицей их, как рассказывает «Официальная история династия Хань», был город Цзянь-шэ, название, в котором Ханеда Тору находит созвучие с Канда – сокращенным именем Мараканда или Самарканд. Две китайские истории добавляют, что юэчжи покорили себе «Та-хиа», то есть Бактрию, но, похоже, они к тому времени еще не успели ее заселить. У. Тарн задается вопросом: не были ли побежденные юэчжи властители Бактрии, скорее, не греками, которых, следовательно, саки не изгнали из страны, а самими саками? Впрочем, многие ориенталисты полагают, что вскоре после того, например около 126 г. до н. э., юэчжи, не довольствуясь более сюзеренитетом над Бактрией, перешли Окс и действительно оккупировали эту область. В этом предположении они основываются на одном месте из «Истории империи Поздняя Хань», которая недвусмысленно нам показывает, что юэчжи, переселившись в Та-хиа, поделили страну между пятью вождями, или си-хоу (ябгу). Правда, другая хроника, «Официальная история династия Хань», более близкая к описываемым событиям, менее ясна. Она говорит только, что «та-хиа (то есть жители Бактрии) не имели верховных вождей, а только мелких правителей городов и селений; это был слабый, боящийся войны народ (речь здесь не может идти о суровых греческих искателях приключений, а только о некоторых варварах); а также о приходе юэчжи, которым все покорилось». Текст темный и двусмысленный, который не позволяет делать выводы ни в одном, ни в другом смысле. Но имеется еще один текст, не допускающий никаких толкований, – «История империи Поздняя Хань», который уточняет, что в 84 г. н. э. китайский полководец Бань Чао попросил царя юэчжи сделать внушение царю Согдианы (Кан-цзю). Следовательно, Согдиана и страна юэчжи в тот момент были независимы одна от другой, что заставляет поместить последних в другом месте, вероятно, южнее, рядом с Бактрией. После пребывания севернее Окса юэчжи перешли реку и изгнали саков из Бактрии. По мнению Тарна, они почти непосредственно отобрали Бактрию у греков. Во всяком случае, это стало сигналом для всеобщего волнения народов и перемещения кочевников по всему Восточному Ирану. Оттесненные на юг юэчжами, саки двинулись на захват Дрангианы (Систана) и Арахозии (Кандагара). Об окончательном завоевании этих областей можно догадаться по полученному ими иранскому названию «Страна саков», Сакастан, откуда в современном персидском языке происходит название Систан.

Оттуда все кочевники набросились на Парфянскую империю и едва не разрушили ее. Парфянский царь Фраат II, у которого селевкидский царь Сирии Антиох VII угрожал отобрать Мидию (129 г. до н. э.), совершил неосторожность, призвав часть этих варваров себе на помощь. Те примчались, но очень скоро повернули оружие против самого Фраата, который был ими побежден и убит (128 или 127 г. до н. э.). Новый парфянский царь Артабан II получил, как рассказывает Трог Помпей, смертельную рану в ответном походе на тохаров (124 или 123 г. до н. э.), что, похоже, подтверждает, что юэчжи из китайской истории, как мы и предполагали, соответствуют тохарам греческой истории и что с этого времени они обосновались в Бактрии, стране, из которой они впоследствии сделали «Тохаристан». Правда, парфянский царь Митридат II (123–88 до н. э.) сумел прекратить набеги кочевников и даже навязать свой

³⁰ А поскольку, как мы видели, слово «азиои» сближается с названием аланов на тюрко-монгольском языке (корень «ас» является в монгольском множественном числе слова «асод»), Ярл Карпантье делает вывод, что уйсуня являются предком сарматского (то есть североиранского) народа аланов.

сюзеренитет сакам Систана. Однако в 77 г. до н. э. сакараулаи были достаточно сильны в Иране, чтобы восстановить на парфянском троне угодного им Аршакида, своего протеже Санатрука или Синатрука, который в дальнейшем попытался выйти из подчинения и погиб в бою с ними (70 г. до н. э.).

Дальнейшая судьба саков и юэчжи этого региона относится к истории Ирана и Индии. Мы здесь ограничимся тем, что напомним, что из Систана и Кандагара саки дошли до Кабула и Пенджаба, а позднее, когда эти страны были захвачены юэджи, в Малву и Гуджерат, где сакские сатрапы продержатся до IV в. н. э. Что же касается бактрийских юэчжи, китайская история показывает нам, что в I в. н. э. они основали великую династию Кушанского царства (по-китайски: Гуй-шуан)³¹. Эти кушаны, как говорит «Официальная историческая хроника династии Хань», были одним из пяти кланов, которые около 128 г. до н. э. разделили Бактрию.

«История империи Поздняя Хань» рассказывает, как вождь кушанов, которого звали Цэу-цю-цзе, то есть Куджула Кадфис надписей на монетах, подчинив другие кланы уэчжи, основал Кушанскую империю, известную грекам и римлянам под названием Индо-скифская империя. Кушанские императоры Куджула (или Куджуло) Кадфис, или Кадфис I (между 25 и 50 или 78), Вима Кадфис, или Кадфис II (между 50 и 78 или 78 и 110), Канишка I (между 78 и 103 или 128 и 150), Хувишка (ок. 106–180?) и Васудева I (ок. 180–220?)³² распространили свою власть из Кабула на часть Северной Индии (Пенджаб и Матхура). Также известна значительная роль, сыгранная Канишкой в распространении в Центральной Азии буддизма. Для нас здесь важно показать огромное влияние первого нашествия хунну на судьбы Азии. Хунну изгнали из Ганьсу народ юэчжи, и последствия этого события ощущались до границ Передней Азии и Индии. Эллинистический мир лишился Афганистана, были сокрушены последние остатки завоеваний Александра Македонского в этих краях, парфянский Иран пошатнулся, а изгнанные из Ганьсу племена, придя в Среднюю Азию, неожиданно создали империю от Кабула до Северо-Западной Индии. И это будет многократно повторяться в занимающей нас истории. Малейшее колебание, произошедшее на одном из краев степи, постоянно будет вызывать самые неожиданные следствия во всех частях этой огромной зоны миграций.

Войны хунну против династии Ранняя Хань. Разделение западных хунну

Разгром и изгнание юэчжи усилили влияние хунну. Отныне они доминировали по обе стороны Восточной Гоби, в Верхней Монголии, где, возле будущего Каракорума, находилась одна из резиденций их шаньюя, в районе Орхона, а также во Внутренней Монголии, возле Великой Китайской стены. Их отряды совершали теперь дерзкие набеги на китайскую территорию. В 167 г. до н. э. они проникли в Шаньсю до Хуэй-чонга (к западу от китайской столицы Чанъань), где сожгли императорский дворец. В 158 г. до н. э. они появились севернее Вэя, угрожая непосредственно Чанъаню. В 142 г. до н. э. они атаковали Великую стену со стороны перевала Яньмэнь, возле Датуна, на севера Шаньси. Они угрожали китайской границе на всех участках, когда на трон Хань возшел великий император У-ди (140–87 до н. э.).

Центральноазиатская империя тогда принадлежала хунну. Главная резиденция их шаньюя – насколько кочевники вообще могут иметь резиденции – или, по крайней мере, одно из любимых мест его пребывания летом, как мы знаем, находилась у истоков Орхона. Другой их центр, известный китайцам под названием Лон, предположительно следует искать южнее в Гоби, в нижнем течении Онгкина. У-ди разработал план оттеснения хунну до этих мест.

³¹ С этого момента, отмечает «История империи Поздняя Хань», юэчжи стали крайне могущественными. Все прочие царства называют их именем Гуйшуан (кушаны), но Китай династии Хань сохраняет их старое имя: юэчжи.

³² Неточность кушанской хронологии широко известна.

Но прежде чем начинать борьбу, следовало организовать удар по ним с тыла, войдя в союз с юэчжи, обосновавшимися в Согдиане. С этой целью он отправил к юэчжи посольство Чжан Цяня. Тот, отправившись из Китая в 138 г. до н. э., почти сразу же был захвачен по дороге в плен хунну, которые отправили его к своему шаньюю Цзюньчэню³³. Там его удерживали в течение десяти лет, потом он все-таки сумел бежать и добраться до царя Ферганы (Та-юань), а оттуда отправился в Согдиану. Но к тому времени юэчжи, довольные своим новым царством, потеряли интерес к делам в Гоби. Чжан Цянь отправился назад. Вновь попав в плен к хунну, которые продержали его больше года, он смог вернуться в Китай лишь в 126 г. до н. э. (В 115 г. до н. э. с аналогичной миссией в район Или было отправлено посольство к уйсуням, но столь же безуспешное, поскольку этот народ не осмелился вступить в борьбу с хунну.)

После того как юэчжи отказались совершить запланированный отвлекающий удар, император У-ди начал войну с хунну в одиночестве. Те как раз только что, по своему обыкновению, совершили грабительский набег в направлении современного Пекина (128 г. до н. э.). Китайский полководец Вэй Цин, выступив из района Датун, на севере Шаньси, пересек Гоби до Лона на Онгкине и обратил их в бегство. В 127 г. до н. э. Китай основал военное поселение в Чжофане на реке Хуанхэ, между Ордосом и Алашанем, чтобы прикрыть большой изгиб реки. В 124 г. до н. э. вторглись в Чжофан, Вэй Цин их оттуда выбил. В 121 г. до н. э. племянник Вэн Цина, юный герой Хо Цюйбин, поставленный во главе десятитысячной конной армии, изгнал хунну из области Ганьсу, в районе современных городов Ляньчжоу, Ганьчжоу и Гоачжоу, прежде занимаемой юэчжи и уйсунями. Две второстепенных хуннских орды, владевшие этой территорией, – орда Хуэн-си вокруг Ганьчжоу и орда Сяу-чу вокруг Ляньчжоу – оставили службу шаньюю и перешли на сторону империи, которая поселила их как федератов к северу от Наншаня. В 120 г. до н. э. была начата компактная китайская колонизация Ордоса. В 119 г. до н. э. Вэн Цин и Хо Цюйбин выступили, первый из района Куку-хото на севере Шаньси, а второй из Чжан-ку, близ современного Суаньхуа, северо-западнее Пекина, пересекли Гоби и достигли современной Внешней Монголии, центра империи хунну. Вэй Цин, как полагает Альберт Германн, дошел до нижнего течения Онгкина, застал врасплох шаньюя Ичжисе и обратил его в бегство во время сильной бури с юга, когда ветер швырял песок в лицо хунну. Он перебил и взял в плен 19 000 варваров. Хо Цюйбин, совершив еще более дерзкий поход, проник во Внешнюю Монголию на глубину 1000 километров, достигнув границ Верхней Тулы и Верхнего Орхона. Он взял в плен более восьмидесяти хуннских вождей и совершил торжественное жертвоприношение в горах страны хуннов. Вскоре после возвращения Хо Цюйбин умер (117 г. до н. э.). На могиле этого великого конника в Хьен-яне (Шэньси) на круглом возвышении установили внушительную скульптуру, изображающую коня, попирающего варвара.

Отбросив хунну в Верхнюю Монголию, император У-ди между 127 и 111 гг. до н. э. создал в Ганьсу целую систему укрепленных пунктов и военных префектур, призванных предотвратить их возвращение: в Ву-вее (близ Ляньчжоу), Чжан-е (возле Ганьчжоу), Цзэу-цуйан (возле Сучжоу) и Дуньхуане, которые пересекали бывшую страну юэчжи от Ляньчжоу до прохода Ю-мен-гуань и контролировали Шелковый путь. В 108 г. до н. э. китайский полководец Чжао-Пону продвинулся еще дальше на северо-запад, до царств Лоулань на Лобноре и Цзюй-шэ (современный Турфан). Царя Лоуланя он взял в плен, а царя Цзюй-шэ победил. В течение следующих нескольких лет Китай установил торговые связи с Ферганой (по-китайски Та-юань), страной, очевидно, населенной восточными иранцами, или саками, поставлявшими ему лошадей прекрасной трансоксианской породы. Около 105 г. до н. э. ферганцы, уставшие от этих реквизиций лошадей, убили китайского посла. В 102 г. до н. э. китайский полководец Ли Гуанли совершил невероятный по дерзости поход и привел свою армию численностью более 60

³³ Цзюньчэнь в 161 г. до н. э. наследовал своему отцу – знаменитому шаньюю Лаошану.

000 человек из Дуньхуана в Фергану. К моменту прихода в эту страну у него осталось не более тридцати тысяч человек. Он осадил столицу страны – возможно, город Усрушну, нынешний Ура-Тюбе³⁴ – отведя от нее воду, и ушел только после того, как получил в качестве дани более трех тысяч лошадей³⁵.

Однако на севере хунну не были окончательно побеждены, и У-ди, в конце своего царствования, получил свое варовое поражение³⁶ (хотя и намного менее сокрушительное). Молодой китайский командир по имени Ли Лин предложил возглавить поход в Верхнюю Монголию. Взяв с собой 5000 пехотинцев, он выступил из Китая через Цзюянь в северном течении Этцигола; тридцать дней он шел прямо на север, в направлении Онгкина. Дойдя до горы Сюньцзы – очевидно, поблизости от современной горы Тюпчи, – увидел, что окружен 80 000 хунну, чьи конные лучники начали тревожить его малочисленное войско. Тогда он начал отступать к китайской границе, постоянно преследуемый конницей кочевников. «За один день китайская армия выпустила 500 000 стрел и истощила все свои запасы. Она бросила подводы и пошла пешком. Еще оставалось больше 3000 человек. Простые солдаты вооружились дышлами от подвод и размахивали ими. У командиров были лишь кинжалы длиной в один фут». Отступающая колонна не дошла до китайской границы полусотни километров, когда произошла драма. «Они подошли к ущелью. Шанью перекрыл выходы из него и, поднявшись на вершину горы, приказал скатывать вниз каменные глыбы. Командиры и солдаты погибли в большом количестве. Двигаться дальше было невозможно». Наступила ночь. Воспользовавшись наступившей темнотой, Ли Лин попытался ворваться в ряды хунну, чтобы убить шаньюя. Это ему не удалось. Началась паника. Всего четыреста китайцев сумели прорваться и добраться до границы с Китаем. Все остальные попали в плен, включая и самого Ли Лина. Получив эти известия, император У-ди пришел в ярость, а историк Сыма Цянь, попытавшийся защитить репутацию отважного Ли Лина, был сурово наказан. Разгром Ли Лина заставил Китай на некоторое время отказаться тактики «ответных рейдов» во Внешнюю Монголию. Однако это моральное поражение (поскольку речь, в сущности, шла о незначительном отряде) не создало угрозы укрепленной границе Ганьсу³⁷.

Следует отметить, что мы располагаем относящимися к этой эпохе хуннскими предметами, происходящими из Забайкалья. По этому поводу мы уже упоминали недавние находки, сделанные в захоронениях Дерестуйска, возле Троицкосавска, сибирские бронзовые бляхи которых датируются по китайским монетам, чеканившимся с 118 г. до н. э., и в читинских могильниках, также датируемых, по мнению Мерхарта, II–I вв. до н. э. Забайкалье составляло

³⁴ В настоящее время Истаравшан – административный центр одноименного района Согдийской области Таджикистана. (Примеч. пер.)

³⁵ Как установил Уолтер Персеваль Йеттц, китайский поход в Фергану отнюдь не был продиктован капризом или желанием демонстрации собственного величия. Китай с огромным трудом противостоял грозной коннице хунну, этих жутких конных лучников, которые на своих маленьких монгольских лошадках (equus Prjewalsky) периодически совершали грабительские набеги на его пограничные районы. Китайцы, будучи худшими, чем они, наездниками, использовали таких же лошадей, как хунну, и потому оказывались в заведомо проигрышном положении. Тогда как в Фергане и в соседней Согдиане имелась великолепная боевая лошадь, крупная трансоксианская лошадь, возможно та же самая, которую греки встретили в Мидии под названием никейской лошади. Китайцам пришла мысль пересадить часть своей кавалерии на лошадей этой крупной иностранной породы, которые, как они считали, могли обеспечить ей превосходство над маленькими косматыми лошадками гуннов. Это и стало причиной их похода на Фергану, призванного было обеспечить им таким образом военное превосходство над кочевниками. Действительно, мы увидим на барельефах эпохи Второй Хань (например, в Сяо тан-шане) рядом с низкорослой лошадью Пржевальского крупную трансоксианскую лошадь. Отметим, что в связи с этим моментом возник вопрос: не принадлежала ли еще Фергана в тот момент последним греко-бактрийцам, поскольку китайское название страны Та-юань близко к индоиранскому названию греков – явана, то есть ионийцы.

³⁶ В 9 г. н. э. римский полководец Публий Квинтилий Вар, стремясь разгромить восставших германцев, с тремя своими легионами зашел далеко вглубь вражеской территории и в Тевтонбургском лесу потерпел сокрушительное поражение от германцев, умело использовавших рельеф местности, чем свел на нет преимущество римлян в вооружении и тактике. Практически вся армия Вара была уничтожена, а сам он покончил с собой. (Примеч. пер.)

³⁷ «Официальная история династии Хань» в переводе Шаванна.

тыловые области страны хунну, откуда по осени их орды атаковали излучину Ордоса, отбирая у тамошних жителей их припасы.

В течение следующего периода хунну и Китай, не совершая прямых нападений на Великую стену или Монголию, боролись за обладание северными оазисами Тарима, то есть контроль над Шелковым путем. В 77 г. до н. э. царь Лоуланя в Лобноре восстал, в сговоре с хунну, против китайского сюзеренитета, был обезглавлен, а в Исуне была устроена китайская колония. При ханьском императоре Сюань-ди (73–49 до н. э.) китайская экспансия в бассейне Тарима получила решающий импульс. «Хани, – заявил монарх, – имеют собственный кодекс – кодекс завоевателей!» В 71 г. до н. э. китайский военачальник Чан Хуэй выступил помочь против хунну уйсуням долины реки Или. В 67 г. до н. э. царство Турфан (Цзюй-шэ), вассал хунну, было ликвидировано китайским полководцем Чжен Ки. В 65 г. до н. э. другой китайский полководец – Фон Фон-шэ – сверг царя Яркенда и привел оазис к покорности. Правда, на следующий год китайский гарнизон был выведен из Турфанского царства, которое сразу же вновь попало в вассальную зависимость от хунну, но в 60 г. до н. э. Чжен Ки снова его оккупировал. Организовав крупный военный лагерь Цюй-ли, на юге Карашара, Чжен Ки в качестве протектора Тарима обосновался в Ву-лэй, месте между Карашаром и Кучой, откуда контролировал весь регион.

Так Китай отнял у хунну контроль над Шелковым путем. Если те реагировали столь слабо, то потому, что начиная с 60 г. до н. э. были ослаблены целой серией гражданских войн. Два претендента, Хуханье и Чжэ-Чжэ, оспаривали титул шаньюя. В 51 г. до н. э. Хуханье лично прибыл к чаньаньскому двору просить помощи у императора Сюань-ди и принести присягу на верность. С 49 г. до н. э., благодаря покровительству Китая, он стал брать верх над своим соперником и в 43 г. до н. э. обосновался победителем в родовых кочевьях Орхона. В 33 г. до н. э. этот одомашненный хунну вернулся ко двору Сына Неба в Чаньани и получил наивысшую награду, о которой мечтали все варвары: руку китайской принцессы.

Что касается проигравшего, Чжэ-Чжэ покинул старую Монголию, ставшую клиентом Китая, и отправился на запад искать удачи на территории нынешнего Русского Туркестана (44 г. до н. э.). По дороге он победил илийских уйсуней, подчинил себе и собрал вместе обитавших в степях Приаралья илийских ху-цзэ, даже напал на жителей Согдианы (Кан-цзю), имевших неосторожность прийти к нему на помощь, и обосновался в степях между Чу и Таласа. Это был зародыш великой империи западных хунну. Но китайцы не оставили ему времени укрепить ее. В 36 г. до н. э. полководец Чэн Тан, совершив поразительный по дерзости рейд, дошел до Чу, застал Чжэ-Чжэ врасплох и обезглавил его (36–35 до н. э.). После этой неожиданной драмы мы теряем из виду хуннские элементы, следовавшие за Чжэ-Чжэ в его походе к Аралу. Эти западные хунну не оставили в истории следа, поскольку не контактировали ни с одним большим цивилизованным народом, который мог бы сохранить для нас сведения о них, как Китай о восточных хунну. Лишь в конце IV в. н. э., примерно в 370–375 гг., когда их потомки перейдут через Волгу и Дон, чтобы вторгнуться в Европу, мы снова встретим хунну Баламира и Аттилы в нашей классической истории.

Борьба Китая с хунну в эпоху династии Поздняя Хань. Раскол среди южных хунну

Исход западных хунну и устранение восточных от таримских дел обеспечили Китайской империи гегемонию в Центральной Азии. Это положение едва не разрушили гражданские войны, сопровождавшие в Китае падение династии Ранняя Хань (8–25 н. э.). Хуннские шаньюи воспользовались ими, чтобы отобрать у китайцев протекторат над Турфаном (10 г. н. э.) и возобновить набеги на границе. В могиле одного из вождей хунну этого времени экс-

педиция Козлова³⁸ в Ноин-Уле возле Урги обнаружила предметы, дающие нам представление о хуннской культуре: ткани со стилизованными анималистскими мотивами, характерными для искусства сибирско-сарматских степей и Алтая, а также заимствования, сделанные одновременно у Китая и греко-римского Крыма (китайский лак, датированный 2 г. н. э., и греческая ткань из Босфора Киммерийского).

Когда на китайский престол вступила (25 г. н. э.) Вторая династия Хань, называемая Поздняя Хань, встал вопрос о восстановлении китайского протектората над Таримом. Большим везением для китайцев стало то, что именно в это время между хунну начались раздоры. Восемь южных хуннских орд под предводительством своего вождя Би в 48 г. подняли мятеж против шаньюя Пуну и подчинились Китаю. Китайский император Гуан У-ди расселил их как федератов во Внутренней Монголии, на южной окраине Гоби, по линии укрепленных границ Ганьсу и Шаньси. Так было основано царство южных хунну, которые, пока Китай оставался сильным, были верны империи, дожидаясь возможности стать ее разрушителями, когда она придет в упадок (IV в.). Ситуация, полностью аналогичная той, что сложилась у германских племен – федератов Рима – вдоль римского лимеса³⁹.

На то время единственными врагами Китая оставались северные хунну, жившие в древнем хуннском царстве на Орхоне, во Внешней Монголии. Чтобы взять их в клещи, китайский губернатор области Ляотун Ци Юн около 49 г. поднял против них две соседние орды: ухуаней с бассейна верхнего течения Ляохэ в Маньчжурии, и сяньбийцев, очевидно монгольского происхождения, которые кочевали севернее, возле Большого Хингана и реки Нонни. Ослабленные расколом с южными хунну и фланговым ударом сяньбийцев и ухуаней, северные хунну перестали представлять опасность.

Шелковый путь

Китай воспользовался этим, чтобы восстановить свой протекторат над таримскими оазисами, которые, как нам известно, образовывали два полукруга, с севера и с юга от Тарима. На севере это были Турфан (в то время известный китайцам под названием Цзюй-шэ), Карашар (китайское название – Йен-цзи), Куча (Цэу-цзы), Аксу (Гу-мо), Уч-Турфан (Вэнь-су) и Кашгар (Шу-лэ); на юге: Лоулань около Лобнора, Хотан (Ю-тянь) и Яркенд (Со-цзюй). Тот факт, что еще в VII в. н. э. в Карашаре, Куче и, очевидно, в Кашгаре говорили на индоевропейских диалектах, позволяет предположить, что жители Таримских оазисов принадлежали, по крайней мере частично, к индоевропейской семье. Кучанский язык, каким он предстает перед нами в VII в., представляет родство одновременно с индо-иранскими, хеттскими, армянским и славянскими языками. Если, как учит германская школа Зига и Зиглинга, нельзя уверенно дать название «тохарский» кучанскому и карашарскому диалектам, их индоевропейское происхождение бесспорно. Так же как нет оснований выдумывать некое индоевропейское вторжение в Тарим в начале нашего Средневековья. Кажется логичным принять гипотезу о древнем заселении этих мест индоевропейцами, очевидно протекавшем синхронно с распространением скифо-сарматов по Западной Сибири вплоть до Енисея и распространением саков по обоим склонам Тянь-Шаня, между Ферганой и Кашгаром. Одновременно с лингвистическими доказательствами, каковыми являются распространение восточно-иранского языка в Западной Кашгарии и кучанского на севере, этнографы приводят свидетельства китайских историков о голубых глазах и рыжих волосах илийских уйсуней на северо-западе Кучи.

³⁸ **Козлов** Петр Кузьмич (1863–1935) – русский путешественник, военный географ, этнограф, археолог. (*Примеч. пер.*)

³⁹ **Лимес** (limes) – укрепленная граница Римской империи, служившая для защиты от варваров и для ведения таможенного контроля. (*Примеч. пер.*)

Эти маленькие таримские царства имели огромное экономическое значение, потому что через их оазисы проходил великий караванный путь между Китаем и греческим и индо-иранским миром – Великий шелковый путь. Существование этого пути нам подтверждает географ Птолемей. По свидетельству Птолемея, цитирующего своего предшественника Марина Тирского, некий «македонский» купец по имени Маэс Титианос в I в. н. э., то есть в эпоху, до которой мы дошли, приказал своим торговым агентам разведать его маршрут и основные вехи. Шелковый путь, начинаясь в Антиохии, столице Римской Сирии, шел через Евфрат в Иераполь (Манбидж), входил в Парфянскую империю, у парфян шел через Экбатану (Хамадан), Рагу или Рей, недалеко от нынешнего Тегерана, Гекатомпил (Шахруд?), Мерв и вступал в Бактрию (Балх), город, который в то время принадлежал индо-скифам, то есть, по всей видимости, юэчжи китайских источников и тухарам индийских. Оттуда Шелковый путь следовал в Памир. В памирской долине у подножия «гор Комедаи», говорит нам Птолемей, находилась каменная башня (lithinos pyrgos), возле которой и проходил обмен товарами между левантийскими и «серскими»⁴⁰ караванщиками. Альберт Германн располагает этот пункт в долине памирской реки Кызылсу, между протянувшимися вдоль хребтами Алая и Трансалая, через которые можно пройти из бассейна Верхнего Окса в Кашгарскую долину. Хаккин, побывавший в этих местах, полагает, что каменную башню следует искать, как то предлагалось ранее, в окрестностях современного Ташкургона, между Ваханом (Малый Памир) и истоками Яркенд-дары, к северу от перевала Минтеке.

В Кашгаре Шелковый путь разделялся. Северная дорога тянулась к Куче, городу, являвшемуся, по мнению Альберта Германа, Исседоном Скифским александрийских географов, далее к Карашару (предположительно их же Дамна), к Лоулани на Лобноре, возможно, их Исседон Серика, и к воротам Ю-мен-гуань (западнее Дуньхуана), видимо называвшимся Даксата. Что же касается южной дороги, мы уже указывали ее путь от Кашгара через Яркенд, Хотан, Нийю, Миран (последний город находился в царстве Лоулань на Лобноре). Две дороги соединялись в Дуньхуане, предположительно Троане греко-римских географов. Далее Шелковый путь проходил уже по китайской территории через Цзэу-цзюан (Дрозаке греческих географов?) и Чжан-е (Тогара?) и, наконец, достигал Чанъяня или Сианьфу, в котором обычно видят «Сера Метрополис»⁴¹ Птолемея, и Лояна, вероятно, Сарага или Финае тех же источников.

Завоевание Таримского бассейна Бань-Чао

Вне зависимости от правильности соотношения греческих и китайских названий точно одно: со времени открытия этого трансконтинентального Шелкового пути между Римской и Парфянской империями, с одной стороны, и империей Хань – с другой, мелкие индоевропейские царства, существовавшие в северных или южных оазисах Таримского бассейна, приобрели большую важность для торговли. Поэтому хунну и китайцы стали оспаривать друг у друга контроль над ними, первые следили за Таримом с высот Алтая, на севере, вторые удерживали перевалы Дуньхуана на востоке.

Завоевание – или отвоевание – Таримского бассейна было для династии Поздняя Хань постоянной задачей, последовательно решавшейся в царствования императоров Мин-ди (58–75), Чжан-ди (76–88), Хэ-ди (89–105). Но заслуга в ее решении принадлежит нескольким крупным военачальникам. В 73 г. н. э. китайские полководцы Гэн Бин, «командир быстрых лошадей», и Доу Гу возглавили поход, бывший разведкой боем, против северных хунну, которые бежали от наступавших войск империи Хань. *Се-ма*, или генерал кавалерии Бань Чао, заместитель Доу Гу и один из величайших китайских полководцев, командуя отдельным отря-

⁴⁰ То есть «шелковыми» – имя, данное греками и римлянами китайцам – жителям Страны шелка. (Примеч. пер.)

⁴¹ То есть главный город Шелковой страны. (Примеч. пер.)

дом, действовавшим против ху-яней – орды хунну, обитавшей около Баркуля, разгромил их и «обезглавил великое количество варваров». В том же 73 г. в И-ву, месте, которое Шаванн идентифицировал с Хами, а Альберт Германн помещает между Лоуланем и современным постом Ин-пань к северу от Лобнора, была основана китайская военная колония. В 74 г. Гэн Бин и Доу Гу отправились в поход на Турфан, в то время разделенный на два одинаковых царства: Старшее Цзюй-шэ, вокруг Турфана, и Младшее Цзюй-шэ, на противоположной стороне Тянь-Шанской горной гряды; впрочем, обоими правила одна и та же династия. Гэн Бин совершил дерзкий рейд и сначала ударил на более удаленное царство Цзюй-шэ Гуй-чена; тамошний царь Ан-тэ, придя в ужас, отказался от борьбы; «он вышел из города, снял свой колпак и, обнимая ноги коня Гэн Бина, покорился ему. Царь Турфана, сын предыдущего, также покорился. Два китайских гарнизона были оставлены, один в Младшем Цзюй-шэ (Гучэн), под командованием кузена Гэн Бина по имени Гэн Кун, другой – в Лукчуне, в самом Турфане. Со своей стороны, Бань Чао полагал, что, «не войдя в тигриное логово, тигрят не поймает». Направленный со своим отрядом в царство Шаньшань к юго-западу Лоуланя и Лобнора наблюдать за ситуацией в этом районе, он хитростью выведал, что царь этой страны совместно с эмиссаром хунну строит заговор против Китая. Когда наступила ночь, он собрал своих офицеров, чтобы предупредить их. Он должен был регулярно советоваться с китайским гражданским комиссаром, направленным вместе с ним, но не сделал этого: «Это – обычный гражданский чиновник. Если мы станем информировать его о наших планах, он их разболтает. Наша судьба решится в один момент. Умереть без славы недостойно храбрых воинов!» Посреди ночи Бань Чао и его небольшой отряд подожгли лагерь, в котором расположились хуннские посланники, привели их в ужас своими криками и барабанным боем и обезглавили либо сожгли всех варваров. Сделав это, Бань Чао призвал к себе царя Шаньшаня и просто показал ему голову хуннского посла. Царь, еще вчера готовый изменить, трясаясь от страха, признал себя вассалом Китая. Затем Бань Чао занялся делами собственно Кашгарии.

Когда в их дела не вмешивались хунну и китайцы, мелкие индоевропейские царства Тарима воевали между собой. Один из яркендских царей, известный китайцам под именем Сянь (33–61), на какой-то момент стал самым влиятельным монархом региона, подчинив себе Кучу (46), Фергану и Хотан, но он не смог подавить всеобщий мятеж. Куча перешла под протекторат хунну, а царь Хотана убил Сьена (61). Главенство перешло на юге Тарима к Хотану, царь которого, называемый китайцами Гуан-Дэ, в 73 г. завладел Яркендом, а на севере к царю Кучи, именуемому китайцами Цзянь, который при поддержке хунну, своих покровителей, в 73 г. захватил Кашгар. Тем временем Бань Чао, которому император Мин-ди приказал уладить ситуацию в регионе, прибыл в Кашгарию. Сначала он отправился в Хотан. Царь Хотана Гуан-тэ⁴², возгордившись от своих недавних успехов, а также следуя советам эмиссаров хунну, повел себя с ним дерзко. Внезапно Бань Чао собственноручно отрубил голову колдуну, бывшему главным советником царя. Перепугавшись, тот снова признал себя вассалом Китая и, дабы доказать свою искренность, перебил хуннских посланников. Затем Бань Чао пошел на Кашгар. Как мы уже знаем, кучанский царь Цзянь, союзник хунну, подчинил Кашгар и посадил на трон этого города своего ставленника, впрочем кучанского происхождения. Бань Чао, действуя решительно и даже дерзко (у него было совсем мало людей), захватил навязанного чужаками правителя, низложил с трона и восстановил древнюю кашгарскую династию в лице царя, чье имя известно в китайской транскрипции как Чжун (74).

В 75 г., незадолго до смерти императора Мин-ди, в Тариме произошел всеобщий мятеж против китайского протектората, разумеется опиравшийся на поддержку хунну. Царь Карашара убил китайского резидента, «главного протектора» Чэнь Му. Жители Кучи и Аксу осадили Бань Чао в Кашгаре. Более года китайский герой отражал атаки врагов. Тем временем

⁴² Разумеется, имя дано в китайской транскрипции; хотанское имя нам неизвестно.

хунну вторглись в царство Младшее Цзюй-шэ (Гучэн), где убили китайского вассала – царя Ан-тэ и осадили в одной из тамошних крепостей китайского военачальника Гэн Куна. Как и его соперник Бань Чао, Гэн Кун оказал героическое сопротивление. Без продовольствия, с оставшейся у него горсткой людей, питаясь вареной кожей и сбруей, он держался до конца. Однако правительство нового императора Чжан-ди приказало Бань Чао и Гэн Куну вывести войска из Тарима. Китайский двор был напуган всеми этими нескончаемыми мятежами и жертвами, которых требовало сохранение протектората над Центральной Азией. Но Бань Чао понял, что отступление отдавало эти земли хунну. Едва достигнув Хотана, стоявшего на дороге, по которой отступал, он передумал и, вопреки полученному приказу, вернулся в Кашгар. В его краткое отсутствие город, естественно, попал под власть кучанцев, то есть прохуннской группировки. Он обезглавил вожakov кучанской партии и снова обосновался в Кашгаре, решив никогда отсюда не уходить. Более того: в 78 г., со вспомогательными отрядами, сформированными в Кашгаре и Хотане, а также набранными на землях вплоть до Согдианы, он овладел Аксу и Уч-Турфаном «и отрубил 700 голов». В это же время китайские войска из Ганьсу отводили у хунну царство Цзюй-шэ, то есть Турфан. «Они отрубили 3800 голов и завладели 37 000 головами скота. Северные варвары в ужасе убежали»⁴³. При таких противниках, как Бань Чао и Гэн Кун, хунну быстро признали власть своих хозяев.

В адресованном императору докладе Бань Чао пытался примирить робость двора со своим опытом войн на Великом Западе. Китайский герой доказывал, что его дальние походы, которые образованные придворные обличали как бесполезные, являются лишь правильно организованной обороной. Речь шла о защите китайской территории от периодических набегов хунну: «Захватить тридцать шесть царств (Центральной Азии) – это значит отрубить хунну правую руку». Что касается его методов, они сводились к знаменитой формуле: «использовать варваров против других варваров». Фактически он осуществил завоевание Тарима благодаря вспомогательным контингентам, которые каждый вновь завоеванный оазис обязан был предоставлять ему против еще мятежных оазисов. Солдаты собственно китайского происхождения были представлены лишь горстью авантюристов и каторжников, отправленных восстанавливать свою честь в бурной жизни пограничной зоны. И все они жили за счет страны, которую, впрочем, защищали от возвращения хуннских орд. «В Яркенде, в Кашгаре, – объяснил Бань Чао, – возделываемые земли плодородны и обширны. Солдаты, расквартированные там, ничего не будут стоить империи». Этот современник Траяна рассуждал о военных делах так же, как завоеватель Дакии.

Главной целью было отбросить хунну во Внешнюю Монголию, отодвинув их от Шелкового пути, контроль над которым их питал и обогащал. Действуя во имя этой великой цели, Бань Чао подавил новые мятежи в Кашгаре (80, 87), Яркенде (88) и заключил союз с илийскими уйсунями. Всякий раз Бань Чао, информируемый своими шпионами и прекрасно знающий психологию «варваров», застигает их врасплох и побеждает благодаря своей дерзости. В 84 г. в Кашгаре царь Чжун, его протеже, его ставленник, поднял мятеж в союзе с яркендцами, согдийцами и юэчжи или индо-скифами. Изгнанный Бань Чао из Кашгара, он в 87 г. притворяется, будто готов покориться, и просит о личной встрече, на которую является с сильным конным отрядом, чтобы попытаться решить дело силовой акцией. Бань Чао делает вид, будто верит в его добрые намерения, устраивает в его честь пир, а потом, «когда полилось вино», хватает царя и отрубает ему голову. В это же мгновение китайские солдаты, выскочив из засады, бросились на врагов и всех их перебили⁴⁴. В 88 г., с армией из китайцев и набранных среди хотанцев вспомогательных отрядов, уступающей в численности неприятелю – яркендцам, на помощь которым спешат 50 000 из Кучи и соседних городов, он предпринимает

⁴³ «История империи Поздняя Хань».

⁴⁴ «История империи Поздняя Хань».

ночью притворное отступление, затем форсированным маршем возвращается, на рассвете атакует яркендцев, отрубает головы 5000 человек и принуждает их покориться.

В состоянии мятежа оставались лишь Куча и Карашар, искавшие союзников против Китая повсюду, от монгольских хунну до юэчжи или индо-скифов. В 90 г. царь индо-скифов, то есть могущественный император Кушанской династии, царствовавшей в Афганистане и Северо-Западной Индии – судя по дате, очевидно, Кадфис II – недовольный тем, что не получил руку китайской принцессы, направил войско в поход на северо-восток Памира для помощи Куче в войне против Бань Чао. Тот перехватил все пути коммуникаций между этой армией и жителями Кучи, вероятно снабжавшими ее продовольствием, а потом опустошил местность перед ней. Индо-скифы, углубившиеся в бесчисленные тропинки Кашгарии, испытывая нехватку продовольствия, все-таки сумели отступить, не доводя дело до катастрофы. С этого времени кушанский двор, наученный опытом, едва не приведшим к беде, вернулся к традиционной для юэчжи политике дружбы с Китаем (90).

Тем временем на севере, в Монголии, военачальники Доу Сянь и Гэн Бин, со своей стороны, одержали крупную победу над северными хунну (89–90). Цари Младшего Цзюй-шэ и Старшего Цзюй-шэ (Гучэна и Турфана) сразу же укрепили свои связи с империей. В 91 г. китайский военачальник Гэн Куй нанес северным хунну еще одно жестокое поражение. Гэн Куй дошел до Внешней Монголии, очевидно до Орхона, захватил мать и всю родню шаньюя и назначил на его место его брата, Ю-чу-цзяня. Когда в 93 г. этот новый царь хунну поднял мятеж, Китай натравил на него сяньбеев – монгольскую орду с окраины Маньчжурии, – которые его победили и убили. От этого разгрома северные хунну так до конца и не оправились.

Лишившись помощи хунну и индо-скифов, три четверти мятежных городов на севере Тарима: Куча, Касу и Уч-Турфан, покорились Бань Чао (91). Китайский завоеватель получил от императорского двора титул «главного протектора», то есть практически вице-короля Центральной Азии. Он устроил свою резиденцию в То-цзяни – городке, расположенном возле Кучи, а еще один китайский военачальник обосновался в Кашгаре. Один Карашар не сдавался. В 94 г. Бань Чао выступил на мятежный город во главе вспомогательных отрядов из Кучи и Шаньшаня (Лобнора). Карашарцы разрушили мосты через Юлдус, но это не помогло. Бань Чао форсировал реку, шагая в воде по пояс, и внезапно появился среди болот перед Карашаром. Некоторые жители сумели бежать на озера Баграч (Баграшкель), а царь был вынужден сдаться. Бань Чао, мстя за давние оскорбления, отрубил ему голову на том самом месте, где девятнадцатью годами раньше был убит китайский губернатор Чэнь Му. «Бань Чао позволил своим солдатам грабить. Они отрезали головы у 5000 человек, захватили живьем 15 000, завладели 300 000 голов скота, лошадей, быков, баранов»⁴⁵. Весь бассейн Тарима был покорен. В 97 г. Бань Чао поручил своему помощнику Гань Ину пройти через Ан-си, то есть через Парфянскую империю Аршакидов, в Да-Цинь, то есть в Римскую империю. Но посланец, оробев от рассказов о парфянах, не осмелился ступить на их территорию и повернул назад, не достигнув римской империи границы.

В 102 г. Бань Чао вышел в отставку и вернулся в Китай, где умер в том же году. Преемники великого полководца не сумели продолжить его политику по отношению к туземному населению, одновременно гибкую и реалистичную, и в 106–107 гг. в Тариме вспыхнул всеобщий мятеж. Китайский полководец Лян Цинь был осажден в Куче горожанами и населением окрестных селений. Он отразил врагов и одержал над ними победу, но двор, сталкивавшийся с этими бесконечными мятежами, пал духом и в 107 г. вывел все гарнизоны из Тарима, а также из Лукчуна и И-ву. На следующий год кочевавшие на западе и юге от Кукунора цяны или тибетцы, в те времена совершенно дикие, напали на китайские форпосты в Ганьсу, угрожая перерезать дорогу на Дуньхуан. Лян Цинь ценой жестоких сражений отбил их нападения (108).

⁴⁵ «История империи Поздняя Хань».

Наконец, в 109 г. южные хунну из Внутренней Монголии напали на китайские укрепленные пункты на границе. Китайский губернатор Ляотуна Гэн Куй спровоцировал орды сяньбийцев напасть на них. Несмотря на это, южные хунну опустошали север Шаньси до тех пор, пока Лян Кин не вынудил их шаньюя заключить мир (110 г.).

В целом Китай с трудом оборонял собственные границы, но в 119 г. ситуация изменилась для него к лучшему: была восстановлена военная колония И-ву (Ха-ми или Лобнор?), вновь подчинились Шаньшань и царь Турфана, но вскоре после этого шаньюй северных хунну и Младшее Цзюй-шэ (Гучэн) восстали и перебили китайский гарнизон И-ву. Наконец сын Бань Чао, Бань Юн, восстановил отцовское дело. В 123 г. он возродил военную колонию в Лукчуне (Льэу-чжун), близ Турфана; в 124 г. укрепил верность царя Шаньшаня, запугал царей Кучи и Аксу, которые пришли выразить ему покорность, и с войсками, предоставленными ими в его распоряжение, изгнал из Турфана банды хунну; в 126 г. он даже на время подчинил хунну-хуэней – группу северных хунну, обосновавшихся северо-восточнее озера Баркуль, и, когда основная масса северных хунну попыталась вмешаться, обратил ее в бегство. В 127 г. китайцы полностью отвоевали Тарим, вступив в Карашар. В 130 г. сын кашгарского царя и посольство ферганского царя прибыли в китайскую столицу Лоян выразить покорность императору Шунь-ди.

В течение следующих лет, если не считать короткого мятежа в 140–144 гг. одного из вождей южных хунну левой, или восточной, стороны, основные проблемы Китая доставляли баркульские хунну хуэи. В 131 г. они напали на Младшее Цзюй-шэ (Гучэн), с населением которого обошлись грубо и жестоко; в 151 г. они едва не уничтожили китайскую военную колонию И-ву, которую удалось отстоять с большим трудом. Тем не менее в 153 г. Младшее Цзюй-шэ все еще было вассалом Китая. В 151 г. неумная жестокость китайского комиссара спровоцировала мятеж населения Хотана, в котором он был убит, но затем Хотан сдался на почетных условиях⁴⁶. В 170 г. китайские военачальники еще располагали воинскими контингентами из Турфана, Карашара и Кучи, чтобы иметь возможность производить демонстрации силы вплоть до Кашгара, выступая арбитрами в местных стычках. С другой стороны, в 168–169 гг. китайский полководец Дуань Кун остановил набеги цянов или тибетцев на укрепленную границу в Ганьсу.

Цивилизация оазисов Тарима в конце Античности и начале Средневековья

Контроль над Шелковым путем, установленный китайцами в эпоху династии Поздняя Хань, обеспечивая посредством двойной цепочки оазисов севернее и южнее Тарима свободу трансконтинентальной торговли, способствовал распространению в бассейне этой реки буддизма, а через него индийской литературы и эллинистического искусства. Или, скорее, по Шелковому пути, бывшему также путем индийских миссионеров, шедших в Кашгарию и Китай проповедовать буддизм, коммерция и религия совместно везли греко-римское искусство. В этом деле приказчики Маэса Титианоса действовали в том же направлении, что и буддистские проповедники. Самым оживленным участком пути в то время была, вероятно, южная дорога, проходившая через Яркенд и Хотан. В Йоткане, бывшем Хотане, экспедиция Ауреля Стейна обнаружила римские монеты царствования императора Валента (364–378); в Раваке, к востоку от Хотана, она же раскопала целую серию греко-буддистских барельефов, с прекрасными эллинистическими драпировками в чистейшем гандхарском стиле. Немного восточнее, в Нийе (Ни-

⁴⁶ «История империи Поздняя Хань» в разделе за 151 г. говорит о вводе китайского гарнизона в Цюй-цы, или Кучу. Питер Будберг полагает, что речь здесь идет не о г. Куча на р. Музарт в Центральной Азии, а о колонии, основанной ссыльными или эмигрировавшими кучанцами на северо-востоке Шаньси, очевидно севернее Юйлия.

ян), городе, брошенном в конце III в., она нашла римские печати и инталии, индо-скифские монеты. В Миране, на юго-западе Лобнора, в древнем Шаньшане, та же экспедиция обнаружила прекрасные греко-буддистские фрески, изображающие, в частности, Будду, его монахов и крылатых духов довольно четко выраженного римско-азиатского вида. Фрески подписаны индийским письмом именем «Тита», в котором можно увидеть «Тит», и все это предположительно датируется III–IV вв. н. э.

По тому же Шелковому пути, в мирные для Китая времена, в него пришли великие буддистские миссионеры: Ань Шигао – парфянин, прибывший в Китай в 148 г. и умерший в 170 г.; Чжу чжо фо, индеец, Чэ Чан – юэчжи, то есть индо-скиф, пришедшие оба около 170 г. и основавшие в китайской столице Лояне монастырь. В следующем веке сын юэчжийского посла Чже Цянь между 223 и 253 гг. перевел на китайский язык многие буддистские труды. Упоминание представителей юэчжи очень интересно, поскольку убедительно показывает, что Кушанская империя, в то время раскинувшаяся на Афганистан, Гандхару и Пенджаб, посредством Шелкового пути значительно способствовала распространению буддизма в Таримском бассейне и в Китае. Не менее ценно узнать, что рядом с кушанскими и индийскими миссионерами встречались перешедшие в буддизм парфяне, отправлявшиеся проповедовать его в Восточную Азию и Дальний Восток. Наконец, если китайская Трипитака⁴⁷ дает нам список миссионеров и переводчиков, пришедших через Тарим для работы в Китае, очевидно, что и в самом Тариме другие группы монахов, пришедших из Восточного Ирана и Северо-Западной Индии, занимались переводом священных текстов с санскрита на местные языки, от восточноиранского до кучанского. Характерен и заслуживает того, чтобы его вспомнить, пример знаменитого Кумарадживы (344–413).

Кумараджива происходил из индийской семьи, обосновавшейся в Куче. Его предки достигли в этой стране высокого положения. Его отец, ревностный буддист, хотел отказаться от почестей и должностей, чтобы уйти в монахи, но кучанский царь заставил его остаться в миру и дал ему в жены свою сестру. От этого брака и родился Кумараджива. С юности мать возила его в Кашмир, чтобы обучить индийской письменности и буддизму. Возвращаясь из Индии, Кумараджива проезжал через Кашгар, где задержался на целый год и где продолжил изучение Абхидхармы. Из текста его биографии мы знаем, что в то время Кашгар, так же как и Куча, был настолько блистательным очагом индийской культуры, что цари двух этих городов спорили за честь принять при своем дворе столь ученого монаха, каким был молодой Кумараджива. Когда Кумараджива вернулся в Кучу, царь страны, имя которого в китайской транскрипции выглядит как Бай Чунь, вышел встретить его, а двое младших сыновей царя Яркенда стали его учениками. Со своим учителем – индийцем Вималакшей, уроженцем Кашмира, эмигрировавшим в этот город, он жил в Куче до 382–383 гг., времени, когда, как мы увидим, китайский военачальник Лю Гуан, захватив Кучу, увел Кумарадживу с собой в Китай. В истории Лю Гуана говорится о пышности кучанских дворцов, восхитивших китайского завоевателя. Проявленное им по этому поводу удивление позволяет предположить, что речь идет о постройках и произведениях искусства, образцы для подражания которым черпались не в Китае, а в Индии и Иране, и приблизительно к этому же времени, как полагает Хаккин, следует отнести и живопись первого стиля пещер Кизила.

Из приведенных примеров видно, что цивилизация Центральной Азии четко разделена на две вытянутые в длину зоны. На север, от российского Приморья до Маньчжурии и Ордоса, степное искусство, преимущественно искусство кочевников, характеризуется бронзовыми накладками или оконечниками для древков, стилизованным звериным стилем, с четкими орнаменталистскими тенденциями. На юге, вдоль Шелкового пути, от Афганистана до Дунь-

⁴⁷ **Трипитака** – сборник священных буддистских текстов, переведенных на китайский язык в начале нашей эры. (Примеч. пер.)

хуана, вдоль двойной дороги из цепочки оазисов, окружающих Таримский бассейн, у оседлых жителей этих оазисов, через которые проходят караванные пути, – живопись и скульптура, созданные под прямым влиянием греческого, иранского и индийского искусства, поскольку все три дошли сюда по Шелковому пути и слились воедино под влиянием буддистской религии, даже по заказам буддистов.

Корни этого таримского искусства конца Античности и раннего Средневековья следует искать в Афганистане. Там, в Кабульской долине, в IV в. последние кушанские цари испытывали на себе глубокое влияние сасанидской Персии, в орбиту которой они были включены, что показывают кушано-сасанидские монеты, излученные Герцфельдом и Хаккином. Сасанидско-буддистская цивилизация, сасанидско-буддистское искусство родились на этих индоиранских границах. По этому поводу просто напомним великие фрески Бамиана и Какраки, создававшиеся с конца III в. в течение всего IV в. В типажах и костюмах изображенных персонажей очевидно сасанидское влияние – например, недавно найденная Хаккином в Хаир-ханне около Кабула сасанидско-брахманистская статуэтка (конец IV в.), чисто сасанидские фрески Дохтар-и-Ноширвана, неподалеку от Руи, по дороге из Кабула в Бактрию, на которых изображен сасанидский наследный принц, наместник Бактрии (V в.); все эти находки были сделаны экспедициями Хаккина – Годара и Хаккина – Карла. Благодаря им мы учимся смотреть на Афганистан того времени как на страну, в которой индийские верования и культура тесно переплелись с персидской цивилизацией эпохи Шапуров и Хосроев.

Вот этот сасанидско-буддистский сплав буддистские миссионеры, ученики Кумарадживы, внедряли во всех оазисах Тарима, на различных этапах Шелкового пути, ставшего благодаря им путем проповеди. К фрескам Бамиана примыкает первый стиль фресок Кизила, расположенного немного западнее Кучи, стиль, характеризующийся четкой моделью, очень мягким и ненавязчивым колоритом – серый, темно-коричневый, красно-бурый, темно-бурый, светло-зеленый цвета. Хаккин (кому мы обязаны установлением хронологии этих различных периодов) датирует данный стиль временем приблизительно между 450 и 650 гг. Еще более ярко индийские влияния проявляются в этом стиле в изображении танца царицы Чандрапрабхи, напоминающем прекрасные индийские изображения обнаженного тела, запечатленные в Аджанте; но проявляется и сасанидское влияние, в частности в гроте павлинов и в гроте художника – художника, изображающего самого себя в облике молодого иранского аристократа: элегантный приталенный светлый камзол, уже отмеченный в Бамиане на фресках, репродукции с которых сделала мадам Годар, штаны и высокие сапоги – все детали костюма заимствованы из Ирана. Прекрасные орнаменты, обнаруженные в Фондукистане, западнее Кабула, Хаккином и Жаном Карлом и датированные по монетам сасанидского царя Хосроя II (590–628), укрепляют нас в уверенности, что ирано-буддистский Афганистан, вплоть до кануна его завоевания арабами, продолжал оказывать непосредственное влияние на мужскую моду и украшения кучанского общества.

Второй стиль фресок Кизила Хаккин датирует периодом с 650 по 750 г.; он, по мнению этого археолога, характеризуется упрощением модели и более яркими цветами (голубой ляпислазурью, темно-зеленым) и преобладанием сасанидского влияния в украшениях и одежде. Буддистские фрески Кизила и Кумтуры, в настоящее время находящиеся в Берлинском музее, показывают нам процессии жертвователей и жертвовательниц, воскрешающие двор кучанских царей V–VIII вв., и мы можем убедиться, что эта блистательная кучанская аристократия, несомненно индоевропейской семьи, была настолько же иранизирована в своих нарядах и во всей материальной культуре, насколько индианизирована в религии и литературе. Помимо придворных одеяний, боевые сцены в Кизиле (например, в сцене «дележа реликвий») показывают нам кучанское «рыцарство», закованное латы и кольчуги, с коническими шлемами на голове, вооруженное длинными копьями, напоминающее сасанидскую конницу и одновременно сарматских всадников с фресок Керчи-Пантикапея в Крыму.

Этот ирано-буддистский сплав мы находим в южной части Тарима, в частности на картинах, написанных на деревянных досках в оазисе Дандан-Юлик, расположенном на северо-востоке Хотана (конец VII в.): на них мы видим рядом схожих с гибкими обнаженным фигурами Аджанти чисто индийского типа нагов⁴⁸, совершенно иранских по внешнему виду всадника и погонщика верблюдов, и бородатого бодхисатву с тиарой на голове, в длинной зеленой накидке, в штанах и в сапогах, который является просто-напросто сасанидским аристократом. Наконец, то же иранское влияние мы находим на фресках и миниатюрах в регионе Турфана, в Безеклике, Муртуке и др. В Безеклике божества, облаченные в латы, напоминают нам изображенных в Кизиле и Кумтуре кучанских рыцарей в сасанидских доспехах, тогда как Авалокитешвара сохраняет, по мнению Хаккина, очень индийское изящество. В Муртуке, рядом с совершенно индийскими бодхисатвами, мы встречаем жертвователей в таких же доспехах, как и в Кизиле, и в шлемах с развернутыми полями, которые снова доказывают прямое сасанидское влияние⁴⁹. Вместе с тем в малых скульптурных формах обнаруживаются найденные Аурелем Стейном карашарские изящные статуэтки из искусственного мрамора, которые так странно выглядят галереей этнических групп, напоминая совершенно аналогичные греко-буддистские статуэтки из Хадды (Афганистан), находящиеся сейчас в музее Гимэ.

Итак, до завоевания во второй половине VIII в. тюрками культура индоевропейских оазисов к северу и югу от Тарима, от Яркенда и Хотана до Лобнора, от Кашгара, Кучи и Карашара до Турфана находилась под влиянием не Алтая и степной цивилизации, а великих цивилизаций Индии и Ирана. Эти оазисы являлись продолжением Индии и Ирана, протянувшимся до китайской границы. Более того, через них Индия и Иран проникали в Китай, что подтверждается буддистскими фресками и флагами, найденными экспедициями Поля Пеллио и Ауреля Стейна в окрестностях Дуньхуана – точки, в которой Шелковый путь вступал на территорию современной китайской провинции Ганьсу.

Смена в монгольской империи хунну сяньбийцами

Пока у оседлых жителей оазисов Тарима мирно процветала греко-буддистская и ирано-буддистская цивилизация, в северных степях шла жестокая резня между тюрко-монгольскими ордами. Около 155 г. северных хунну, очевидно тюрков по происхождению, обосновавшихся в районе Орхона, в Верхней Монголии, разгромили и покорили другие орды, сяньбийцы, уроженцы района Хингана, на монголо-маньчжурской границе. Эти сяньбийцы, которых долгое время считали тунгусами, согласно исследованиям Пеллио и Тории Рюдзо, скорее относились к монгольской расе. Вождь сяньбийцев, чье имя в китайской транскрипции выглядит как Тань-шихуай, одержав победу над северными хунну, повел свое войско до Западной Монголии, вплоть до земель илийских уйсуней, которых тоже разбил. Китайские летописцы сообщают, что в 166 г. он царствовал на землях от Маньчжурии до страны уйсуней, то есть до Балхаша, но очевидно, что здесь имеется некоторое преувеличение, и контролируемые в тех краях сяньбийцами территории не должны были выходить за границы нынешних владений Богдо-хана (Тушету-хана) и Сетсерлик-мандала (Саин-нойона).

⁴⁸ **Наги** – в индуизме и буддизме мифические существа с человеческими торсом и головой и змеиным хвостом. (Примеч. пер.)

⁴⁹ Я считаю возможным, что влияние кучанских фресок распространилось очень далеко на север, вплоть до Сибири. По этому поводу отмечу, что тип «кизильских всадников» встречается на сулекских наскальных фресках в долине Караюз (Писаная гора) возле Минусинска, на которых мы видим всадников в доспехах, конических шлемах и с длинными пиками, аналогичными кизильским со сцены «войны за реликвии». Впрочем, Тальгрэн полагает, что «летающие галопом» сулекские всадники напоминают сасанидские летающие галопы эпохи династии Тан предположительно VII в. н. э. И так вплоть до грубых антропоморфных стел района Семипалатинска, севернее Балхаша, на Верхнем Иртыше (каменная баба), очень отдаленно напоминающих широкими полями своих одежд о сасанидском очаге – Куче.

Достигнув такой степени могущества, вождь сяньбийцев унаследовал от древних хунну их притязания в отношении Китая. В 156 г. Таньшихуай напал на китайскую провинцию, включавшую территорию современного Ляотуна, но был отбит. Тогда он взялся за южных хунну Внутренней Монголии, вассалов Китая, затем договорился с ними и увлек в поход против китайской укрепленной линии на границе областей Шаньси и Ганьсу, однако силам коалиции пришлось отступить перед китайской армией (158). Новое нападение сяньбийцев на Ляоси, то есть китайскую провинцию на западе нижнего течения реки Ляохэ на юго-западе Маньчжурии, в 177 г. было отражено войсками китайского полководца Чжао Бао. Наконец, ухуани, орды, кочевавшие в районе Далай-нора и Шара-мурэна, на юге Большого Хингана, в 207 г. были наголову разгромлены на территории нынешнего Джехола китайским полководцем Цао Цао. В 215–216 гг. Цао Цао, расселив остатки южных хунну в опустевших укрепленных областях на границе, на севере нынешних провинций Шеньси, Шаньсу и Хубей, разделил их на пять орд, во главе которых поставил местных вождей, за которыми присматривал китайский резидент. Что же касается официального шаньюя южных хунну, его удерживали при китайском дворе на положении полупленника.

Когда в Китае в разгар гражданских войн пресеклась династия Хань (220 г.), степные северные орды, столько раз жестоко битые китайскими войсками в предшествующую эпоху, были еще слишком запуганы или ослаблены, чтобы суметь воспользоваться этими обстоятельствами. Точно так же и индоевропейские оазисы Тарима, несмотря на междоусобные войны, которые вели китайские Три Царства, преемники династии Хань, оставались вассалами главного из этих царств – Вэй, владевшего (220–285 гг.) Северным Китаем. Таким образом, в 224 г. Шань-шань (Лобнор), Куча и Хотан принесли вассальную присягу вэйскому царю Цао Пяю. Точно так же, когда Вэй и остальные два китайских царства были сменены вновь объединившей Китай династией Цинь (семейство Сыма), царь Кучи послал своего сына служить при императорском дворе (285). Сяньбеи же, осмелевшие до того, что напали на укрепленную границу Ганьсу со стороны Лянчжоу, были отброшены китайским полководцем Ма Луном (279).

В тот момент казалось, что со стороны степи Китая больше не угрожает никакая опасность – великая империя хунну исчезла, сменившие ее сяньбийцы показали себя неспособными возобновить нападения на китайские границы – и вдруг в IV в. на Крайнем Западе возобновились мощные варварские нашествия, очень схожие с германским переселением народов в V в. н. э. Но в отличие от того, что происходило в Европе, где вторжения были спровоцированы волнениями всего варварского мира, взбодораженного каким-то Атилиой, здесь вторжения были вызваны ослаблением китайского могущества, ослаблением, повлекшим за собой нашествие вглубь Китая варваров, до того кочевавших у его границ и считавшихся его союзниками.

Великие нашествия IV в. Северный Китай завоеван хунну и сяньбийцами

Как нам известно, постоянные расколы ослабили силу хунну. С III в. до н. э. под властью шаньюя, пребывавшего преимущественно на Орхоне, находились Внешняя и Внутренняя Монголия. Первый раскол произошел, когда в 44 г. до н. э. один из вождей хунну, Чжэ-Чжэ, изгнанный соперником из своих прежних родовых земель в Монголии, на Орхоне, откочевал в район Балхаша, на территорию современного Казахстана. Так осуществился раздел между восточными хунну, оставшимися в Монголии, которым суждено было остаться противниками Китая, и обосновавшимися в степях вокруг Балхаша и Арала западными хунну, которым суждено было, под именем гуннов (это предки Аттилы), стать врагами римского мира. В 48 г. н. э. разделилась уже империя восточных хунну: «восемь орд» Южной, или Внутренней, Монголии отделились от орд, оставшихся верными орхонскому шаньюю. Так появились две новые отдель-

ные группы: северные хунну на Орхоне, во Внешней Монголии, и южные хунну во Внутренней Монголии, к северу от Великой стены. Северные хунну, как мы только что видели, в 155 г. н. э. были покорены сяньбийцами – монгольскими ордами из восточномонгольского района Хинган, у маньчжурских границ. Сяньбийцы, о чем мы также сказали, доминировали в те времена в Монголии, от маньчжурской границы до окрестностей Хами и Баркуля.

Южные же хунну, которые одни будут интересовать нас впредь, теснимые сяньбийцами все дальше на юг, они, как мы знаем, к концу правления китайской династии Хань бежали внутрь большого изгиба Хуанхэ, в Ордосской степи, и районы, прилегающие к Алашаню, где мы их видим в период Трех Царств (220–265). По отношению к Китайской империи они играли роль федератов, аналогичную роли многочисленных германских племен, поселившихся вдоль укрепленной римской границы в IV в. Отношения между вождями ордосских союзных хунну и китайскими императорами династий Вэй (220–265), а после Северная Цинь (265–316) весьма напоминают те, что в нашей классической истории существовали между вождями готов, франков или бургундов IV в. и римскими императорскими фамилиями Константина или Феодосия. И там и тут вожди варваров посещают имперские столицы, Чанъан или Лоян, Милан или Константинополь их дружески принимают при этих выродившихся и деградировавших дворах, а вернувшись в свои края, они используют виденное в своих интересах.

И вот в качестве федератов, войск на службе империи, южные хунну, продвигаясь все далее на юг, обосновались по внутреннюю сторону Великой стены. Так, их шанью Хучуцюань (195–216) поселился в Пинъяне, в самом сердце Шаньси. В Китае, накануне падения династии Хань, бушевала гражданская война. Хучуцюань, своевременно вспомнив, что одна из его далеких прабабок была ханьской принцессой, дал своему роду имя великой китайской императорской династии: Лю. Таким образом, легитимность, пресекавшаяся в Китае после целой череды узурпаторов, могла возродиться в хуннских юртах. В 304 г. один из хуннских вождей, уже под ханьским именем Лю Юань, основательно укрепившись в Тайюане (в Шаньси), получил от циньского императорского двора титул шаньюя пяти орд. В 308 г. Лю Юань, во главе пятидесятитысячной армии хунну провозгласил себя в Тайюане императором, в качестве легитимного наследника династии Хань. Действительно, династия, основанная этим хуннским царем, известна под именем Северная Хань – Пэй Хань, или Ранняя Чао – Цянь Чао.

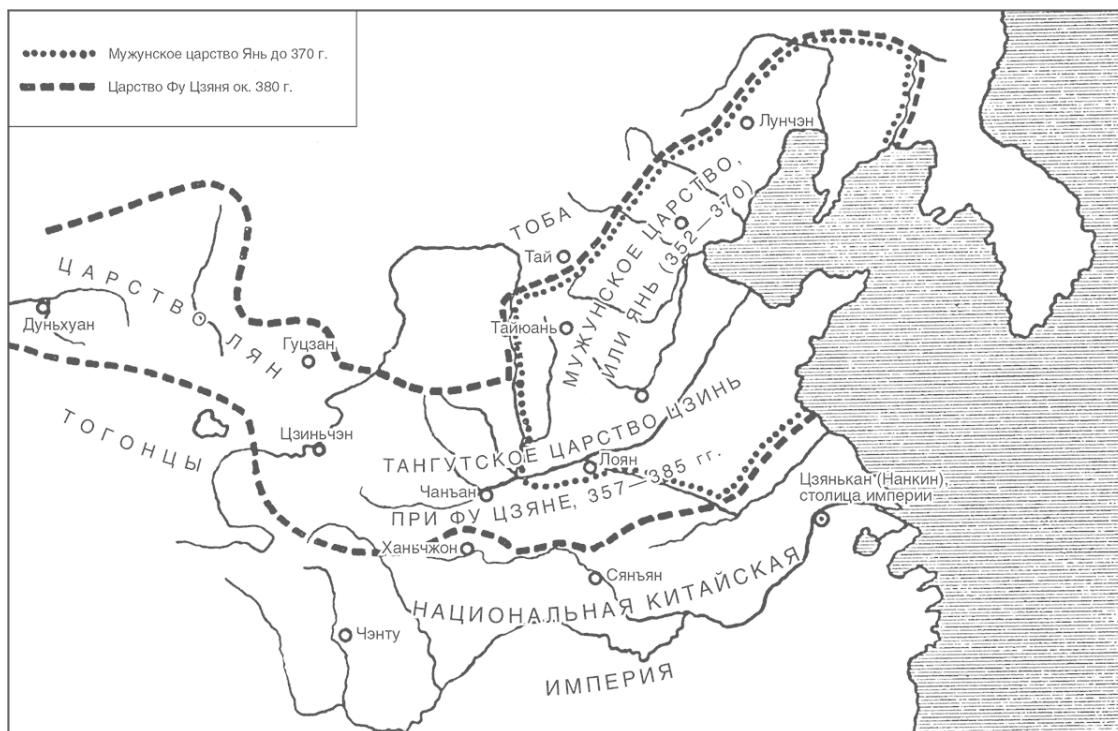
Сын и преемник Лю Юаня Лю Цун (310–318) стал китайским Аттилой. В 311 г. его войска овладели китайской столицей Лоян, сожгли императорский дворец и взяли в плен императора Цзинь Хуай-ди, после чего дошли до Чанъаня, в котором перебили половину населения (312). Пленный император был отправлен в Пинъян, резиденцию Лю Цуна, где тот заставил его служить ему виночерпием до того дня (313), пока не приказал казнить. Новый китайский император Цзинь Мин-ди (312–316), после ухода хунну, поселился в Чанъане, но в 316 г. хунну вернулись, осадили город и принудили слабого монарха капитулировать. И вновь в Пинъяне, хуннский царь, сидя на троне, принял пленного китайского императора, заставил его «мыть чаши на пирах» и, наконец (318), тоже казнил. Отказавшись от попыток защищать Северный Китай от варваров, член императорской семьи Цзинь, избежавший катастрофы, бежал в Нанкин (в то время называвшийся Цзянькан), где основал вторую династию Цзинь, именуемую Южная или Восточная Цзинь (317). Так же в V в. последние римляне будут вынуждены оставить германским завоевателям западные провинции, чтобы укрыться в Восточной империи. Нанкин будет без малого три века (317–589) заменять Чанъан и Лоян, так же как Константинополь заменял Рим и Милан.

Лю Цун, хуннский завоеватель Северного Китая, стал на некоторое время влиятельным лицом. Властитель древних императорских столиц, Лояна и Чанъаня, хотя собственную резиденцию он оставил в Пинъяне, в Шаньси, он царствовал над центральной и южной частями Шаньси, над Шэньси (исключая бассейн реки Хань), над северным Хэнанем (кроме Кайфэна), над югом Хубея и севером Шаньдуна. Но на севере этого хуннского царства, чей правитель,

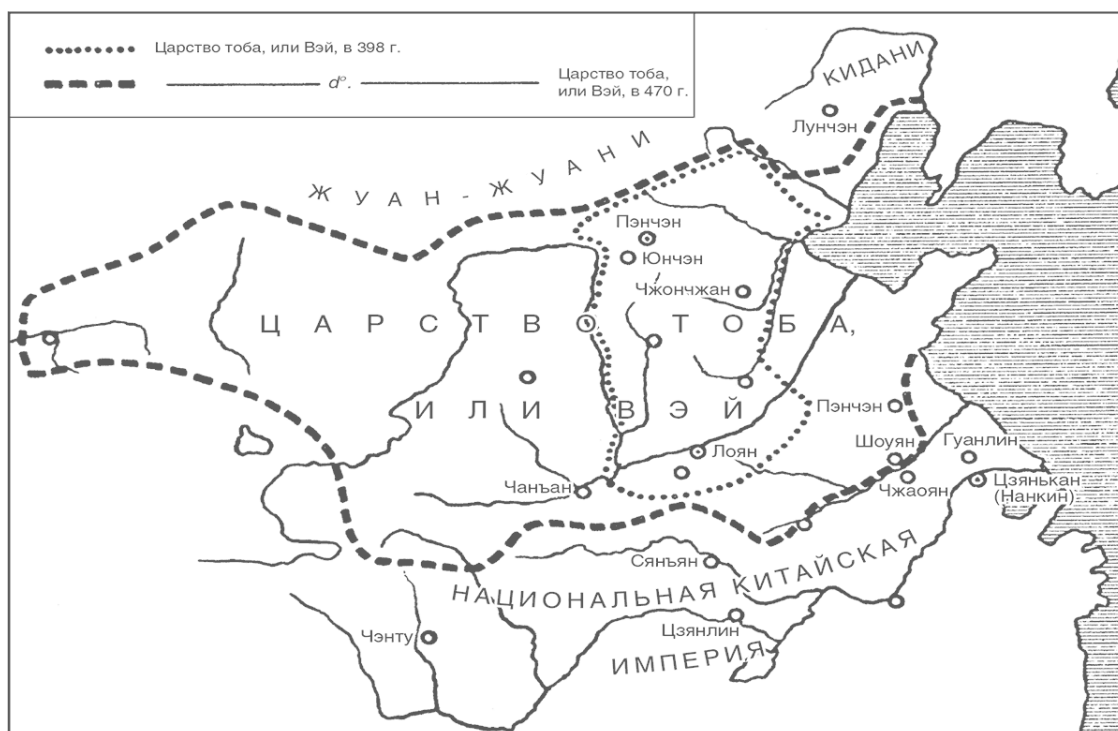
несмотря на варварские нравы, хотя бы прикоснулся к китайской культуре (он был воспитан при императорском дворе), теснились другие орды, уже совершенно варварские. Орда тобгачей, по-китайски – тоба, вероятно тюркского происхождения, около 260 г. обосновалась в дальней северной части Шаньси, к северу от Великой стены. В последующие годы тоба переместилась на юг от стены, в бывшие китайские военные колонии у Яньмэня (Чжо-пин), на север Шаньси и Тая (около Юэ чжэ), то есть в области Датун, где, как мы видим, прочно закрепилась к 310 г. Наконец, клан мужун, входивший в монгольскую орду сяньбийцев, создал новое царство в Ляотуне и Ляоси, на юго-западе современной Маньчжурии.

Китай и великие вторжения: хуннские царства первой половины IV в. н. э.

Китай и великие вторжения: царства мужунов и тангутов во второй половине IV в.

Китай и великие вторжения: царство тоба, или Вэй, в 398 и 470 гг.

Большинство этих тюрко-монгольских царств, основанных в IV в. в Северном Китае, были столь же неустойчивыми, как и первые германские королевства, основанные на римском Западе в V в., по одной и той же причине: орды истребляли друг друга. Лю Цун, хуннский завоеватель Северного Китая, умер в 318 г.; его наследники сумели сохранить лишь северо-западную часть своих владений с Чанъаном в качестве центра, тогда как один из его вое начальников, еще один вождь, жадный до завоеваний, – Ши Лэй, выкроил себе особое княжество вокруг

Сянго (современный Шуньтэ) на юге Хэбея. В 329 г. Ши Лэй низложил дом Лю Цуна (династию Цянь Чжао или Пэй Хань) и основал новую хуннскую династию, известную как Поздняя Чжао (Шо Чжао), просуществовавшую приблизительно с 330 по 350 г. Шиэ Лэй устроил свою резиденцию чуть южнее Сянго, в Ие, современном Чжан-тэ, а Лоян сделал второй столицей. Этот совершенно безграмотный хунну, по рассказам летописцев, получал удовлетворение, когда ему толковали китайские классические тексты, что сближает его с каким-нибудь Теодорихом или другим германским королем эпохи Великого переселения народов. Но восточное Великое переселение принесло свои результаты, особенно в том, что касается хуннских подражателей. Вторым преемником Ши Лэя (ум. в 333) стал Ши Ху (334–349), жестокий и развратный, которого попытался убить собственный сын, но был казнен сам. Впрочем, и он был настоящим чудовищем, татарским Синей Бородой, приказывал жарить и подавать на стол самых красивых своих наложниц. Интересно отметить, что Ши Ху был одним из самых ревностных покровителей буддизма: парадоксальный факт, довольно часто наблюдающийся среди этих извращенных варваров, впервые вступивших в контакт с цивилизацией... Этот хуннский царь, чьей столицей оставался Чжан-тэ, владел северной частью Хэнаня (кроме Ханьчжуна, входившего в южно-китайскую империю), Шаньси (за исключением Датуня, принадлежавшего тоба), Хэбеем, Шаньдунем, Хунанем, и даже северной частью Ганьсу и Ань-хуэя, орошаемыми рекой Хуай-хо.

Это большое хуннское царство рухнуло так же быстро, как поднялось. После смерти Шэ Ху (349) его наследники и полководцы перебили друг друга. Мужуны, сяньбийцы по происхождению, то есть, вероятно, монголы, создавшие свое царство в Ляотуне, воспользовались этой анархией, чтобы отобрать у хунну весь Хубей (350, 352 гг.), Шаньси и Шаньдун. Вождь-победитель Мужун Чуй (349–360) сделал своей столицей в Яне (или Ки), ныне Пекин (350), затем в Е (Чжан-тэ) (357). Основанная им династия известна под китайским названием Ранняя Янь – Цзянь Янь (349–370). В 364 г. его преемник захватил еще и Лоян (после недолгого периода обладания городом силами империи), а потом и северный берег реки Хуай-хо (366). Но владение мужунов этими местами оказалось еще более кратким, чем предыдущие хуннские.

В 350 г. военачальник на службе хуннского царя Ши Ху – Пу Хун, вероятно, монгол, хотя часто ему приписывают тангутское, то есть тибетское, происхождение, отделился он Шэньси и устроил свою резиденцию в Чанъане. Его династия – а все эти мелкие тюрко-монгольские царьки имели претензии основывать подлинные китайские царские дома – известна под именем Ранняя Цинь, Цзянь Цинь (350–394). Внук Пу Хуна Фу Цзянь (357–394) был одним из наиболее примечательных среди этих тюрко-монгольских царей; искренне восприняв китайскую культуру, он проявил себя милостивым правителем и большим покровителем буддизма. Сначала он отбил у мужунов, или цзянь-яней, Лоян (369), затем Тайюань и, наконец, столицу мужунов Е (Чжан-тэ), а их царя взял в плен (370). Таким образом, под властью Фу Цзяня оказалось (370) все царство мужунов – Хубэй, Шаньси, Шаньдун, Хунань. Поскольку он уже владел Шэньси, то оказался властелином всего Северного Китая. В 376 г. он аннексировал еще одно мелкое варварское государство – царство Лян в Ганьсу. В 382 г. он отправил своего полководца Лю Гуана покорять Тарим. Лю Гуан получил признание вассальной зависимости от царей Шаньшаня (Лобнор), Турфана (Старшее Цзюй-шэ) и Карашара (Йен-цзи). Царь Кучи (называемого китайцами Бай Чунь), попытавшийся оказать сопротивление, был побежден и изгнан (383). Лю Гуан оккупировал Кучу и, как мы уже знаем, возвращаясь в Китай, увез с собой знаменитого буддистского монаха Кумарадживу, много потрудившегося там в качестве переводчика на китайский язык санскритских текстов.

Казалось, что Фу Цзянь, после того как покорил все варварские царства Северного Китая, вот-вот завоюет южную национальную китайскую империю и объединит всю страну под своей властью, как поступит через восемь веков другой монгольский завоеватель – великий Хубилай. И он действительно напал на «империю» на линии Хуай-хо (383), но в верхнем течении

реки потерпел жестокое поражение, сокрушившее его могущество. Один из потомков древнего сяньбийского клана Мужун Мужун Чуй, до того момента служивший под его началом, взбунтовался и оторвал от его владений Хэбей и Шаньдун, основав тем самым царство Поздняя Янь (Хоу Янь) со столицей в Чжуншани, нынешнем Дин-чжоу, на юге Баодина, в Хэбее, которое просуществует с 384 по 407 г. В это же время (384) другой представитель семьи Мужунов основал в Шаньси царство Западная Янь (Си Янь), но в 394 г. это княжество было присоединено Мужун Чуем к Чжоу Янь. Наконец, Шэньси и часть Хунани были захвачены у дома Фу Цзяня одним из его бывших полководцев – Яо Чаном, очевидно тибетцем по происхождению, основавшим там династию Поздняя Цинь (Хоу Цинь), со столицей в Чанъане, называвшемся тогда Циньчжао. Добавим, что другие полководцы тюркского или монгольского происхождения основали в Ганьсу еще два княжества: Западная Цзинь (Си Цзинь) (385–400 и 409–431) со столицей в Ланьчжоу (Юань-цюан) и Поздняя Лян (Хоу Лян) (386–403); это последнее княжество было основано Лю Гуаном, уже упомянутым выше.

Царство тюрков табгачей, или тоба, и монгольское ханство жуан-жуаней

Но рядом со всеми этими появляющимися на короткое время ордами, чьи царства-однодневки рушились одно за другим, росло царство табгачей, тоба по-китайски, которому было суждено, поглотив их все, создать в Северном Китае устойчивое государство, которое просуществует долго. Так франки, пережив бургундов, вестготов, лангобардов, создадут на руинах их королевств Каролингскую империю, призванную соединить германское настоящее с римским прошлым. Аналогичную задачу предстояло решить тоба, объединив остальные тюркско-монгольские государства Северного Китая, они их до такой степени китаизировали, что сами, народ и династия, едва не растворились в массе китайского населения, в том числе и потому, что распространяли буддизм со рвением, напоминавшим рвение Меровингов и Каролингов в пользу христианства. Наконец, как франки стали защитниками римского мира от новых волн вторжений германцев, тоба устроили на Хуанхэ свою «Стражу на Рейне» против монгольских орд, оставшихся дикими в глубине родных степей.

Мы видели, что тоба, очевидно тюрки по происхождению, в конце III в. н. э. обосновались на крайнем севере Шаньси в регионе Датун. Энергичный вождь Тоба Гуй (386–409) обеспечил этой орде успех, отняв у мужунского царства Хоу Янь сначала Цзинь-ян, в наше время – Тайюань (396), потом – Чжуншань, сейчас Динчжоу, на юге Баодина (397) и, наконец, Е, называемый нами Чжан-тэ (398)⁵⁰. В тот момент Тоба Гуй дал своему дому китайское династическое имя Вэй и определил своей орде постоянную столицу – Пинчэн (Тай) в пяти ли восточнее Датун. Образованное таким образом царство Тоба Вэй включало уже территории Шаньси и Хэбея до Хуанхэ.

Тюркскому Китаю династии Тоба угрожала новая волна варварских нашествий – со стороны жу-жаней или, как переименовали их название китайцы, используя обидную игру слов, жуан-жуаней (то есть «отвратительных шевелящихся насекомых»). Судя по данным лингвистики, это была чисто монгольская орда, вроде давних сяньбийцев, родственниками которых их считают некоторые историки. Один из их вождей, Шэлунь, обеспечил благополучие своего рода, покорив около 402 г. соперничавшую с ним орду гаоцзюй, кочевавшую в районе между Кобдо и Урунгу и являющуюся предками тюрков, толосов и уйгуров. Жуан-жуани уста-

⁵⁰ Быстрое расширение тобанского царства династии Вэй разрезало владения мужунов, или царей Янь, на две части, в которых правили разные ветви этой семьи: 1. Просуществовавшее до 436 г. царство Северное Янь в нынешнем Джехоле, на северо-востоке Юнпина, со столицей в Кеу-чэне, недалеко от современного Чжао-яна, на нынешней границе Джехола и Маньчжоу-Го; и 2. Просуществовавшее с 398 по 410 г. царство Южное Янь, Нан Янь, в Шаньдуне, со столицей в Гуан-гу, около Цинчжоу.

новили свое господство во всей Северной Гоби, от Ляохэ на корейской границе, на востоке, до верхнего течения Иртыша и подступов к Карашару на западе. С приходом жуан-жуаней впервые появляются титулы хана и кагана, являющиеся, таким образом, монгольскими титулами, которые сменяют древний титул шаньюй, использовавшийся хунну и, следовательно, бывший, вероятно, тюркским титулом.

В заслугу новым северокитайским правителям тоба или Вэям следует поставить то, что, столкнувшись с угрозой, которую представляло собой возникновение этой новой империи кочевников, они решительно избрали наступательную тактику, совершив несколько превентивных походов, антинабегов через Гоби. Тоба Гуи (386–409) подал пример победоносной кампании, которая отбросила кагана жуан-жуаней Шэлуня далеко от великой излучины Хуанхэ (402). Тоба Сы (409–423), продолжая на севере защищать от жуан-жуаней подступы к Великой стене, расширил свои владения на юге, отобрал у южной национальной китайской империи крупный город Лоян вместе со всей частью Хунаня, зависимой от империи (423). Тоба Тао (423–453), наследовавший отцу, Тоба Сы, с самого начала царствования столкнулся с угрозой, исходившей от жуан-жуаней, наступление которых он отразил (424). Во главе своей конницы он предпринял в 425 г. поход против них: пересек Гоби с юга на север (очевидно, резиденция кагана жуанжуаней находилась на Орхоне), после чего атаковал еще одно варварское царство, Ся, основанное в Шэньси хуннским кланом Хэлянь, захватил его столицу или царский лагерь (Тун-вань, рядом с Баоянем на севере Шэньси) (427), в то время как его полководцы наступали на Чаньан (426): в 431 г. хэляни были уничтожены, а Шэньси присоединена к царству Тоба. В 436 г. армии Тоба Тао точно так же захватили царство Бэй-янь (нынешний Джехол), последний остаток владений мужунов, и аннексировали его. В 439 г. Тоба Тао завоевал государство Бэй Лян в Ганьсу (взятие Гуцзана, или Ганьчжоу). Дом Бэй Лян – династия хуннского происхождения, воцарившаяся там в 397 г. с родовым именем Цзэ-Цюй, – бежала в Турфан, который захватила, и царствовала в нем с 442 по 460 г.

Захватом Бэй Ляня тоба завершили завоевание всех прочих тюрко-монгольских царств, основанных в Северном Китае⁵¹. Остались только великое тюркское царство Тоба, называвшее себя китайским царством Вэй, и южная национальная китайская империя, где Нанкин напоминает нам Византий. Действительно: так же в VIII в. римский мир был поделен между франками, покорившими Запад, разрушив другие варварские государства, и Византийской империей, остававшейся владычицей Востока.

Впечатление, произведенное этими завоеваниями на народы Центральной Азии, было столь велико, что отныне Северный Китай обозначали именем Тоба, а вслед за ними его так называли даже византийцы: Табгач или Табхатч на тюркском, Тамгхадж на арабском, Таугаст на средневековом греческом.

Объединив Северный Китай, Тоба Тао возглавил масштабный поход в Гоби против жуан-жуаней и устроил им настоящую бойню (429), повторив операцию с тем же успехом в 443 г. В 445 г. тобайская армия Тоба совершила поход на Шаньшань (Лобнор), провинившийся тем, что перехватил ведущие на запад дороги, а в 448 г. тобайский военачальник Ван Ту-Гуй подчинил Карашар и Кучу. В 449 г. Тоба Тао предпринял третий поход на жуан-жуаней.

Тоба Тао был самой яркой личностью в этой энергичной тюркской династии, которая столь доблестно защищала от своих оставшихся кочевниками родичей древнюю китайскую цивилизацию. Человек исключительной храбрости, он сумел внушить ужас жуан-жуаням, которые, имея они дело со слабыми китайскими династиями, не упустили бы шанса совершать нападения на укрепленные границы страны. Таким образом, он поставил финальную точку в крупномасштабных вторжениях, примерно как Хлодвиг, сделавший то же самое для Галлии

⁵¹ Исключение составило царство Нан Янь в Шаньдуне – осколок мужунских государств, которое в 410 г. было захвачено южной китайской империей.

в битве при Тольбиаке. Сам достаточно китаизировавшийся, он не желал допустить, чтобы в его орде ослабла ее тюркская сила. Поэтому он отказался покинуть свои старинные кочевья в Пинчэне, возле Датуна, на самом севере Шаньси, на краю степей, ради завоеванных им исторических столиц Древнего Китая, Лояна и Чанъаня. Также он сохранил варварский, но предусмотрительный тюрко-монгольский обычай, требовавший, чтобы перед восшествием на трон тобайского царя его мать была убита во избежание ее вдовьих амбиций, притязаний и злопамятности. Излишне говорить, что при таком менталитете он проявил к буддизму глубокую неприязнь, в которой его чувства воина-варвара соединились с даоистской ненавистью его окружения. В 438 г. он приказал вернуться к мирской жизни буддистским монахам, а в 446 г. даже издал указ об их преследовании.

Эти преследования закончатся при его внуке Тоба Цзюне (452–465), получившем трон в результате дворцового переворота. Среди найденных в буддистских пещерах Юн-Гана статуи самые крупные, те, что принесли известность искусству эпохи династии Вэй, датируются именно временем его царствования, а вдохновившее их религиозное чувство, несущее греко-буддистское влияние и принесенное из Гандхары по караванным путям Тарима, наполняет эти произведения таким мистицизмом, что в них можно увидеть как бы предтечу нашей романской и готической скульптуры. Вероятно, собственно китайские династии были слишком отягощены национальными предрассудками и конфуцианским классицизмом, чтобы безоглядно поддаться привезенным из Индии мистическим урокам: буддистская скульптура императорских династий того же времени, в Нанкине и даже в Ляне, далека от того, чтобы излучать подобное рвение. Именно своему варварскому происхождению тоба, эти франки Дальнего Востока, обязаны созданием в Юн-Гане, а затем в Лунмэне эквиваленты наших Шартрского и Реймского соборов, и это, возможно, одно из самых неожиданных последствий завоевания старого Китая степными кочевниками. Более того: на Западе Великие нашествия V в. после того, как основанное этими варварами общество в достаточной степени христианизировалось, оно, после нескольких темных веков, явило наше блестящее Средневековье. На Дальнем Востоке IV в. тамошние Великие нашествия произвели аналогичный результат еще раньше, поскольку уже через век Вэйский Китай был достаточно пронизан буддистской религиозностью, чтобы создать великие скульптуры Юн-Гана и Лунмэня.

Еще некоторое время, несмотря на китаизацию и распространение буддизма, тоба не теряли своей тюркской энергии. В царствование Тоба Цзюня (452–464) тоба оккупировали оазис Хами (456) и совершили поход на жуан-жуаней в Гоби (458). Правда, жуан-жуани со своей стороны захватили Турфан, свергли там династию Цзу-цзюй и посадили на трон вассальный от них дом (460). При Тоба Хуне (465–471) тоба возобновили завоевательные походы на южную национальную китайскую империю, отбирая у нее территории: в 466 г. захватили Пэнчэн (Синьчжоу в Ганьсу), в 467 г. завоевали бассейн Хуай-хо, в 469 г. – Шаньдун. В 470 г. тоба наказали тогонцев – орду сяньбийского, то есть монгольского, происхождения, обосновавшуюся в начале века в Кукуноре.

В религиозном плане Тоба Хун был настолько благочестивым буддистом, что в 471 г. отрекся от престола в пользу своего сына и ушел в монахи. Этот сын, которого мы будем звать Тоба Хун II (471–499), достигнув совершеннолетия, продемонстрировал такую же симпатию к буддизму, под влиянием которого гуманизировал все законодательство. Он завершил китаизацию тоба, перенес в 494 г. столицу из Пинчэна (в Джчехоле) в Лоян⁵², и как раз в это время по его инициативе началось обустройство знаменитых буддистских склепов в Лунмэне, южнее Лояна, скульптуры в которых датируются временем с 494 по 759 г. Однако, полностью восприняв китайскую культуру и буддистскую веру, тоба растеряли все воинские качества своих тюркских предков. Все их попытки завершить объединение Китая под своей властью, покорив

⁵² Иногда в византийской и сирийской географии Лоян называется Таугаст, то есть так же, как народ: тобгач или тоба.

южную национальную китайскую империю, провалились. Царь Тоба Цяо (499–515) предпринял последнюю попытку, но его полководцы не смогли прорваться за Хуай-хо, по которой проходила граница двух империй и стоявшая за которой имперская крепость Чжун-ли (Фон-ян, в Ань-хуэй) отразила все приступы (507).

После смерти Тоба Цяо царством тоба с 515 по 528 г. правила его вдова, царица Ху. Эта наследница древних тобгачей – последняя значительная личность династии, в которой еще проявляется тюркская сила. Женщина невероятно энергичная, временами кровожадная, властолюбивая, она тем не менее покровительствовала буддизму. Она украсила святилища Лунмэня и отправила в Северо-Западную Индию миссию буддистского паломника Сун Юня, оставившего нам любопытный отчет о состоянии Центральной Азии в то время. Сун Юнь прошел через Шаньшань (Лобнор), Хотан, Памир и, как мы увидим дальше, посетил в Бадахшане правившего там хана гуннов-эфталитов. Далее он направился в Уддияну и Гандхару (древний Кабул), откуда привез своей государыне интересовавшие ее буддистские документы (518–521).

У совершенно китаизировавшихся тобу начались дворцовые перевороты, семейные распри и гражданские войны. В 534 г. они разделились на две ветви – Восточную Вэй (Тун Вэй), включившую Хэбэй, Шаньси, Шаньдун и Хунань с нынешним Чжан-тэ в качестве столицы (534–550) и Западную Вэй (Си Вэй), которая получила Шэньси и Ганьсу со столицей Чаньань (534–557). И та и другая будут свергнуты собственными министрами и, таким образом, в Чжан-тэ вместо Восточной Вэй будет основана династия Бэй Цзи (550–577), а в Чаньане вместо династии Западной Вэй – династия Бэй Чжоу (557–581). Но эти дома, ставшие китайскими, уже не имеют отношения к истории степи. Интересно, напротив, проследить за тем, как тюркская сила, такая мощная у первых табгачских царей, постепенно слабела, ассимилируясь, тонула в китайской массе. Вечная история, повторяющаяся, как мы увидим, на протяжении веков у киданей, чжурчженей, Чингизидов, маньчжуров. Отметим, что, как это случится в дальнейшем с Чингизидами, а в более близкое к нам время с халхами, в потере тоба мужественности большая роль принадлежит влиянию буддизма. Эти свирепые вояки, затронутые буддистской философией, становились столь чувствительными к гуманистической проповеди шраманов, что не только забывали свою прирожденную воинственность, но даже переставали заботиться о своей самообороне.

Последняя минусинская культура

Оставим судьбу этих полностью китаизировавшихся тюрок, чтобы вернуться к ордам, продолжавшим вести в центральноазиатских степях кочевую жизнь. Рассматривая тему о тобе, мы уже говорили об орде, очевидно, монгольского происхождения, о жуан-жуанях, доминировавших во Внешней Монголии весь V в. и первую половину VI в. Все, что нам известно об их политической истории, почерпнуто из китайских летописей династий Вэй и Суй. Чтобы вести более предметный разговор об их цивилизации, нужно подождать, пока в местах их первоначального расселения будут проведены методичные археологические раскопки. Ограничимся пока указанием на то, что позади и северо-западнее этих мест мы видим, как в одно время с ними на Енисее, в Сибири, в окрестностях Минусинска, расцветает новая культура. Эта культура, называемая культурой всадников-кочевников, оставила украшения, поясные пряжки, бронзовые серьги и накладки, конские удила, стремяна, ножи, кинжалы, сабли, копья, седла и др., в большом количестве представленные в Минусинском музее, а также в Хельсинки (коллекция Товостина). Эта культура предположительно является современницей жуан-жуаней и продолжалась еще долго после их исчезновения, поскольку в деревне Тютча относящиеся к ней предметы находят вместе с китайскими монетами начала династии Тан (VII в.), и, похоже, свое существование она прекратила только в конце IX в. Она представляет для нас здесь особый интерес, поскольку, как заметил Нандор Феттиш, она дает поразительные аналогии как

с аварской культурой VI–VIII вв. в Венгрии, так и с протоугорской, так называемой лебединской, культурой IX в. Если это не бесспорный довод рассматривать жуан-жуаней в качестве прямых предков европейских аваров, то по крайней мере доказательство того, что и те и другие сформировались вокруг одного культурного центра.

После жуан-жуаней мы поговорим об орде одного с ними происхождения – эфталитах, которая в то же самое время управляла Западным Туркестаном.

Гунны-эфталиты

Гунны-эфталиты были тюрко-монгольской ордой, вероятно более монгольской, чем тюркской, родом из, как говорит Сун Юнь, Цзинь-шаня, то есть с Алтая, переместившейся в степи современного Русского Туркестана. Византийские историки называли их эфталитами, персидский историк Мирхонд – гайателитами, а китайские историки – едаями. Предположительно они происходят от царского рода Эфта или Е-дай. Византийские историки знали их также под ложным названием белые гунны.

В начале V в. н. э. эфталиты были еще всего лишь второстепенной ордой, вассалами великой (и тоже монгольской) орды жуан-жуаней, которая, как мы уже знаем, доминировала в Монголии. Во второй четверти V в. те же самые эфталиты приобрели значительное влияние, распространив свою власть на запад. Их владения, начинаясь на востоке от Верхнего Юлдуса (северо-запад Карашар), охватывали бассейн Или до Балхаша, бассейн Иссык-Куля, Чуйскую и Таласскую степи и район Сырдарьи до Арала. По некоторым источникам известно, что одна из резиденций их хана находилась рядом с городом Талас, ныне Аулие-Ата. Около 440 г. они, кроме того, захватили Согдиану или Трансоксиану (Самарканд) и, предположительно, Балх, Бактрию или Тохаристан.

Многие ориенталисты, в частности Нёльдеке, полагают, что в Бактрии эфталиты обосновались со времен царствования персидского царя Бахрама Гура (420–438). Также они, вероятно, захватили сасанидскую провинцию Хорасан, откуда Бахрам Гур изгнал их, победив в битве в Кузмехане близ Мерва. Маркварт же, напротив, считает, что Бахрам Гур, а затем его преемник Йездегерд II (438–457) оборонялись не от захватчиков эфталитов, а хионитов, еще одного хуннского племени, кочевавшего к северу от Мерва. В любом случае именно эфталиты в царствование сасанидского царя Пероза (459–484) вторглись в Хорасан и в конце концов победили и убили этого монарха. Вождь эфталитов, одержавший эту победу, известен арабско-персидским историкам под именем Ахшунвар или Ахшун-ваз, вероятно искаженный согдийский титул «хшеван» – «царь».

После победы над царем Перозом гунны-эфталиты оккупировали не только пограничную область Талекан (Западный Талекан, между Балхом и Мервом) вплоть до пограничного города на северо-востоке Сасанидской империи, но также Мерв и Герат. Кроме того, мы видим, что они вмешивались в дворцовые интриги персидской династии Сасанидов, помогая то одному, то другому претенденту. Так, свергнутый с ктесифонского престола Сасанид Кавад укрылся у них, женился на племяннице их хана и получил от того войско, с помощью которого вернул себе корону (498 или 499). В это время эфталиты стали в Средней Азии грозной силой. В Лян-шу отмечен факт прибытия в 516 г. китайскому двору в Нанкине посольства, отправленного их царем «Е-дай-и-ли-то».

Несмотря на поражение царя Пероза, Персия была слишком хорошо защищена, чтобы эфталиты могли рассчитывать ее завоевать. Они повернули на юго-восток, в направлении Кабула. Похоже, первой реакцией на их приближение стала замена в середине V в. последних Кушанов другой династией, также происходящей из «юэчжи» или тухаров, пришедших из Бактрии. Иранские источники сообщают нам, что приблизительно в это время на юге Окса, между Балхом и Мервом воцарилась «кидаритская» династия, которая вела войну с Сасани-

дами. Согласно тем же источникам, Сасанид Пероз (459–484) – тот самый, что погибнет под ударами эфталитов, – будто бы воевал против кидаритских вождей, во-первых, против героя-эпонима Кидары и против Кунгаса, сына Кидары. Якобы после поражения, которое он потерпел от Пероза, Кунгас покинул Бактрию, сразу же захваченную эфталитами, а он перешел через Гиндукуш и эмигрировал в Кабул, где и сел на место последних Кушанов. Эти сведения подтверждаются китайцами, но они сдвигают их на несколько лет ранее, что меняет причину события. Согласно китайским данным, относящимся предположительно к 438–451 гг., некий «царь юэчжи» из «По-ло», то есть, очевидно, балхские тухары, теснимые эфталитами, покинули Бактрию и эмигрировали в Гандхуру, где обосновались в Пешаваре, подчинившись своим родичам – кабульским юэчжи, то есть последним Кушанам. Китайцы называют этого царя Кито-ло, что в точности соответствует нашему Кидаре. Следовательно, под давлением эфталитов, а не Сасанидов кидариты покинули Бактрию и, спасаясь, бежали в Кабул. Очень скоро туда пришли эфталиты, перешедшие Гиндукуш, следуя за ними по пятам. Так все давние владения юэчжи – Бактрия, Кабул и Кандагар – перешли в руки эфталитов. Более того: из долины Кабула эфталитские авангарды, как прежде кушаны, устремились на завоевание Индии.

Большая часть Индии – весь бассейн Ганга, Малва, Гуджерат и север Декана – составляла обширную империю под властью местной династии Гуптов, достигшей своего апогея в царствование Кумарагупты (ок. 414–455), которому наследовал его сын Кандагупта (ок. 455–470). Именно в последние годы царствования Кумарагупты или в начале царствования Скандагупты гунны-эфталиты – известные индийцам в санскритском написании Ноûпа (гуна) – завоевав Кабул, вторглись в Пенджаб и в районе Доаба или Малвы вышли на границу гуптской империи. В этот раз они были отбиты Скандагуптой, то ли вскоре его восшествия на престол, то ли незадолго до того, еще в бытность его наследным принцем.

Если верна последняя версия, то, возможно, что царствование Скандагупты началось со второго вторжения гуна, которое снова было отражено, после чего летописная запись за 460 г. говорит нам, что в стране наступило спокойствие.

А эфталиты тем временем прочно закрепились по обе стороны Гиндукуша, в Бактрии и Кабуле. В 530 г., во время паломничества Сун Юня, их хан пребывал к северу от Гиндукуша, кочуя, в зависимости от времени года, из Бактрианы, где проводил зиму, в Бадахшан, свою летнюю резиденцию. В Кабуле, в древних греко-буддистских провинциях Капиша и Гандхара, обосновался второстепенный эфталитский вождь, тегин, ставший родоначальником династии, второй представитель которой царствовал в 520 г. В Гандхаре, этом районе древней высокой культуры, где соединившиеся эллинизм и буддизм создали одновременно новую Элладу и новую Святую землю буддистов, эфталиты вели себя как варвары, массово истребляя население, особенно преследуя буддистские общины, разрушая монастыри и произведения искусства, разрушая прекрасную греко-буддистскую цивилизацию, просуществовавшую на тот момент пять веков. Персидские и китайские тексты совпадают в описаниях тирании и вандализма этой орды.

«Бэй-шэ» и рассказ Сун Юня – который, как мы уже знаем, в 520 г. посетил хана в его летней бадахшанской резиденции, а затем тегина в Гандхаре, – описывают этих гуннов как в чистом виде кочевников: «Они не живут в городах; их правители живут в передвижном лагере. Их жилища из войлока. Они перемещаются в поисках воды и пастбищ, отправляясь летом в прохладные края, а зимой в местности с умеренным климатом. Их царь приказывает поставить для него большую войлочную палатку, которая образует квадрат, каждая сторона которого равна 40 футам; все перегородки сделаны из ковров. Он носит одежды из расшитого шелка. Он сидит на золотой кровати, ножками которой служат четыре золотых сфинкса. Его старшая жена тоже носит расшитую шелковую одежду, которая волочится по земле на три фута. На голове она носит рог длиной в восемь футов, с украшениями из драгоценных камней пяти цветов». Сун Юнь также сообщает о существующей у эфталитов братской полиандрии. Нако-

нец, он отмечает их враждебность к буддизму: «Они нисколько не верят буддистскому закону и поклоняются великому множеству божеств. Они убивают живых существ и пожирают кровавое мясо». По свидетельству буддистского монаха Сюаньцзяня, перерезали в Гандхаре две трети жителей, остальных обратили в рабство и разрушили большинство буддистских монастырей и ступ.

Из Кабула эфталиты с вождением смотрели на богатства Индии. Отброшенные, как мы знаем, индийским императором Скандагуптой, они ждали благоприятного случая, который представился им, когда после смерти этого монарха (ок. 470) индийская империя пришла в упадок, возможно, в результате раздела страны между двумя ветвями династии Гуптов: одна царствовала в Малве – Буддагупта (ок. 476–494) и Бханугупта, другая в Бехаре и Бенгалии – Пурагупта и Нарасимхагупта. Ослабление гуптского могущества сразу вызвало новые гуннские вторжения в Индию. Гуннский вождь, возглавивший их, известен в индийской литературе под именем Торамана (ум. в 502 г.), не принадлежал, как говорят, к клану эфталитов (тот, как нам известно, жил к северу от Гиндукуша, в Бактрии и Бадахшане), а был второстепенным князем или тегинном, очевидно тегинном Кабула. Три посвященные ему надписи, обнаруженные в Куре, на Соляном хребте (Солт-Рейндж; северо-запад Пенджаба), в Гвалияре и Эране, сообщают, что он завоевал не только бассейн реки Инд, но и Малву. Его монеты являются подражанием монетам индийского императора Буддагупты (ок. 476–494), его современника.

Михиракула, сын и преемник Тараманы – он известен нам только под своим хвалебным индийским именем: «солнечный род» на классическом санскрите, – предположительно царствовавший над своей ордой между 502 и 530 гг., стал настоящим Аттилой Индии. Он устроил свою резиденцию в Сакале (Сиалкот) в Восточном Пенджабе. Очевидно, китайский паломник Сун Юнь встретил в 520 г. именно гандхарского тегина, который завоевал Кашмир, где устроил страшную резню. Буддистские писатели изображают его жестоким гонителем их религии. Сюаньцзянь рассказывает, что один лишь гуптский правитель Магадхи или Бехара Баладитья (возможно, тот же, что и упомянутый ранее Нарасимхагупта) осмелился оказать ему сопротивление. Михиракула, в поисках своего врага, вошел в область Инда. Баладитья, видимо, сначала отступил, потом внезапно атаковал, разгромил и даже взял в плен. Рассказ завершается поучительной сказкой. С другой стороны, надпись в Эране, в Малве, датированная 510 г. и рассказывающая о подвигах другого гуптского государя, Бханугупты, позволяет предположить, что и в этом случае говорится о победах над захватчиками-эфталитами. Наконец, в 533 г. третий индийский монарх, Ясодхарман, которого считают представителем династии мандасорских раджей в Малве, хвалится в сделанных им надписях, что разбил гуна и принудил Михаракулу принести ему вассальную присягу. После этих поражений Михаракула, видимо, вернулся в Кашмир, откуда, по неизвестной нам причине, выступил в поход против своих гандхарских подданных и, по свидетельствам китайских паломников, жестоко с ними расправился. Буддистские тексты приписывают ему ужасную смерть в качестве возмездия за его зверства.

Нам неизвестно, что стало после смерти Михиракулы с гуннскими кланами, обосновавшимися в Пенджабе. Они должны были по-прежнему доставлять беспокойство своим соседям, если не представлять для них угрозу, поскольку во второй половине VI в. магараджа Танесвара⁵³ Прабхакара (ум. 605) завоевал славу и приобрел могущество в результате победы над ними. В 605 г. его старший сын Раджьявардхана все еще воевал с ними, поскольку их преемник великий индийский император Харша Силадитья (606–647), в свою очередь, прославлен поэтами за свои победы над теми же самыми гуна. Однако со второй половины VII в. индийские гунны исчезают из истории. Их банды либо были в конце концов уничтожены, либо асси-

⁵³ К северо-западу от Дели. Царство Тханесвар или Танесар (на санскрите Стханвисвара), несомненно, обязано своим возвышением своему положению приграничной области, которую играла, прикрывая цивилизацию Ганга от вторжений гуннов.

милированы народами Пенджаба. Очевидно, некоторые их кланы были включены в индийскую аристократию, например в клан «раджпутов» из Гуджарата, имеющий, впрочем, одинаковое с ними происхождение.

Гунны в Европе: Аттила

Мы потеряли след западных хунну в 35 г. до н. э., когда претендент на титул шаньюя Чжэ-Чжэ, уведший за собой часть хуннских племен из Верхней Монголии в степи Северного Приаралья и Прибалхашья, был настигнут и убит посланной за ним китайской армией. Оставшиеся в живых из племен, приведенных им в этот район, остались в нем на несколько веков, но поскольку среди их соседей не было крупных цивилизованных народов, которые бы упоминали об образе их жизни и действиях, то мы ничего не знаем об их истории. Только в IV в. н. э. мы вновь слышим о них, когда при переходе в Европу они вступают в контакт с римским миром⁵⁴.

Как мы уже знаем, русская степь в Северном Причерноморье с III в. до н. э. была захвачена сарматами, вытеснившими скифов, которые, как и они, принадлежали к северной ветви иранской семьи. Основная часть сарматского народа кочевала между низовьями Волги и Днестра. Некоторые сарматские племена жили автономно, например аланы, кочевавшие в районе Терека до Кубани, или роксоланы, которые в 62 г. н. э. обосновались западнее низовий Дона, как языги, с 50 г. н. э. занимавшие долину между Тисой и Дунаем, между Дакией и римской провинцией Паннония, в сердце современной Венгрии. Даже после захвата Траяном Дакии (106 г.) сарматы были отделены от Римской империи бастарнами – восточногерманским племенем, которое после 200 г. до н. э. по северному склону Карпат спустилось по Днестру до его устья, что является первым известным германским *Drang nach Osten*⁵⁵. Около 200 г. н. э. с низовий Вислы начался новый поход германцев – готов, уроженцев Швеции, начавших оспаривать у сарматов владение южнорусскими равнинами. В 230 г. готы завершили эту миграцию и напали на римский город Ольвия на Черном море.

Южная Россия тогда оказалась поделенной по Днепру между готами к западу от этой реки и сарматскими народами (аланами и др.) к востоку от нее, в то время как Крым продолжал оставаться греко-римским царством, вассалом цезарей. Сами готы, как известно, разделились на остроготов (восточных), расселившихся от низовий Дона до низовий Днестра, и визиготов (западных). Гепиды, третье готское племя, заняли Дакию, оставленную императором Аврелианом в 270 г. К этому времени относятся готские некрополи в Чернякове, южнее Киева, и в Николаевке, возле Херсона в низовьях Днепра (III в.). У сарматов современные им курганы Кубани (Тифлисская, Воздвиженская, Армавир, Ярославская) с характерными для сарматского искусства украшенными бляхами и фибулами. На севере, в лесах Восточной и Центральной России, где в ту пору, очевидно, жили финно-угорские народы, сарматское влияние еще чувствуется в пьяноборской культуре около Казани (ок. 100–300 или 400) – локальной наследнице ананьинской культуры, тогда как дальше на запад Калужская группа представляет фибулы, выполненные в стиле, находящемся под германо-романским влиянием (III–IV вв.). Такова была ситуация в Южной России к моменту появления гуннов.

По какой же причине исторические гунны, потомки наших западных хунну, оставили свои степи в Северном Приаралье, чтобы уйти в Европу? Нам это неизвестно. Около 374 г. под

⁵⁴ Возможно, тюркология могла бы добавить нам некоторые свидетельства о древнем разделении азиатских и европейских гуннов. По мнению Н. Поппе, современные чуваша, живущие на Волге между Самарой и Казанью, могут быть потомками западных гуннов. В чувашском языке присутствуют такие особенности, которые сильно отличают его от языков соседних тюркоязычных народов. Отделение чувашского от других тюрских языков, по мнению Н. Поппа и Бартольда, произошло приблизительно в начале христианской эры.

⁵⁵ Натиск на восток (*нем.*) – обозначение германской экспансии с целью расширения жизненного пространства за счет соседних (в первую очередь славянских) народов. (*Примеч. пер.*)

предводительством вождя, которого Иордан называет Баламиром или Баламбером, переправившись через Нижнюю Волгу, они перешли через Дон, победили и покорили терских и кубанских аланов и дошли на западе до Днепра, напали на остроготов, чей старый король Эрманарих был ими побежден и в отчаянии покончил с собой. Витимир, преемник Эрманариха, в свою очередь был разгромлен и убит. Большинство остроготов покорились власти гуннов, тогда как визиготы, убегая от вражеского нашествия, переправились через Дунай и ступили на территорию Римской империи (376 г.). Что же касается кубанских и терских аланов, большая часть их была вынуждена временно покориться гуннам и осталась в своей стране, где мы увидим их в X в., когда они примут христианство византийского толка, а позже станут предками современных осетин. Другие аланы отправятся на Запад и вместе с западными германцами примут участие в Великом переселении: некоторые их племена осядут в Галлии, в нижнем течении Луары, другие уйдут в Испанию, смешаются в Галисии со свевами или сформируют вместе с визиготами смешанную этническую общность, которая, возможно, даст свое имя стране «гот-алании» или Каталонии (?).

Тот ужас, который вторжение гуннов произвело на римский и германский мир, очень хорошо передали Аммиан Марцелин и Иордан. «Гунны, – пишет Аммиан, – в жестокости и варварстве превосходят все, что можно вообразить. Они исцарапывают шрамами щеки своих детей, чтобы помешать расти бороде. Тела их коренастые, с огромными руками, и голова несоизмеренно велика, что придает им чудовищный вид. Впрочем, и живут они как звери. Они не жарят и не сдабривают приправами свою пищу, поедают корни и мясо, созревшее под седлом. Им неведомы плуги, постоянные жилища, дома или хижины. Вечные кочевники, они с детства приучаются переносить холод, голод и жажду. Их стада следуют за ними, волоча телеги, перевозящие их семьи. Там их жены ткут и прядут их одежду, рожают и воспитывают их детей до возраста созревания. Спросите этих людей, откуда они пришли, где родились, – они этого не знают. Их одежда состоит из льняной туники и накидки из сшитых вместе крысиных шкур. Туника темного цвета гниет на теле. Они меняют ее только тогда, когда старая разваливается. Шлем или колпак, откинутый назад, и козы шкуры, обмотанные вокруг их волосатых ног, дополняют это одеяние. Их обувь, пошитая без формы и мерки, не позволяет им ходить; поэтому они совершенно непригодны к бою в пешем строю, тогда как, вскочив в седло, они оказываются как будто приколочены к своим маленьким лошадкам, уродливым, но неутомимым и быстрым как молния. На лошади они проводят всю жизнь, то верхом, то сидя боком, на женский манер. На них они собираются на свои собрания, продают и покупают, пьют и едят, даже спят, склонившись на шею коня. В бою они бросаются на врага, издавая жуткие вопли. Если встречают сопротивление, то рассеиваются, чтобы потом снова налететь с той же быстротой, врезаясь в ряды противника и опрокидывая все, что встречается на их пути. Однако они не знают ни как взять крепость, ни как осадить укрепленный лагерь. Но никто не сравнится с ними в ловкости, с какой они пускают с поразительных расстояний свои стрелы, с наконечниками из заостренных костей, таких же твердых и убийственных, как железные»⁵⁶.

Сидоний Аполлинарий, который приписывает гуннский физический тип намеренному уродованию с детства, с неменьшим ужасом описывает эти плоские носы этих брахицефалов («бесформенный и плоский нарост»), выступающие скулы, глаза, глубоко посаженные в глазницы, словно в пещеры («и тем не менее они бросают пронзительные взгляды, которые охватывают в самую даль») – орлиный взгляд кочевника, привыкшего всматриваться в бескрайний простор степей, различать стада оленей или табуны диких лошадей вплоть до степного горизонта. И тому же автору принадлежит замечательный стих, великолепно описывающий вечного всадника-степняка: «Росту ниже среднего, когда гунн пеш, великан, когда он на коне!»

⁵⁶ Ammien Marcellin, XXXI, 2. «Вооруженный огромным луком и длинными стрелами, вторит ему Сидоний Аполлинарий, гунн никогда не промахнется при стрельбе; горе тому, в кого он прицелился, ибо его стрелы несут смерть!»

Интересно сравнить этот портрет с портретом хунну, оставленным нам китайскими летописцами: типаж и обычаи – все идентично, и аналогичный портрет монголов XIII в. оставят нам и Китай, и христианский мир. Гунн, тюрк или монгол – степняк, брахицефал с большой головой, мощным торсом и короткими ногами, кочевник, который всегда в седле, «конный лучник» Центральной Азии, бродящий у границ культурных областей, и этот типаж несколько не изменился за пятнадцать столетий грабежей оседлых цивилизаций.

Покорение аланов и остроготов, а также уход визиготов сделали гуннов владыками всей равнинной зоны от Урала до Карпат. Позднее, пройдя через карпатские ущелья или Валашскую долину, они заняли Венгерскую равнину, где гепиды стали их подданными, и дошли до правого берега Дуная (405, 406). Предположительно в этот момент они разделились на три орды под предводительством трех вождей, трех братьев, которых звали: Руас, Ругас или Ругила, Мундзук или Мундиук и Октар, которые около 425 г. царствовали одновременно. В 434 г. мы видим, что гуннами правят два сына Мундзука, Бледа и Аттилы, причем очень скоро первый будет убит вторым.

Тогда-то Аттила и начал свои завоевания. В 441 г. он объявил войну Восточной империи, переправился через Дунай, прошел вверх по Сербской Мораве, взял Наисс (Ниш), разграбил Филиппополь и опустошил Фракию до Аркадиополя (Люлебургас), который разорил. По мирному договору, заключенному в 448 г., империя вынуждена была ему уступить территорию от современного Белграда до нынешней Чистовы и полосу земли от Дуная до Ниша.

В январе – феврале 451 г. Аттила, сосредоточив свое войско на Венгерской равнине, выступил на Галлию, присоединяя по пути германские племена с правого берега Рейна. Перейдя через Рейн, он ударил по той части еще римской Галлии, которой управлял римский патриций Аэций. 7 апреля он сжег Мец, после чего отправился осаждать Орлеан. 14 июня город был спасен подошедшей римской армией под командованием Аэция и визиготским войском под командованием короля Теодориха. Аттила отступил к Труа. Западнее Труа он был остановлен римлянами и визиготами в битве на Каталаунских полях, которая, хотя в ней и не было явного победителя, спасла Запад (конец июня 451 г.).

После этой неудачи Аттила отступил к Дунаю, где перезимовал. Весной 452 г. он вторгся в Италию, но потерял слишком много времени на осаде Аквилеи, которую в конце концов все-таки взял и разрушил. Затем он взял Милан, Павию и объявил о своем намерении идти на Рим, откуда только что спешно бежал император Валентиниан II. Тем не менее, вместо того чтобы двинуться на столицу мира, он позволил уговорить себя римскому епископу, святому Льву Великому, явившемуся предложить ему выкуп и руку дочери цезарей Гонории (6 июля 452 г.).

Готский историк Иордан оставил нам яркий портрет Аттилы. Это типичный гунн. Небольшого роста, широкогрудый, с крупной головой, маленькими, глубоко посаженными глазками, плоским носом, смуглый, почти черный, с редкой бородой. Ужасный в гневе, пользующийся наводимым страхом, который он использовал как политическое оружие, однако мы находим в нем приблизительно то же сочетание расчета и хитрости, какое китайские историки показывают в хуннских завоевателях Китая периода Шести династий. Его речи, его рассчитанный пафос, его неясные угрозы были подготовительными стратегическими мероприятиями, так же как систематические разрушения городов (Аквилея, которую он сровнял с землей, так никогда и не оправилась от его прихода), так же как массовые истребления населения, главной целью которых было преподать урок противнику. Наряду с этим Иордан и Приск показывают его честным судьей для своих, щедрым со слугами, благожелательным к искренне покорившимся, ведущим простую жизнь среди варварской роскоши соплеменников, пользующимся только деревянной посудой среди золотых блюд своего окружения. Добавим еще несколько черт, сообщаемых теми же источниками: глубокую суеверность, доверчивость дикаря к его шаманам, любовь к спиртному, из-за которой его пиры заканчивались пьяными оргиями; и в то же время забота окружать себя министрами и писцами: греками, такими как Онегесий, рим-

лянами, как Орест, германцами, как Эдекон. Любопытная деталь: этот предводитель кочевых орд отдавал хитрости и дипломатии преимущество перед войной. А в своих войнах он проявлял себя не столько как полководец, сколько как правитель, руководитель. И всегда этот варвар отличался любовью к законности, к поискам дипломатических предложений, чтобы, по крайней мере внешне, представить дело так, что справедливость на его стороне. Читая все это, невольно вспоминаешь о великом основателе другой кочевой империи, другом сыне степи – о Чингисхане.

Как и в монгольской по происхождению империи Чингисхана, собравшей под свои знамена не только монголов, но также тюрок и тунгусов Центральной Азии, империя Атилы, имевшая гуннское, то есть, очевидно, тюркское, ядро, присоединяла и увлекала в свое движение всех варваров – сарматов, аланов, остроготов, гепидов и др., разбросанных между Уралом и Рейном. Именно это стало ее слабым местом. После преждевременной смерти Атилы в 453 г. эта разношерстная пестрая империя рассыпалась. Остроготы и гепиды немедленно взбунтовались и разгромили гуннов в грандиозной битве в Паннонии, в ходе которой был убит Эллак, старший сын завоевателя (454).

Тогда гунны, под предводительством одного из сыновей Атилы, по имени Денгизих или Дизигих, отступили в русскую степь. Другие сыновья Атилы потребовали себе владений у римлян, которые поселили их – одного (Эрнака) в Добрудже, а двух остальных, Эмнедзара и Узиндура, в Мёзии. Денгизих увлек гуннов в поход на Восточную империю в район Нижнего Дуная, но был побежден, убит, и его голова – голова сына Атилы – была выставлена в Константинополе посреди цирка (468).

Другие гуннские кланы уцелели в Северном Причерноморье, образовав две орды – гуннов-кутригуров, кочевавших к северо-западу от Азовского моря, и гуннов-утургуров или утригуров, которые выбрали для кочевий устье Дона. Две эти орды быстро стали врагами, впрочем, их конфликты тайно разжигались византийской дипломатией. Около 545 г. император Юстиниан натравил царя утургуров по имени Сандилх на соперничающую орду. Кутригуры были разгромлены Сандилхом и понесли огромные потери (548), но все-таки сумели подняться в правление своего царя Забергана или Замергана и попытались отомстить византийцам за ту поддержку, что те оказали их братьям-врагам при Юстиниане. Зимой 558/59 г. Заберган со своей ордой перешел по льду Дуная и внезапно появился перед стенами самого Константинополя. Но Велизарий спас столицу, и Заберган ушел назад в донские степи, где возобновил борьбу против Сандилха. Снова началась беспощадная братоубийственная война между двумя гуннскими ордами. Она все еще шла, когда третья орда, аваров, пришедшая из Азии, раздавила обоих претендентов и завладела империей русских степей.

Это новое вторжение стало следствием революционных перемен в Восточной Азии, вызванных появлением тукю или тюркютов.

Глава 2. Раннее Средневековье: тукю, уйгуры и кидани

Империя тукю

Около 540 г. степная империя оказалась поделенной между тремя влиятельными тюрко-монгольскими силами. Жуан-жуани, вероятно монгольского происхождения, доминировали в Монголии от маньчжурской границы до Турфана и, вероятно, до восточной точки Балхаша, от Орхона до Великой стены. Эфталиты, очевидно также монголы по происхождению, царствовали в современном Семиречье, Русском Туркестане, Согдиане, Восточном Иране и Кабуле, от верхнего Юлдуса (на севере Карашара) до Мерва, от Балхаша и Арала до самого сердца Афганистана и Пенджаба. Два правящих клана, жуан-жуаней и эфталитов, породнились. Около 520 г. хан эфталитов женился на тетках жуан-жуаньского кагана Анагуя. Похоже, впрочем, что жуан-жуани, владыки родной Монголии, сохраняли первенство над эфталитами, хозяевами юго-западных пограничных земель. И наконец, как мы только что убедились, европейские гунны, очевидно тюрки по происхождению, по-прежнему доминировали в русской степи, рядом с Азовским морем и в устье Дона, хотя вражда двух их орд, кутригуров на западе и утургуров на востоке, ослабляла их мощь.

В числе жуан-жуаньских вассалов был, как сообщают нам китайцы, тукю, народ тюркского происхождения, давший название всей семье наций одной с ним языковой принадлежности. «Китайское название тукю, – утверждает Пеллио, – должно быть множественным числом от монгольского (языка жуан-жуаней) *Türküt* от *türk*, буквально: сильный». Согласно китайским летописям, тотемным животным тукю был волк⁵⁷. Они являлись потомками древних хунну, что подтверждает прототюркское происхождение, признаваемое Пеллио за гуннами. В начале VI в. местом жительства тукю был, вероятно, район Алтая, где они занимались металлургией, «кузнечным ремеслом». Что же касается жуан-жуаней, их силы были подорваны гражданской войной, в которой около 520 г. их каган Анагуй воевал против своего дяди Поломэня; первый правил над восточными ордами, второй над западными.

После того как Анагуй в конце концов остался единственным повелителем ханства (522–552), ему пришлось воевать против непокорных вассальных тюркских племен. Одно из них, гао-цзюй, которое отождествляют с толосами или толашами, вероятно, предками уйгуров, кочевавшее, предположительно, на юге Алтая, возле Урунгу, где-то в 508 г. нанесло поражение жуан-жуаням, но потом, в 516 г., их царь был убит, и им снова пришлось покориться; в 521 г. гао-цзюй снова попытались освободиться из-под власти жуан-жуаней, воспользовавшись междоусобицами среди них, но снова безуспешно. Незадолго до 546 г. они планировали новый мятеж, но им в этом помешали тукю, которые хотя и были одного с ними происхождения, проявили преданность их общему сюзерену, жуан-жуаньскому кагану Анагую, и предупредили его. За эту услугу вождь тукю – нам известны его тюркское имя Бумын и его китайская транскрипция Ту-мен – попросил руку одной из жуан-жуаньских принцесс. Анагуй ему в этом отказал. Тогда Бумын вступил в союз с династией Си Вэй – тобайского, то есть, очевидно, тюркского, происхождения, царствовавшей, как мы знаем, на северо-востоке Китая, в Чаньане. Хотя и полностью китаизировавшиеся, тоба, вероятно, не забыли о кровном тюркском родстве. Во всяком случае, они должны были быть счастливы этим союзом, который угрожал с тыла их давним врагам монголам жуан-жуаням, и потому отдали Бумыну в жены принцессу их

⁵⁷ Предок тукю был вскормлен волчицей. Став взрослым, он совокупился с ней, и за десять лет у них появились десять сыновей, родившихся в материнском логове (Stanislas Julien, Documents sur les Tou-kiue, 321). На конце древков своих знамен тукю помещают золотую голову волчицы. Приближенные их царей называют себя волками. Поскольку все они рождены одной волчицей, то не хотят забывать древнего происхождения (Ibid., 331).

дома (551). Окружив таким образом жуан-жуаней, Бумын их полностью разгромил и принудил их кагана Анагуя покончить с собой (551). Остатки жуан-жуаней, оставив Монголию тукю, бежали к китайской границе, где двор Бэй Цзи, преемников Тун-Вэев, поселил их в качестве пограничной стражи.

Итак, древняя имперская земля Монголии перешла от жуан-жуаней к тукю, от монголов к тюркам. Императорский титул кагана присвоил себе Бумын. Ставка правителя новой империи осталась в верховьях Орхона, в горном районе, где, от древних хунну до Чингизидов, так часто обосновывался командный пост над ордами.

Бумын-каган, тюркский герой, умер буквально на следующий день после своего триумфа (552), и его владения были разделены. Его сын Мукан вместе с императорским титулом получил Монголию (553–572). Это было началом ханства восточных тукю. Младший брат Бумына Истами (по-тюркски) или Шэдеми (в китайской транскрипции) получил с княжеским титулом ябгу Джунгарию, область Черного Иртыша и Эмеля, бассейны Юлдуса, Или, Чу и Таласа (552–575). Это было началом ханства западных тукю⁵⁸.

В районе Таласа вождь западных тукю Истами сталкивался с эфталитами. Намереваясь ударить им в тыл, он сговорился с их наследственными врагами персами, которыми в то время правил Хосров Ануширван, величайший государь из сасанидской династии. Он скрепил договор, отдав одну из своих дочерей в жены Хосрову. Эфталиты, атакованные с севера тукю, а с юго-запада Сасанидами, были раздавлены и исчезли из истории (ок. 565). Северо-западная их часть, кочевавшая рядом с Аралом, вынуждена была бежать на запад, и, возможно, именно они (а не остатки жуан-жуаней) под именем уархонитов или аваров создадут впоследствии новое монгольское ханство в Венгрии; мы увидим, как в следующую эпоху изгнанная из Азии орда, известная греческим и латинским писателям под именем аваров, будет наводить ужас на Византийскую империю и германский Запад вплоть до того дня, пока не будет уничтожена Карлом Великим.

Владения эфталитов были поделены между западными тукю и Сасанидами. Вождь тукю Истами взял себе Согдиану, а Хосров Ануширван – Бактрию, утраченную иранскую территорию, которая между 656 и 568 гг. вернулась в состав Сасанидской империи. Это воссоединение, очевидно, продолжалось недолго, поскольку западные тукю в скором времени отобрали у своих вчерашних союзников Сасанидов Балх и Кундуз, то есть ту же самую Бактрию.

Так окончательно сформировались два тюркских царства раннего Средневековья: ханство восточных тукю, образованное каганом Муканом в Монголии, с центром близ будущего Каракорума на Верхнем Орхоне, и ханство западных тукю на Или и в Западном Туркестане, с летней резиденцией в верховьях Юлдуса, к северу от Карашара и Кучи, и с зимней на берегах Иссык-Куля или в долине Таласа. Граница между двумя ханствами, в той степени, в какой вообще можно говорить о границах между главным образом кочевыми империями, проходила по Большому Алтаю и горам к востоку от Хами.

В своей зоне восточные тукю начиная с царствования кагана Мукана (553–572) не имели противников. Кидани, монгольская орда, предположительно занимавшая с середины V в. западный берег Ляохэ, поблизости от современного Дзехола, около 560 г. были разбиты Муканом. В Северном Китае царь Чанъаня из династии Бэй Чжоу униженно просил руки дочери Мукана, который к тому времени явно превратился в арбитра в отношениях между двумя царствами – наследниками империи тоба.

Ябгу, или хан, западных тукю Истами, который, как мы знаем, царствовал с 552 по 575 г., известен Табари под именем Синджибу, а византийскому историку Менандру под именем Сильджибуль (вероятно, смешение имени с тем же титулом ябгу). Союза с ним добивались

⁵⁸ Титул ябгу или ябху, вероятно, перешел к тюркоязычным народам от древних кушанцев или индо-скифов. С ним фигурирует на своих монетах кушанский правитель Кадфис I.

византийцы. Действительно, теперь, когда тую превратились на Оксе в непосредственных соседей сасанидской Персии, византийцы были заинтересованы в союзе с ними против нее. Со своей стороны, Истами, который производит впечатление человека очень умного, мечтал воспользоваться своим положением на перекрестке азиатских торговых путей, чтобы получить свободу торговли шелком через Персию, от китайской границы до византийской. С этой целью некий согдиец по имени Маниах (согдийцы в ту пору имели в Центральной Азии репутацию лучших караванщиков) отправился от его имени к Хосрову Ануширвану, но его предложения были отвергнуты, Персия намеревалась сохранить за собой монополию на продажу шелка Византийской империи. Тогда Истами решил напрямую договориться с Византией против Персии. В 567 г. он послал в Константинополь того же Маниаха через Нижнюю Волгу и Кавказ. Царствовавшего в то время императора Тиберия II, видимо, очень заинтересовало предложение тюркского посла, потому что в обратном пути он приказал сопровождать его византийскому послу Земарху (568). Земарх был принят Истами в его летней резиденции, севернее Актагских, то есть Тянь-Шаньских, гор, в долине по верхнему течению Юлдуса, на северо-западе Карашара. Между тюркским ябгу и полномочным представителем византийского императора был заключен прочный союз против общего врага: сасанидской Персии. Приехавший тем временем сасанидский посол, встретивший Истами возле Таласа, был грубо выпровожен обратно, и тюркский царь объявил Персии войну. В 572 г. византийцы, в свою очередь, начали войну против Персии, которая продлилась двадцать лет (572–591). В это время между западными тую и византийцами поддерживались тесные связи. Пока Земарх возвращался назад через Нижнюю Волгу, Кавказ и Лазику, Истами отправил второго посла, Ананкаста. Со своей стороны византийцы отправляли к нему одного за другим: Евтихия, Валентина, Эродиана и Павла Киликийского.

Надо отметить, что эти различные посольства позволили византийцам приобрести достаточно точные данные о нравах и верованиях тую. «Турки, – говорит нам Феофилакт Симокатта, – очень необычно почитают огонь». Действительно, нам известно, что влияние иранского маздеизма ощущалось у них вплоть до принятия культа бога Ормузда или Хормузда. «Также они поклоняются воздуху и воде», и действительно мы будем наблюдать почитание текущей воды, доведенное у потомков Чингисхана до запрета на мультисуманские ритуальные омовения и на стирку одежды иначе, как в при соблюдении особых условий. «Но они поклоняются и называют Богом только единого творца неба и земли, приносят ему в жертву лошадей, быков и баранов», и это общий для древних тюрко-монгольских народов культ Тенгри, обожествленного неба. Наконец, то, что рассказывает нам Феофилакт об «их жрецах, умеющих предсказывать будущее», относится к тюрко-монгольским шаманам, сохранявшим большое влияние даже во времена Чингисхана.

В 576 г. византийский император Тиберий II снова послал Валентина с посольством к западным тую. Но когда тот добрался до царской резиденции в верховьях Юлдуса, оказалось, что Истами недавно умер. Его сын и преемник Тарду (575–603), или, как его называют китайские историки, Да-тоу, выразил сильное недовольство, поскольку константинопольский двор заключил договор с аварами, то есть с остатками жуан-жуаней или, более вероятно, эфталитов, бежавших в Южную Россию. Поэтому Тарду принял Валентина очень нелюбезно. Более того: чтобы наказать Византию за то, что он считал нарушением союзнических обязательств, он отправил отряд туюйской конницы под командованием некоего Бохана в рейд на византийские владения в Крыму. Бохан с помощью последнего вождя гуннов-утургуров по имени Анагай осадил византийский город Боспор, или Пантикапей, возле Керчи (576). В 581 г. мы видим тех же тую под стенами Херсонеса, и так будет продолжаться до 590 г., когда они окончательно покинут эту страну.

Размолвка между западными тую и византийцами не помешала первым продолжать войну с Персией. В 588–589 гг. они вторглись в Бактрию или Тохаристан и дошли до Герата.

Хотя, как утверждает персидская традиция, персидский герой Бахрам Чубин их отбросил, они наверняка воспользовались гражданской войной, которая затем вспыхнула между Бахрамом и Хосровом II Парвизом (590). Проиграв, Бахрам бежал к ним. Видимо, именно в это время они закончили завоевание Тохаристана к северу от Гиндукуша. Во всяком случае, нам известно, что в 597–598 гг. эта область с Балхом и Кундузом, ее столицами, уже не принадлежала Персии, а находилась в зависимости от западных тукю⁵⁹. Во время паломнического путешествия Сюаньцзана в 630 г. Тохаристан будет являться уделом пребывавшего в Кундузе тюркского тегина, или принца, сына хана западных тукю.

В то время как на Дальнем Востоке китайская национальная династия Суй восстанавливала единство Китая после трех веков раздробленности (589), Центральная Азия оказалась разделенной между двумя огромными тюркскими империями: восточных тукю, простиравшейся от маньчжурской границы до Великой стены и оазиса Хами, и империей западных тукю, раскинувшейся от Хами до Арала и до Персии, граница с которой проходила южнее Окса, между этой рекой и рекой Мерв, включая в тюркские владения весь Тохаристан к северу от Гиндукуша.

Надпись в честь Кюль-тегина в Кошо-Цайдаме, сделанная век спустя, в эпических выражениях воспекает тюркскую мощь, достигшую тогда апогея: «Когда были созданы синее небо наверху и черная земля внизу, между ними были созданы сыны человеческие. Над всеми сынами человеческими возвышались мои предки Бумын-каган и Истами-каган. Став владыками, они управляли и устраивали империю и создавали установления для тюркского народа. Во всех четырех частях света у них было много врагов, но своими походами они покорили и усмирили многие народы во всех четырех частях света. Они заставили их склонить голову и преклонить колено. Они довели нас на востоке до леса Кадирхан (Хинганские горы), а сзади (на западе) до Железных ворот (Трансоксианы). И между двумя этими крайними точками синие тюрки были полными господами. Это были мудрые каганы, это были доблестные каганы, и все их военачальники были мудрыми и доблестными, и вся знать, и весь народ были справедливыми».

Нормы морали, на которые ссылается эта знаменитая страница истории, заимствованы из древних космогонических концепций, служивших основой тюрко-монгольского шаманизма. Концепции очень простые. Мир состоит из нескольких уровней, поставленных один на другой. Семнадцать верхних составляют небо, царство Света, семь или девять нижних – подземный мир, царство Тьмы; между ними поверхность земли, где живут люди. Небо и земля подчиняются живущему на самом верхнем уровне неба высшему существу, которое называют Божественное Небо, или Тенгри. На небе также живут праведные души, а подземный мир – ад для грешников. Тюркская мифология включала еще много божеств, в том числе богиню Умай⁶⁰, покровительствовавшую детям, и бесчисленных духов, обитавших на земле и в воде (йер-суб, на современном турецком яр-су), в первую очередь тех, кто населял горы и источники, святые места (идук), развитие культа которых мы увидим во времена и в законодательстве Чингизидов.

Что же касается описания внешности тукю, нам его также предоставили китайские историки. Один автор в 581 г. описывает их так: «Они носят длинные распущенные волосы и живут в войлочных палатках. Они передвигаются с одного места на другое, в зависимости от того, где находят воду и пастбища. Главные их занятия – скотоводство и охота. Они мало уважают стариков⁶¹, но выражают большое уважение мужчинам в расцвете лет. Они не знают ни обря-

⁵⁹ Армянский историк Себеос пишет, что в 597–598 гг. персы под предводительством полководца Смбада Багратуни совершили поход вглубь страны турок до Балха.

⁶⁰ И очевидно, богиню земли, персонифицированную в богине горы Отукан, вероятно идентичной Атуган или Итуган, богине земли у монголов XIII в.

⁶¹ Пример Тониукука показывает, что это обвинение китайцев часто было необоснованным (см. ниже).

дов, ни правосудия и в этом походят на древних хунну. Высшие титулы у них е-бу (ябгу), шэ (шад), те-цинъ (текин или тегин), су-ли-пат и до-дун-пат (тудун) и другие, младшие. Эти высшие чиновники образуют 29 разных рангов. Все эти должности наследственные. Из оружия они имеют лук, стрелы, свистящие стрелы, панцирь, копье, саблю и меч. Их пояса имеют вдавленные и выпуклые украшения. На верхушке древка своих знамен они устанавливают золотую голову волчицы. Приближенные короля называются фу-ли, что означает волк (бюри, *büri*). Когда умирает мужчина, его родные убивают каждый по барану или по лошади и выкладывают их перед палаткой, как будто принося ему жертву. Они семь раз объезжают вокруг палатки верхом на коне, издавая зловещие крики, и, как только останавливаются перед входом, режут себе лица кинжалами, чтобы было видно, что вместе со слезами струится кровь... В день похорон члены семьи и родственники приносят жертву, скачут на лошадях и режут себе лица, как в первый день, когда человек умер. После похорон возле могилы укладывают камни, количество которых равно количеству людей, которых покойный убил за свою жизнь. После смерти отца, старшего брата или дяди сын, младший брат и племянники женятся на их вдовах и сестрах. В палатке хана вход открывается на восток, из уважения к той стороне неба, где восходит солнце. Они почитают демонов и духов и верят колдунам (шаманам). Они считают почетным погибнуть в бою и стыдным умереть от болезни».

Раскол империй тукю

Двойная империя тукю недолго удержалась на вершине могущества. Наследниками великих каганов, воспетых кошо-цайдамской надписью, стали заурядные люди. «Их младшие братья и сыновья тех стали каганами, — сообщает тот же текст, — но младшие братья были созданы не так, как их старшие братья, сыновья были не такими, как отцы. На трон восходили каганы без мудрости и смелости, что привело к распаду тюркской империи».

В действительности могущество тукю разрушило соперничество между двумя ханствами: восточным на Орхоне и западным на Иссык-Куле и в Таласе. Тюркские империи-близнецы, господствовавшие над половиной Азии, от Маньчжурии до Хорасана, были бы непобедимыми, если бы смогли сохранить свой союз на принципах 552 г., по которым вождь восточных тукю сохранял верховенство и императорский титул, тогда как вождь западных тукю довольствовался титулом ябгу. Но каган восточной половины Тобо (573–581), брат и наследник Мукана, был последним из своей линии династии, кто смог добиться от западных тукю признания своего первенствующего положения⁶². Между 582 и 584 гг. ябгу западных, Тарду, который, как следует из рассказа Валентина, был человеком очень вспыльчивым, порвал с новым властителем восточных и сам присвоил себе титул кагана. Китай, где активная династия Суй возобновила в Центральной Азии великую политику династии Хань, поддержал этот мятеж, разрывавший силы тюрков надвое. И действительно, с этого времени восточные и западные тукю никогда уже не объединялись, напротив, большую часть времени враждовали между собой.

Итак, в то время, когда Китай восстанавливал единство, тюрки свое разрушали. Эта перемена способствовала торжеству за их счет китайской империи династий Суй и Тан (VII–IX вв.).

Не только западные тукю взбунтовались против притязаний на превосходство своих восточных родичей, те начали делиться и между собой. Власть их нового кагана Шаболо⁶³ (581–587) в самой Монголии оспаривали его кузены Янь-ло и Да-ло-бянь. В это же время с запада на него напал новый «каган» западных тукю Тарду, а с востока кидани из Ляоси. Это вызвало беспокойство у китайских политиков: такая коалиция, если б она полностью разгро-

⁶² Отметим, что между 575 и 585 гг. Тобо-хан приютил гандхарского беглеца Джанагупту, изгнанного из Китая, который обратил его в буддизм.

⁶³ Китаизированная форма тюркского имени Ышбара?

мила монгольских тюрок, грозила чрезмерно усилить Тарду. Значит, следовало действовать так, чтобы он не мог восстановить в своих интересах тюркское единство. Китайский император Ян Цзянь, основатель династии Суй, внезапно сменил союзников и оказал восточному кагану Шаболо помощь против Тарду (585). В целом восточные тукю, полностью занятые внутренними распрями, больше не были опасны. Брат и преемник Шаполо, каган Мухо, очевидно, убил претендента на престол Талобяня (587), но вскоре после этого умер, а против следующего кагана Дуланя (587–600) выступил новый претендент – Тули, поддержанным китайцами. Правда, Дулань сумел изгнать этого соперника (599), но император Ян Цзянь тут же предоставил убежище Тули и его сторонникам, которых расселил в качестве федератов на Ордосе. Восточные тукю окончательно разделились.

После смерти Дуланя каган западных тукю Тарду вновь попытался воспользоваться потерянностью восточных, чтобы подчинить их и воцариться в Монголии, и в Туркестане, воссоздать тюркское единство⁶⁴. С целью предотвратить китайское вмешательство он применил акцию устрашения. В 601 г. он подошел с войском к императорской столице Чанъяню; в 602 г. напал на китайского протеже Тули на его ордосских стойбищах. Но китайские политики действовали тайно. В 603 г. одно из главных западных тюркских племен, толос или толаш, предки уйгуров, кочевавшее предположительно в районе Табарагата, Урунгу и Джунгарии, подняло мятеж против Тарду, чья власть в его же собственном государстве так пошатнулась, что ему пришлось бежать на Кукунор, где его следы и затерялись (603). И тотчас его царство, могущественное ханство западных тукю, заставлявшее трепетать Персию и Византию и всего несколькими годами раньше угрожавшее китайской столице, распалось. Внук Тарду, Шэгуй, унаследовал лишь самую западную часть его владений с Ташкентом, тогда как его соперник Чуло завладел Или. Впрочем, Чуло намеревался продолжить дело Тарду, но китайская дипломатия сумела его вовремя остановить: императорский комиссар Бэй Цю тайно поддержал его соперника Шэ-Гуя. Проиграв, Чуло поступил на службу китайскому двору (611). Со своей стороны Шэгуй, обязанный победой политике Китая, насколько известно, никогда ничего против него не предпринимал. Тем временем у восточных тукю власть в конце концов досталась китайскому протеже кагану Тули (ум. 609), а потом его сыну Ши-би (609–619). И в Монголии, и в Западном Туркестане Китай династии Суй, без большой войны, одними ловкими интригами разделил тюркскую силу, устранил непокорных ханов и привел к власти таких, которые были согласны признать над собой его сюзеренитет.

Так же обстояли дела в Кукуноре. Там сяньбийская, то есть монгольская, орда тогонцев, соседство с которой вот уже три века беспокоила китайские пограничные посты в Ганьсу, была в 608 г. раздавлена китайскими войсками и вынуждена бежать на Тибет. В том же 608 г. Китай вновь оккупировал оазис Хами. В 609 г. царь Турфана Цю-бай-я признал себя вассалом императора Ян-ди.

Все это здание рухнуло, когда неудачные походы императора Ян-ди в Корею (612–614) разрушили престиж династии Суй. Каган восточных тукю Ши-би взбунтовался и едва не захватил самого Ян-ди в крепости Яньмэнь на северо-западе Шаньси (615). Разразившиеся в Китае гражданские войны, в которых погибла династия Суй (618), окончательно вернули тукю смелость. Когда новая китайская династия Тан, истребив конкурентов, наконец взошла на трон, дело династии Суй было полностью уничтожено, и надо было начинать все сначала. Степные орды доходили до сердца Шэньси. В 624 г. новый каган восточных тукю Сяле (620–630), воспользовавшись хаосом, вызванным гражданской войной, во главе своих конников пришел к императорской столице Чань-янью.

⁶⁴ Примерно в это время Тарду отправил в Константинополь, к императору Маврикию посольство с письмом, в котором открыто титуловался верховным каганом, «великим вождем семи племен и господином семи климатов».

К счастью, у династии Тан был замечательный полководец, наследник престола принц Ли Шиминь, который, несмотря на молодость, был подлинным творцом восхождения своего дома на трон. Ли Шиминь отважно выступил навстречу варварам, дошел до Бин-чжоу на Цзин-хэ и своей твердостью сумел нагнать на них страху. Вожди орды посовещались, потом, не приняв боя, бежали. Через несколько часов на район обрушился проливной дождь. Ли Шиминь тут же собрал своих офицеров. «Товарищи, – такие слова приписывает ему Тан Шу⁶⁵, – вся степь стала морем. Опускается ночь, которая будет одной из самых темных. Самое время выступать. Туюк страшны, когда могут стрелять из луков. Пойдем на них с саблями и пиками в руках и ударим на них прежде, чем они сумеют изготавиться к обороне!» Так он и поступил. Тюркский лагерь был атакован на рассвете, и китайская конница саблями прорубила себе путь до шатра кагана Сяле. Тот запросил мирных переговоров и ушел в Монголию (624). После такой блестящей победы Ли Шиминь, которому тогда было двадцать семь лет, вззошел на трон Китая и с того момента известен истории под тронным именем Тай-цзун (626).

Разгром императором Тай-цзуном ханства восточных туюк

Император Тай-цзун (627–649) является подлинным творцом китайского величия в Восточной Азии. Он разрушил ханство восточных туюк, способствовал расколу ханства туюк западных, завоевание которого уже после его смерти завершит его сын, и установил протекторат над таримскими индоевропейскими царствами.

В тот самый год, когда Тай-цзун вззошел на престол, каган восточных туюк Сяле вновь предпринял новый поход к стенам Чань-яня. 23 сентября 626 г. его стотысячное войско появилось перед мостом Бэньцзяо у северных ворот города. Сяле нагло потребовал дань, угрожая в противном случае предать столицу огню и мечу. Тай-цзун, у которого, кажется, было недостаточно войск, компенсировал их нехватку отвагой. Он вывел всех, кого нашел, из ворот и выстроил перед ними, а сам с горсткой кавалеристов прошел вдоль берега реки Вэй, перед вражеским войском. Впечатленный его мужеством, вождь туюк слез с коня и поприветствовал его. В это время китайская армия разворачивалась в боевой порядок в долине у него за спиной, «сверкая на солнце своими доспехами и знаменами». Тай-цзун верхом на коне подъехал к тюркскому лагерю на расстояние, с которого был бы слышен его голос, подозвал кагана и его военачальников и стал упрекать за нарушение перемирия. Убежденный им Сяле на следующий день заключил мирный договор после традиционного принесения в жертву белого коня.

С целью ослабления силы Сяле Тай-цзун поддержал мятеж против него двух непокорных тюркских племен: толосов или талашей и сир-тардушей, из которые первые (будущие уйгуры) жили в Тарбагатае, а вторые возле Кобдо (627–628). В это же время Тай-цзун поддержал в самой Монголии нового претендента на трон, Тули, поднявшего мятеж против Сяле (628). Окружив Сяле враждебным кольцом, великий император в 630 г. двинул против него китайскую армию под командованием Ли Цзина и Ли Шэ-си, которая настигла его во Внутренней Монголии, на севере Шаньси, внезапно атаковала его лагерь и рассеяла его орды. Сам Сяле был взят в плен. На пятьдесят лет (630–682) ханство восточных туюк оказалось в подчинении у Китая. «Сыны благородных тюрков, – гласит знаменитая тюркская надпись в Кошо-Цайдаме, – стали рабами китайского народа, их чистые дочери стали рабынями. Благородные тюрки отказались от своих тюркских титулов и, приняв китайские, подчинились китайскому кагану и целых пятьдесят лет отдавали ему свой труд и свою силу. Для него они ходили в походы встречать восходящему солнцу и на запад до Железных ворот. Китайскому кагану отдали они свою империю и свои установления».

⁶⁵ Книга Тан («Старая история Тан», «Цзю Тан шу») – официальная историческая хроника династии Тан. (Примеч. пер.)

С такими помощниками Тай-цзун после разгрома монгольских тюрок в течение следующих двадцати лет подчинил туркестанских тюрок и индоевропейские оазисы в Гоби. В его царствование на удивление Азии возвысился неожиданный Китай, эпический Китай. Он заставил варваров тоже дрожать от страха, не вступая с ними в переговоры и покупая за золото их отступление. В течение трех веков китайский народ, который столько страдал от набегов тюрко-монголов, ассимилировал победоносные орды. Он подпитался и укрепился их кровью и теперь обратил против степняков полученную от них силу, добавив к ней огромное превосходство, даваемое тысячелетней цивилизацией.

Распад ханства западных тукю

Преобразовав территории Ордоса и Внутренней Монголии в укрепленные пограничные области (630), Тай-цзун занялся западными тукю. Те, как мы знаем, объединились под властью хана Шэгуя. Добившись покорности алтайских сир-тардушей, Шэгуй, проводивший лето возле Текеса и в верховьях Юлдуса, царствовал между 611 и 618 гг. от Алтая до Каспия и Гиндукуша. Его брат и преемник Тун Шихэ, то есть Тун ябгу (между 618 и 630), еще более увеличил свое могущество. Победитель толашей на северо-востоке, на юго-западе он укрепил свою власть над Тохаристаном или Бактрией и протекторат над частью Тарима.

В тот момент, когда китайский паломник Сюаньцзан в начале 630 г. увидел его близ Токмака, Тун Шихэ находился на вершине могущества. В зависимости от времени года он кочевал между долинами в верховьях Юлдуса, где, как и его предшественник, проводил лето, и берегами Иссык-Куля, «горячего озера», у которого он зимовал. Также он с удовольствием разбивал свои стоянки дальше к западу, у «тысячи родников», возле Таласа, нынешнего Аулие-ата. Царь Турфана был его вассалом, а его родной сын Тарду-шад – царем Тохаристана с резиденцией в Кундузе. «Он, – говорит «Книга Тан», – имел власть над всеми странами Запада. Никогда еще западные варвары не были столь сильны». Император Тай-цзун, который в то время как раз готовился сокрушить восточных тукю, полагал, «что следует соединиться с теми, кто далеко, против тех, кто близко», и поэтому относился к Тун Шихэ как к союзнику.

Описание последнего, оставленное Сюаньцзаном, напоминает Аттилу или Чингисхана. «Лошади этих варваров были крайне многочисленны. Хан носил зеленый атласный плащ и оставлял непокрытыми волосы; только на лбу у него была шелковая лента длиной десять футов, многократно обернутая вокруг головы, а концы ее ниспадали сзади. Он был окружен приблизительно двумя сотнями военачальников, одетых в парчовые плащи, а волосы у них были заплетены в косы. Остальное войско составляли всадники на верблюдах и лошадях, одетые в меха или тонкие шерстяные ткани и вооруженные длинными копьями, флагами и прямыми луками. Их было такое великое множество, что глаз не мог охватить всех их до конца».

Тун Шихэ оказал китайскому паломнику самый любезный прием. Действительно, он проявлял благожелательность к буддизму. В течение нескольких лет в гостях у него жил индийский миссионер по имени Прабхакарамитра, поставивший себе целью обратить народ тукю в свою веру, после чего отправиться (626) проповедовать в Китай. Точно такой же прием он оказал в своей резиденции Токмак и Сюаньцзану, оставившему нам красочный рассказ об этом приеме: «Хан жил в большом шатре, сплошь украшенном золотыми цветами, блеск которых слепил глаза. Его приближенные выложили вперед свои длинные косы и сидели двумя рядами; на всех были блестящие одеяния из мягкого шелка. Позади них стояла ханская стража. Хотя это был всего лишь правитель варваров, сидевший в войлочной палатке, невозможно было, глядя на него, не испытывать чувства уважения». Читая эти строки, любопытно вспомнить практически те же чувства, испытываемые западными путешественниками перед ханами Чингизидами. И еще одна сцена, которую мы также найдем у Рубрука в описании быта монголов XIII в., – это описание пьянок, устраивавшихся при приемах иностранных посольств. За время

пребывания Сюаньцзаня Тун Шихэ принял посланцев Китая и царя Турфана. «Он пригласил этих посланцев сесть и угостил их вином под звуки музыки. Хан пил вместе с ними. Тогда мы увидели, что пирующие, все больше и больше оживлявшиеся, поднимались, принимали предложение выпить, чокались своими чашками, наполняли их снова и поочередно осушали. Тем временем гремела музыка восточных и западных варваров. Хотя это были полуварварские мелодии, они пленяли слух и веселили сердце. В скором времени после того принесли новые блюда; это были четверти вареных туш баранов и телят, которые в большом количестве выложили перед пирующими».

Через несколько месяцев после приезда Сюаньцзаня эта могущественная империя западных тукю рухнула. И в том же 630 г. одно из западных племен, карлуки, кочевавшие предположительно между восточной оконечностью Балхаша и районом Чугучака в Тарбагатае, взбунтовалось против Тун Шихэ и убило его. Западнотукюйское царство раскололось на две части, чьи названия известны нам только в китайской транскрипции: племена нушиби на западе и юго-западе от Иссык-Куля, племена дулу на северо-востоке от этого озера. Нушиби и дулу истощили друг друга в войнах, подробности которых остаются неизвестными. Один хан дулу, по имени тоже Дулу (638–651), в какой-то момент объединил обе группы, после чего осмелился напасть на китайские военные поселения в районе Хами, но китайский полководец Го Сяо-кэ разгромил его возле горного хребта Богдо-ула, между Гучэном и нынешним Урумчи (ок. 642). Кроме того, император Тай-цзун поддержал орды нушибийцев, боровшиеся против Дулу, и хан, истощив свои силы, вынужден был бежать в Бактрию, где мы теряем его след (651).

Индоевропейские оазисы Тарима к моменту прихода к власти династии Тан

Уничтожив тукю, император Тай-цзун смог восстановить власть Китая над по меньшей мере половиной индоевропейских оазисов бассейна Тарима: Турфаном, Карашаром, Кучей, Кашгаром на севере, Шаньшанем, Хотаном и Яркендом на юге.

Эти древние караванные города, крайне важные в качестве мест привала на Шелковом пути между Китаем, Ираном и византийским миром, были также и местами привалов на пути буддистских паломников из Китая в Афганистан и Индию. В этом последнем качестве они отлично описаны китайским паломником Сюаньцзанем, который, выйдя в 629 г. из Ганьсу, прошел (629–630) северным маршрутом (Турфан, Карашар, Куча, Аксу, а оттуда Токмак, Талас, Ташкент и Самарканд) и вернулся в 644 г. южным маршрутом (Памир, Кашгар, Яркенд, Хотан, Шаньшань и Дуньхуан). Его рассказ подтверждает, что в ту эпоху буддизм совершенно завоевал эти мелкие таримские царства, принес с собой индийскую культуру, так что санскрит стал богослужебным языком этого региона, наряду с местными индоевропейскими наречиями, то есть турфанским, карашарским и кучанским (древними тохарскими А и Б), и восточноиранским, на котором, вероятно, разговаривали в окрестностях Хотана.

Манускрипты, найденные экспедициями Пеллио, Ауреля Стейна и фон Ле Кока, подтверждают, что буддистские тексты были также переведены с санскрита на различные местные индоевропейские диалекты (тохарские или называемые таковыми на севере, восточноиранский на юго-востоке), тогда как другой индоевропейский язык, согдийский, принесенный караванщиками из Бухары и Самарканда, использовался в качестве разговорного в караван-сараях от Тянь-Шаня до Лобнора, где Пеллио нашел его следы на одной из согдийских колонн, датированных VII в. Мы уже знаем, что караванщики и купцы Шелкового пути – с одной стороны, и буддистские миссионеры – с другой, и те и другие приходившие в таримские оазисы с индоиранского пограничья, одновременно способствовали распространению в них иранского и индийского искусства, соединенных здесь под воздействием буддистской религии в единый сплав. В этой связи мы указывали выше на различные влияния, которые можно выявить на

фресках Кизила, возле Кучи: греко-буддистское, индо-гангское или ирано-буддистское, принадлежащие либо к тому, что Хаккин называет первым кизильским стилем (ок. 450–650), либо к тому, что он же определяет как второй стиль (ок. 650–750). Мы также отмечали чисто сасанидский вид буддистских живописных изображений на деревянных панно в Дандан-Юлик, восточнее Хотана (ок. 650). Наконец, мы знаем, что второй кизильский сасанидско-буддистский стиль продолжался, параллельно индийским влияниям, напоминающим Аджанту, вплоть до фресок Турфана, Базаклика, Муртука и Сангима. Рядом с этими индийскими, эллинистическими и иранскими влияниями китайское влияние, как отметил Хаккин, уже чувствуется в Кумтуре, возле Кучи, и особенно, естественно, в Базаклике и других центрах фресок турфанской группы, ближайшей к китайской границе группы.

Во время паломничества Сюаньцзяна (630) культура этого перекрестка цивилизаций достигла своего апогея, особенно в Куче. Благодаря обнаружению экспедициями Пеллио, Стейна и Ле Кока обширной буддистской литературы на кучанском языке можно предположить, что среди всех индоевропейских оазисов Гоби Куча, видимо, является одним из тех, где индоевропеизм проявлялся наиболее ярко. Само написание названия Куча на санскрите (Кутчи) и на китайском (Цэу-цзы) кажутся наиболее близкими к произношению Кютси, которое предположительно являлось названием города на местном языке, как его называли прежде, тохарском. Под влиянием буддизма кучанский диалект, то есть особый язык индоевропейского происхождения, ранее обозначенный ориенталистами как тохарский Б, а сегодня называемый просто кучанским, стал языком литературным, на который с V по VII в. была переведена с санскрита часть религиозных текстов. Таким образом, пользуясь, с одной стороны, достижениями буддистской цивилизации – все интеллектуальное наследие Индии, а с другой – ростом благосостояния, принесенного ему торговыми связями с Ираном, чью материальную культуру оно копировало, кучанское общество, каким мы его видим в текстах и на фресках Кизила и Кумтуры, предстает перед нами странно успешным, почти парадоксальным для тех времен и тех мест. То, что это изящное и утонченное общество, пышный цветок арианизма в Центральной Азии, расцвело в нескольких конных переходах от всех этих тюрко-монгольских орд, от границы с варварским миром, накануне вторжения самых грубых и примитивных племен, кажется сном. И настоящим чудом представляется то, что он мог цвести так долго на краю степи, под защитой одной лишь пустыни, под ежедневной угрозой жестоких набегов кочевников.

Кучанское общество, каким его воскрешают для нас фрески, блестящее кучанское рыцарство словно сошло с персидских миниатюр, которые будут нарисованы позже, – чистые овалы лиц, длинные прямые носы, хорошо очерченные брови, изящные, тщательно выбритые лица, если не считать едва заметных усов, тонкие талии, высокие стройные тела, будто сошедшие со страниц «Шахнамэ» времен Тимуридов, – физический тип здесь чисто иранский. То же самое можно сказать о костюмах. Во-первых, придворные одеяния: длинные прямые кафтаны, стянутые на талии металлическим поясом и открытые на груди отворотами, уже отмеченными в Афганистане на сасанидских фресках Бамиана, украшенные галунами, жемчужинами и цветами, заимствованными из иранского декора всех времен. Военный костюм: кизильские гордые копьеносцы в конических шлемах, в кольчугах, с длинными копьями, большими прямыми мечами напоминают сасанидскую Персию с уже персидской элегантностью. Наконец, прекрасные дамы и жертвовальницы с фресок Кизила и Кумтуры, с их затянутыми на талии корсажами и пышными платьями, несмотря на буддистский сюжет, напоминают нам, что среди всех промежуточных пунктов Шелкового пути, среди богатейших торговых городов Тарима именно Куча славилась как город удовольствий и что вплоть до самого Китая разнеслась слава ее музыкантов, танцовщиц и куртизанок.

Установление над регионом Тарима протектората династии Тан

Если, невзирая на унифицирующий покров буддизма, Куча оставалась в плане материальной цивилизации скорее иранской, то Турфан (Гань-чан) в этом отношении находился скорее под китайским влиянием. Достаточно сравнить фрески из района Кучи, например кизильские, и фрески из района Турфана, такие как муртукские, сангимские и базакликские, чтобы в этом убедиться. Здесь индоиранские мотивы, переданные Кучей, постепенно растворяются в эстетике искусства эпохи династии Тан. Это движение объясняется как территориальной близостью Китая, так и историей. С 507 г. в Турфане правила китайская по происхождению династия Цюй⁶⁶. В 609 г. турфанский царь Цю-бай-я прибыл к китайскому императору Ян-ди для принесения присяги на верность. Его преемник Цю-вэнь-тай (ок. 620–640) радушно принимал у себя китайского паломника Сюаньцзана, причем радушие его было столь избыточным, что даже хотел силой удержать гостя (конец 629 – начало 630 г.). Этот хорошо известный эпизод говорит по меньшей мере о любви монарха к китайской культуре и о его буддистском рвении. В том же 630 г. Цю-вэнь-тай прибыл к императору Тай-цзуну принести присягу на верность, но в последние годы своего царствования поднял мятеж против сюзеренитета Танов (640). Тай-цзун направил против него своего полководца Хоу Цзюнь-цзи. При приближении китайской армии Цю-вэнь-тай умер от потрясения. Турфан был оккупирован, аннексирован и стал административным центром китайской префектуры, а позднее даже губернии «Усмиранный запад», Ань-си (640).

Карашарское царство (Агни в санскритской транскрипции, Йен-цзи в китайской), вероятно, было почти таким же блестящим очагом индоевропейства, как Куча. Благодаря буддизму, религиозной цивилизации, заимствованной из Индии, материальной культуре, частично заимствованной у Ирана, искусству, в значительной степени заимствованному у греко-буддистского Афганистана, карашарские орнаменты из Берлинского музея поразительно напоминают хаддские из Музея Гиме. Но теперь и там танский Китай давал почувствовать свою военную силу. С 632 г. Карашар признал над собой сюзеренитет императора Тай-цзуна, но в 640 г. царствовавший тогда монарх, которого китайцы называют Ду-цюэ-шэ, очевидно обеспокоенный аннексией Турфана, вступил в союз с западными тукю и поднял мятеж. Тай-цзун послал против него полководца Го Сяо-кэ. Тот, совершив умелый маневр, воспользовавшись ночной темнотой, подошел к Карашару со стороны Юлдуса, на рассвете внезапно атаковал город и захватил. Он посадил на трон брата царя, называемого принцем Ли-по-чжуань, преданного Китаю (640). Через несколько лет Ли-по-чжуань был свергнут одним из своих кузенов, по имени Се-по А-на-чжэ, который поддерживал кучанцев и тукю. Тай-цзун повелел своему полководцу Ашина Шэ-эру (тукюйскому принцу на службе Танов) покончить с мятежным городом. Тот выступил на Карашар, обезглавил узурпатора и отдал трон другому члену царской семьи (648).

После Карашара пришел черед Кучи.

В Куче (Цэу-цзы по-китайски) царствовала династия, называемая по-кучански Сварна (Суварна на санскрите, Суфа в китайской транскрипции), то есть Золотая семья. Царь, называемый на китайском Суфа Пуши (на санскрите Суварна Пушпа, Золотой Цветок) в 618 г. принес присягу на верность китайскому императору Ян-ди. Его сын, Суфа Де китайских летописей, на кучанском Сварнатеп, а на санскрите Суварна Дева (Золотой Бог), был ревностным буддистом, устроившим великолепный прием китайскому паломнику Сюаньцзану, несмотря на то что сам монарх и его народ принадлежали к буддистскому течению Малой колесницы (Хинай-ана, *Hīnayāna*), тогда как Сюаньцзан принадлежал к течению Большой колесницы (Махайана,

⁶⁶ Столица Турфанского царства в эпоху династии Тан находилась не на месте, носящем это название в настоящее время, а восточнее, в Идикут-шахри, который является древним Кара-ходжой, и, следовательно, совершенно не совпадает с нынешним Кара-ходжой.

Mañyûāna). В том же 630 г. Сварнатеп признал себя вассалом императора Тай-цзуна, но впоследствии, недовольный захватнической политикой Танов, сблизился с их противниками – западными тукю. В 644 г. он отказался от уплаты дани и помог карашарцам в их мятеже против Китая. Он умер до того, как на него обрушилось возмездие, а на троне его сменил брат, которого китайские историки называют Хэли Пушипи, на санскрите Хари Пушпа (Божественный Цветок) (646). Новый царь, чувствуя приближение бури, поспешил направить китайскому двору уверения в своей преданности (647). Но было слишком поздно. Ашина Шэ-эр, тукюйский принц на китайской службе, уже выступил на запад с армией из регулярных китайских частей и вспомогательных подразделений из тукю и толашей.

Сначала Ашина Шэ-эр лишил Кучу надежд на помощь извне, разгромив два союзных мятежному городу тюркских племен: чуюэ и чуми, кочевавшие первое в окрестностях Гучэна, второе в районе Манаса. Оттуда он двинулся на Кучу. Когда царь Хэли Пушипи вышел из крепости со своим войском, Ашина Шэ-эр, применяя давнюю тактику кочевых орд, притворился, будто отступает, заманил его в пустыню и там разгромил. Очевидно, это были Креси и Азенкур⁶⁷ прекрасного иранского рыцарства, конец блестящих паладинов с кизильских фресок. Тюркский кондотьер на жалованье у Китая победителем вошел в Кучу и, поскольку царь Божественный Цветок бежал на запад, в местечко Аксу (По-хуан), осадил его там и взял в плен. Однако один из кучанских аристократов, называемый в китайской транскрипции На-ли, ездивший к тукю за подкреплениями, неожиданно вернулся и, использовав эффект внезапности, убил китайского военачальника Го Сяо-кэ. На этот раз репрессии были безжалостными. Ашина Шэ-эр отрубил 11 000 голов. «Он разрушил пять больших городов и истребил бесчисленное множество мужчин и женщин. Западные области были охвачены ужасом» (647–648). В Чанъане царственный пленник Хэли Пушипи пал на колени перед величием императора Тай-цзуна. На трон Кучи китайцы посадили брата этого монарха, *ябгу*, но держали его под своей плотной опекой.

Блистательное кучанское и кизильское индоевропейское общество так и не оправилось от этой катастрофы. Когда после столетнего китайского протектората, во второй половине VIII в., Китай вновь потеряет интерес к Куче, власть там возьмет не прежняя индоевропейская аристократия; как и в Турфане, это будут турки-уйгуры. Древняя индоевропейская страна, этот Внешний Иран, превратится в Восточный Туркестан.

К западу от Кучи протянулось Кашгарское царство – по-китайски Шулэ, – населенное, очевидно, потомками древних шака и говорившее, вероятно, на их языке – восточноиранском. Китайский паломник Сюаньцзан отмечает, что у кашгарцев голубые глаза и, как он выражается, «зеленые зеницы» – ценное свидетельство того, что германские писатели называли бы «арийским признаком», сохранившимся в этом народе. Сюаньцзан также упоминает, что их письменность индийского происхождения, а господствующая религия – буддизм Малой колесницы, или хинайана, хотя у сасанидского маздеизма также имелись свои приверженцы. В Яркендском царстве (по-китайски Со-цзюй), напротив, господствующим буддистским течением была махайана, или Большая колесница Спасения. Наконец, Хотанский оазис (по-китайски Ю-тянь), обогатившийся благодаря своим плантациям тутовых деревьев для разведения шелкопрядов, мастерским по производству ковров и добыче нефрита, также являлся важным буддистским центром, в котором усердно изучали санскрит и где преобладала Махайана. Имя царствующей династии мы знаем только в китайской транскрипции: Вэй-чэ.

После восшествия на престол императора Тай-цзуна эти три царства принесли Китаю вассальную присягу на верность: Кашгар и Хотан в 632 г., Яркенд в 635 г. В том же 625 г. царь

⁶⁷ В битвах при Креси (1346) и Азенкуре (1415) англичане, используя свои преимущества в тактике (в первую очередь – пеших лучников), разгромили численно превосходящие их французские войска, состоявшие главным образом из тяжеловооруженной рыцарской конницы. (Примеч. пер.)

Хотана отправил своего сына к императорскому двору. В 648 г., когда императорский полководец Ашина Шэ-эр покорял Кучу, он отправил своего заместителя Се Вань-бэя с отрядом легкой кавалерии на Хотан. Перепуганный хотанский царь, называемый по-китайски Фу-шэ Синь, был приглашен прибыть к императорскому двору в Чанъан, откуда, впрочем, вернулся домой с новыми титулами и привилегиями.

Танский Китай – властелин Центральной Азии

После этих завоеваний под прямым управлением Китая оказалась территория вплоть до Памира. Понятна гордость императора Тай-цзуна, завоевателя Центральной Азии. «Книга Тан» приписывает ему такие слова: «В древности варваров покоряли только лишь Цин Шиху-анди и Хань У-ди. Но я, взяв мой меч длиной три фута, покорил Двести царств, принудил к молчанию Четыре моря, и далекие варвары один за другим пришли покориться мне!» У тюрок его престиж также был велик. Хотя он их победил, но сумел привязать к себе узами личной преданности, принятыми среди тюрко-монголов, и, как скажет в следующем веке тюркская надпись в Кошо-Цайдаме, стать «китайским каганом». Наиболее ярким примером личной преданности тюрок его персоне служит история Ашина Шэ-эра, приведенная в «Книге Тан». Этот хан, происходивший из царствующей династии восточных тукю (он был братом кагана Сяле), перешел на сторону Китая в 636 г. Он стал одним из лучших военачальников Тай-цзуна, который в награду отдал ему в жены танскую принцессу. Мы знаем, какую роль он сыграл в китайских завоеваниях (взятие Карашара, Кучи и др.). Его преданность была такова, что после смерти Тай-цзуна старый кондотьер хотел покончить с собой на его могиле, по обычаю кочевников, «чтобы охранять смертное ложе императора».

Обо всех ветеранах центральноазиатских походов можно сказать словами знаменитого поэта Ли Тай-бо из его произведения «Человек пограничья»: «Человек пограничья за всю свою жизнь не открывает ни одной книги, но умеет охотиться на коне, он ловок, силен и смел. Осенью его конь жиреет, потому что степная трава идет ему на пользу. Как он великолепен и горделив, когда скачет верхом! Его плетью звонко хлещет по снегу или позвякивает в позолоченном чехле. Одушевленный щедрой порцией вина, он зовет своего сокола и уезжает далеко в степь. Его лук, натянутый с большой силой, никогда не распрямляется впустую. Птицы часто падают, пронзенные его свистящими стрелами. Люди расступаются, давая ему дорогу, ибо его доблесть и воинственный нрав хорошо известны по всей Гоби».

Император Гао-цзун (650–683), сын и преемник Тай-цзуна, в первую половину своего царствования завершил его дело. Он сосредоточил силы против западных тукю, то есть двух групп племен, на которые разделились западные тукю: нушиби к юго-западу от Иссык-Куля и дулу на северо-востоке от него. Этот раскол, разумеется, был на руку китайской политике. Хан дулу по имени Хэлу (651–657) на какое-то время сумел заставить нушиби признать свое верховенство, восстановив единое западное царство тукю. Тогда он поднял мятеж против китайского сюзеренитета. Китайцы первым делом заключили против него союз с кочевавшими в районе Ханхая тюрками-уйгурами – прежними толосами или толашами, чей хан По-жунь весьма эффективно поддерживал императорскую политику. Усилившись такой поддержкой, китайский военачальник Су Дин-фан углубился в северо-западные пустынные просторы. Приближалась зима, земля на два фута покрылась снегом. «Туман, – говорил китайский полководец своим войскам, – везде навел темень. Варвары думают, что мы не умеем воевать в такую погоду. Поспешим застигнуть их врасплох!» Он действительно застал Хэлу врасплох на реке Боротала, возле Эльхинора, в Джунгарии, потом еще раз разгромил его в Чжу, западнее Иссык-Куля (657), и принудил бежать до Ташкента. Это стало концом Хэлу, потому что ташкентцы выдали его Китаю. Тогда китайский двор назначил ханом дулу своего верного тюрка Ашина

Мишэ (657–662). Племена нушиби, со своей стороны, приняли себе в ханы другого китайского вассала – Ашена Бучжана (659–665).

Последний подъем могущества тукю. Каган Мочжо

Казалось, танский Китай достиг в Центральной Азии всех своих целей, как вдруг ситуация резко изменилась. Император Гаоцзун, слабый правитель, погрязший в гаремных интригах, всю вторую половину своего царствования (с 665 по 683 г.) наблюдал за тем, как слабеет китайское влияние в Центральной Азии. С 665 г. обе группы западных тукю, нушиби и дулу, восстали против назначенных Китаем ханов и восстановили свою независимость. Затем тибетцы, народ в те времена почти такой же дикий⁶⁸, вторглись в бассейн Тарима и отобрали у Китая то, что называлось «Четыре гарнизона»: Карашар, Кучу, Хотан и Кашгар (670). Но главное – восточное ханство тукю, разгромленное в 630 г. Тай-цзуном, возродилось под властью потомка прежней династии – кагана Кутлуга (Счастливого), того самого, кого надпись в Кошо-Цайдаме славит под именем Эльтериш-каган.

Надпись, сделанная по приказу сына Кутлуга, показывает, что реставрация Орхонского тюркского ханства отвечала национальному чувству: «Весь мелкий тюркский люд говорил там: „Я был народом, имевшим собственную империю. Где теперь моя империя? Я был народом, имевшим своего кагана. Где теперь мой каган?“ Так говорили они и снова дышали надеждой объединиться и организовать. Тогда китайцы сказали: „Мы уничтожим тюркский народ и оставим его без потомства“, и они выступили, чтобы его уничтожить. Но бог тюрков наверху, на небе, и священные духи земли и воды сделали так: чтобы тюркский народ не был истреблен и чтобы он снова стал народом, они возвысили моего отца, кагана Эльтериша, и мою мать, Ильбилга-катун, держа их на вершине неба». Впрочем, восстановитель Орхонской империи начинал, и надпись это подтверждает, как обычный главарь банды. «Мой отец, каган, выступил тогда с двадцатью семью людьми, потом их стало семьдесят. Поскольку Тенгри давал им силы, армия моего отца была как волки, а их враги – как овцы. После того как их стало семь сотен, он подчинил независимые народы, низложил их ханов, а народы обратил в рабство, дал им законы по установлениям наших предков и воспламенил их. На юге нашим врагом был китайский народ, на севере нашими врагами были Девять Огузов (Токуз Огуз), киргизы, курыканы⁶⁹, Тридцать Татар, кидани были врагами. Мой отец каган совершил сорок семь походов и победил в двадцати битвах. Поскольку Тенгри благоприятствовал ему, он оставил без империй тех, кто имел империи; тех, у кого были каганы, он оставил без каганов. Он усмирил врагов, заставил их преклонить колени и склонить голову».

Итак, ханство восточных тукю было восстановлено в своем историческом центре – у истоков Орхона и гор Отукан (очевидно, нынешнего Хангайского хребта). В этом деле Кутлугу оказал большую помощь ловкий политик Тониукук (или Тоньюкук), тюрков, чей род некоторое время занимал передаваемый по наследству высокий пост в китайской администрации пограничного округа Юньчжун, возле современного Гуйхуачена, на севере Шаньси. надпись на могильном камне Тониукука, найденная в 1897 г. в долине Верхней Тулы, в Баин-Цокто, между Налайшой и правым берегом реки, позволяет, вместе с дополнительными данными, почерпнутыми из «Книги Тан», восстановить образ этого интересного персонажа. Как и многие другие представители тюркской знати со времени царствования Тай-цзуна, Тониукук получил китайское образование, но когда Кутлуг восстановил независимость тюрков, присоединился к нему и стал его советником и первым помощником, поставив на службу новому кагану приобретенные

⁶⁸ Тибетские документы, привезенные из Дунхуана Пеллио и изученные Ж. Бако, доказали, что общее обращение Тибета в буддизм, до сих пор приписываемое тибетским царям VII в., произошло значительно позднее.

⁶⁹ Предположительно курыканы жили на западном берегу озера Байкал.

им знания китайских обычаев, менталитета и политики, а главное: раскрыл слабость, до которой жалкого императора Гао-цзуна довели дворцовые интриги. С 692 г. Кутлуг и он начали войну против Китая, предав разграблению север Шаньси. В марте 683 г. Кутлуг разорил кантон Гуй-чжоу (Хуай-лай-сянь, к северу от перевала Нангоу, к северо-западу от Пекина). С тех пор каждый год был отмечен грабительским набегом на пограничную линию в Шаньси или Хэбее. В апреле 683 г. Кутлуг и Тониукук опустошили округ Шань-юй, ныне Суй-юань. В июне убили наместника области Ю-чжоу или Вэй-чжоу (Линцзю, юго-восточнее Датун), взяли в плен губернатора Фончжоу (Юлин на севере Шаньси) и разорили округ Ланьчжоу на северо-западе Шаньси. Осень 684 г.: набег в окрестностях Со-чжоу (Чжо-бин) на севере Тайюаня, где был разгромлен целый китайский корпус. В апреле 687 г. набег до Чан-бина к северо-западу от Пекина. Осенью 687 г. тюрки, снова атаковавшие со стороны Чжо-бина, в Шаньси, наконец потерпели поражение.

Однако после смерти императора Гао-цзуна (26 декабря 683 г.) власть в Китае узурпировала его вдова У-хоу (или У Цзэтянь) – женщина беспринципная, страшно деспотичная, но энергичная и имевшая способности к управлению государством (684–705). Каким бы тираничным ни было ее правление внутри страны, она начала исправлять внешнюю политику Китая. Например, в Тариме ее полководцы отбили у тибетцев Четыре Гарнизона, Карашар и Кучу (692), Кашгар и Хотан (691). Как мы уже знаем, она была менее удачлива в борьбе против восточных тукю, чей каган Кутлуг практически ежегодно опустошал приграничные области Шаньси и Хэбея. Она попыталась организовать удар ему в тыл, поддержав выступление тюркешей или тюргишей – тюркского племени, кочевавшего в современном Семиречье, в нижнем течении Или. Тщетная попытка, потому что тюркешский хан Учжэлэ был разбит и взят в плен Кутлугом, чей сюзеренитет над собой вынужден был затем признать (689).

Кутлуг умер между августом и ноябрем 691 г. Его преемником стал не один из сыновей, а брат Мочжо, или Мотчо (китайская транскрипция тюркского Бек-чор, по реконструкции Пеллио), которого те же надписи на Орхоне обозначают именем Капаган-каган, при котором успехи восточных тукю достигли наивысшей точки (691–716). Назначив себя арбитром в дворцовых драмах танского двора, он, проявив ловкость, сумел выставить себя защитником легитимных наследников Танов против узурпаторши императрицы У-хоу. Императрица попыталась замирилась с ним, женив своего племянника на дочери тюркского царя; по этому поводу молодой человек отправился ко двору кагана, который тогда стоял лагерем в Черных песках (Кара-кум), южнее современного Саин-нойана, но Мочжо высокомерно отказался (698): его дочь предназначалась не племяннику У-хоу, а законному императору, отстраненному узурпаторшей от власти (703). Кроме того, он объявил, что, если узурпаторша свергнет с престола династию Тан, он со всеми своими ордами вторгнется в империю.

Несмотря на заверения в том, что он защищает Танов от грозной узурпаторши, Мочжо продолжал свои грабительские набег на китайские земли. В 694 г. он разорил округ Линчжоу в районе между Сюаньхуа и Линцзю к западу от Пекина. Тем временем ему пришлось ненадолго пойти на сотрудничество с китайским двором против киданей – народа монголоидной расы, кочевавшего в Ляоси и Джеhole и начавшего свою экспансию на юг, нападая на китайские пограничные округа в районе Юнпина. В 696 г. один из вождей киданей, хан Ли Цзинчжун, разгромил в этом районе китайскую армию. Этот вождь был союзником Мочжо. Когда вскоре после этого он умер, кидани прогнали его сына и отделились от тюркской коалиции. Мочжо вступил в страну киданей, чтобы восстановить изгнанника на троне, но не сумел этого достичь. Тогда он договорился с Китаем о совместных боевых действиях против киданей. За это он получил солидное вознаграждение в виде многочисленных штук шелка, мер риса, оружия, доспехов и т. д. Оказавшиеся зажатыми в клещи Мочжо и китайцами, одновременно вторгшимися в их страну, кидани были наголову разгромлены (696–697).

Императрица У-хоу, решив, что Мочжо сделался ее постоянным союзником, поблагодарила его за помощь. В ответ он возобновил свои набеги на округ Лин-ву возле Нинся. После того как китайский двор отверг его наглые предложения, он возглавил набег на юг Сюань-хуа, сопровождавшийся страшными грабежами, штурмом взял Вэй-чжоу (возможно, Линцзю к юго-востоку от Датун), разорил Дин-чжоу в самом сердце Хэбея, между Баодином и Чжэн-дином, взял еще Чжао-чжоу и ушел восвояси только после того, как захватил несколько тысяч пленных, которых он перебил перед отступлением. В 702 г. он опустошил округ Дай-чжоу на севере Шэньси. В 706 г. наголову разгромил китайского военачальника Ша-ча Чжун-и возле Мин-ша-шаня, к востоку от Дунь-хуана, и осадил приграничную крепость Линчжоу, рядом с современным Нинся. Победа при Мин-ша-шане воспета в эпических выражениях на стеле в Кошо-Цайдаме, рассказывающей нам, какую роль в ней сыграл племянник Мочжо Кюльтегин: «Мы сражались против Ша-ча сангуна. Сначала он (Кюльтегин) сел на серого коня Тадыкан-чур и устремился в атаку. Этот конь был убит. Потом он сел на серого коня Ышбара-Яматара и устремился в атаку. И этот конь был убит. В третий раз он сел на Кедымлыга, гнедого коня, и устремился в атаку. В его доспехи попало более сотни вражеских стрел. Его атаку помнят многие из вас, о благородные тюрки. А эту армию (китайскую) мы там уничтожили!»

После каждого набега на китайскую территорию Мочжо возвращался в Монголию с длинными вереницами пленных и фантастической добычей. «В то время, – гласит надпись в Кошо-Цайдаме, – [наши] рабы стали рабовладельцами, а [наши] подневольные – владельцами подневольных. Столько мы всего захватили и устроили!»

Не менее удачлив Мочжо был и в войнах против других тюркских народов. На востоке он победил байырку с Верхнего Керулена, на севере – киргизов с Верхнего Енисея. «Идя через снег, чья высота равнялась длине наших копий, – сообщает стела его племянника Кюльтегина, – мы поднялись на лесистые Кегменские горы (сейчас – хребет Танну-Ола), мы победили народ киргизов и сражались против их кагана дальше в лесу. Кюльтегин устремился в атаку на белом жеребце. В схватке он поразил одного человека стрелой и пронзил клинком двоих. В этой атаке он загнал белого жеребца, но каган киргизов был убит, и мы обратили его народ в рабство». На западе Мочжо на какое-то время установил сюзеренитет над двумя группами западных тукю – дулу и нушиби (699). С этого момента великая империя тукю была восстановлена почти в границах 550 г. В низовьях Или, южнее Балхаша, тюркешский хан Сого (706–711), сын и преемник Учжэлэ, правда, пытался сопротивляться, собрать западных тукю против Мочжо, но в 711 г. был побежден и убит этим последним, который остался единственным государем тюркских народов от китайской границы до Трансоксианы. «Каган тюрков, – говорит по этому поводу стела Кюльтегина, – был из моих тюрков, из моего народа. Поскольку у него не было мудрости и он не проявлял к нам уважения, он был убит...» И дальше: «Мы выступили против тюркешей, поднялись на лесистые горы Алтуна (Алтая) и перешли Верхний Иртыш. Мы победили народ тюркешей. Армия кагана тюркешей обрушилась на нас, как пламя и буря, и мы сражались. Кюльтегин устремился в атаку на сером коне Башгу. Мы убили кагана тюркешей и обратили в рабство его народ». Столь же триумфальной стала война с карлуками – еще одним тюркским народом из района Или. «Мы сражались в Кара-келе. Сидя на белом коне, Кюльтегин устремился в атаку... Мы обратили в рабство карлуков».

Но Мочжо старел. Его жестокость, его тирания в конце концов утомили тюрков. Многие вожди переметнулись на сторону Китая. Байырку подняли мятеж. Мочжо наголову разгромил их на берегах Тулы, но, когда на обратном пути проезжал через лес, на него напал вражеский отряд, который его убил (22 июля 716 г.). Байырку отдали его голову китайскому послу, который отослал ее Чанъан.

Кюль-тегин и Моцзилянъ

После смерти Мочжо у тюрков начались серьезные раздоры. Его племянник, энергичный Кюль-тегин, сын прежнего кагана Кутлуга, произвел настоящий дворцовый переворот. Опираясь на свой престиж, созданный ему его победами (мы видели, что он был первым помощником своего дяди), Кюль-тегин убил Богю, сына Мочжо, а также всю семью последнего и советников покойного кагана. Избежал смерти только Тониукук, потому что был тестем брата Кюль-тегина.

Кюль-тегин не занял трон сам, а провозгласил каганом своего старшего брата Моцзилянъ (в китайской транскрипции), которого орхонские надписи называют Бильге-каганом, «мудрым императором», и который царствовал в Монголии с 716 по 734 г.

Однако, воспользовавшись убийством Богю и последовавшей за ним семейной драмой, все вассальные орды взбунтовались против Орхонской династии. Кюль-тегину и Моцзиляню пришлось потратить немало сил, чтобы вернуть их к повиновению. Кошой ацдамская стела, установленная Моцзилянem в честь Кюль-тегина, перечисляет целую серию сражений против Девяти Огузов (Токуз Огуз) и Девяти Татар (Токуз Татар), очевидно, первые обосновались на Среднем Керулене, а вторые на нижнем течении той же реки, против уйгуров и карлугов. «Народ Токуз Огуз был моим собственным народом. Поскольку случились потрясения на небе и на земле, они стали нашими врагами. За один год мы пять раз бились с ними. Вскочив на белого коня Азмана, Кюль-тегин устремился в атаку. Он сразил шестерых. В рукопашной зарубил седьмого. Мы победили, но тюркский народ падал от усталости и терял боевой дух». Хотя в разгар этих жестоких междоусобиц восточные тукю вынуждены были отказаться от сюзеренитета над тукю западными, они сумели сохранить Орхонское царство. На той же самой стеле, посвященной Кюль-тегину, Моцзилянъ ставит это в заслугу лично себе: «Если бы я не трудился столько вместе с моим младшим братом Кюль-тегином, тюркский народ погиб бы».

Стремясь окончательно залечить раны гражданской войны, Моцзилянъ последовал совету старого Тониукука, которому тогда было уже семьдесят лет. Моцзилянъ хотел отметить свое царствование нападением на Китай. Тониукук отговорил его от этого. Действительно: на трон империи Тан как раз взошел великий император Сюань-цзун (713–755). Не имея полководческих талантов Тай-цзуна Великого и не расставаясь с придворной жизнью (время его царствования – золотой век великолепного чанъанского двора), новый Сын Неба проявил большую жажду славы и желание восстановить китайское владычество в Центральной Азии. По-прежнему прекрасно информированный о внутренней китайской политике, Тониукук доказал своему господину, что тюрки, истощенные гражданской войной – стада рассеяны, лошади охудали, орды оголодали, – совершили бы неосторожность, напав на танский Китай, восстановивший свои силы. Бросаясь из крайности в крайность, продолжает «Книга Тан», Моцзилянъ задумал сделать тюрков оседлыми, построить на Орхоне окруженную крепостными стенами столицу на манер китайской, возвести буддистские храмы и даоистские монастыри. Тониукук доказал ему, что это было бы другой ошибкой. Главным преимуществом тюрков была их мобильность кочевников, позволявшая внезапно нападать при каждом удобном случае и безнаказанно уходить в случае неудачи. «У тукю, – такие слова приписывает китайский летописец старому тюркскому волку, – один человек на сто китайцев. Они ищут воду и пастбища, занимаются охотой, не имеют постоянного жилища и воюют. Когда они чувствуют себя сильными, они идут вперед. Когда они считают, что слабы, бегут и прячутся. Таким образом они компенсируют численное превосходство китайцев, не дающее последним никаких преимуществ. Если вы посадите тукю в укрепленный город и будете один раз побеждены китайцами, вы станете их пленником. Что же касается Будды и Лао-цзы, они учат людей доброте и унижениям; это не та наука, что нужна воинам!»

Те же самые уроки – секрет тюркской силы – Моцзилянть повторяет для своих потомков на Кошо-Цайдамской стеле. В этой связи он напоминает тот деморализующий эффект, который веком раньше произвели на восточных тукю китайские нравы. «Зов китайского народа, который легко отдает нам во множестве золото, серебро и шелк, так ласков, богатства его так размягчают. Своими сладкими речами и богатствами китайцы увлекают тюркский народ. Позволив этим сладким речам победить себя, многие из твоих, о тюркский народ, погибли. Оставив мрачный лес, многие смотрели на юг, говоря: „Я хочу поселиться на равнине“. И Моцзилянть заклинает тюрков оставаться тюрками: «Если ты пойдешь в эту страну, о тюркский народ, ты умрешь! Но если останешься в лесу Отукена (Хангай и Орхон), где нет ни богатства, ни забот, ты сохранишь свою вечную империю, о тюркский народ!...»

Как бы то ни было, следуя советам Тониукука, Моцзилянть предложил Китаю заключить мир (718). Император Сюань-цзун отверг предложение и повелел напасть на него. Басмылы, тюркское племя из района Гучэна, бывшего Бэй-тина, и кидани из Ляоси и Джехола, выступив на стороне Китая, должны были ударить тукю в спину с юго-запада и юго-востока. Каган Моцзилянть забеспокоился. Старый Тониукук успокоил его, объяснив, что басмыны, китайцы и кидани разделены слишком большими расстояниями, чтобы суметь синхронизировать свои удары. Так и получилось: Моцзилянть успел сперва наголову разгромить басмынов в Гучэне, а затем пройтись опустошительным рейдом по китайской границе в современной Ганьсу, возле Ганьчжоу и Лянчжоу (720). Наконец в 721–722 гг. был заключен мир. Между тукю и империей установились дружеские отношения⁷⁰.

После смерти (731) своего брата Кюль-тегина, которому он был обязан престолом, Моцзилянть повелел выгравировать на его могиле между Кошо-Цайдамом и Кокшин-Орхоном, в 60 километрах к северу от Каракорума, ту самую хвалебную надпись, которую мы так широко цитировали и которая является эпическим изложением истории тюрков. Император Сюань-цзун приказал добавить к ней китайскую надпись – свидетельство дружбы между двумя дворами (732).

Эти надписи – древнейшие датированные тюркоязычные источники – сделаны письмом, неудачно названным «руническим», которое происходит от арамейского алфавита через старосогдийский алфавит (хотя, как уточняет Бартольд⁷¹, часть этих «рун» имеет независимое происхождение и демонстрирует иероглифический характер). Другие «рунические» тюркские надписи обнаружены в Сибири, в бассейне Енисея. Бартольд полагает, что первые образцы тюркского письма могут восходить к VII или даже к VI в. н. э. В VIII в., как мы увидим, у тюрков его вытеснит уйгурское письмо, также производное от северосемитских алфавитов через посредство согдийского.

Крушение империи восточных тукю. Возникновение уйгурской империи

По уровню культуры, который демонстрируют алфавит и орхонские надписи, а также относительная мягкость правления Моцзилянтя, восточные тукю, казалось, стояли на пороге входа в общее русло великих цивилизаций, когда Моцзилянть был отравлен одним из своих министров (734). Его смерть спровоцировала смуты, в которых империя тукю и погибла. Его сын Ижань (китайская транскрипция) умер вскоре после него. Место Ижана занял его брат Тенгри-каган, еще юный, правивший с помощью вдовы Моцзилянтя, но в 741 г. Тенгри-каган был убит одним из своих военачальников, шадом восточных областей, который предположи-

⁷⁰ После смерти Моцзилянтя Сюань-цзун во всеуслышание восславил миролюбие и дружеское доверие к империи, проявленные этим каганом.

⁷¹ Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) – российский и советский востоковед, тюрколог, арабист. (Примеч. пер.)

тельно объявил себя царем под именем Озмыш-каган. Это стало концом империи тукю, потому что против Озмыш-кагана восстали сразу три основных вассальных тюркских племена: басмылы, уйгуры и карлуки, которые предположительно кочевали: басмылы вокруг современного Гучэна, уйгуры между Кобдо и Селенгой, а карлуки у восточной оконечности озера Балхаш, возле Эмеля. В 744 г. Озмыш-каган был убит басмылами, которые отправили его голову к чань-анскому двору. Оставшиеся в живых члены царствующей династии восточных тукю бежали в Китай (743).

Монгольская империя осталась без защиты. Басмылы попытались завладеть ею, но, будучи слишком слабыми, не справились с задачей. Победу одержали уйгуры, вероятно, при поддержке карлуков. Уйгурский хан, называемый в китайской транскрипции Кули Пэйло, воцарился в качестве кагана в имперской области на Верхнем Орхоне под тронным именем Кутлуг Бильге (Ку-ту-лу Бей-цзя цзю). Его приход к власти был признан танским двором, и император Сюань-цзун пожаловал ему титул хуай-жаня. Танские летописи повествуют нам, что он царствовал от Алтая до Байкала. Умер он предположительно в следующем, 745 г.; по другим источникам – только в 756 г., но его творение пережило его самого.

Так уйгурская империя сменила империю тукю. Она просуществовала один век (744–840). Впрочем, это была всего лишь замена одного господствующего тюркского народа другим, связанным с ним близким родством. Однако, в отличие от тукю, которые так часто бывали для Китая опасными соседями, уйгуры поначалу проявили себя довольно верными вассалами, потом полезными союзниками и, наконец, ценными, хотя порой и излишне требовательными, защитниками династии Тан.

Столица уйгурских каганов находилась в Карабалгасуне, городе, называвшемся тогда Орду-балык, «город двора», на Верхнем Орхоне, возле древних резиденций шаньюев хунну и каганов тукю, возле будущего Каракорума Чингизидов.

Апогей династии Тан: подчинение Западного Туркестана

В 714 г. китайский военачальник Ашина Сянь, тюркский кондотьер на китайской службе, одержал при Токмаке, к западу от Иссык-Куля, имевшую громадное значение победу над западными тукю, после которой в число китайских вассалов вернулись джунгарские племена дулу, а также эмельские и тарбагатайские тюрки-карлуки. Дольше сопротивлялись тюрки-тюргешы, кочевавшие предположительно в районе дельты Или, южнее Балхаша, в Семиречье. Их хан Сулук (717–738) заключил против Китая союз с тибетцами и новым народом-завоевателем, который внезапно появился на ирано-трансоксианской границе: арабами. Мы еще поговорим об этом новом факторе в истории Центральной Азии, здесь же скажем только, что Сулук, воспользовавшись смятением, возникшим при приближении мусульманских войск, вторгся в Тарим – страну, с 692–694 гг. находившуюся под китайским протекторатом, осадил город Аксу (717) и в течение нескольких месяцев тревожил набегами китайские Четыре Гарнизона: Карашар, Кучу, Кашгар, Хотан. Хотя он не сумел ими овладеть, крепость Токмак к северо-западу от Иссык-Куля, в течение долгого времени служившая китайцам передовым бастионом в Туркестане, осталась в его руках, несмотря на поход на нее китайского военачальника Ашина Сяня (719). Китайский двор, отчаявшись удержать эти слишком далекие крепости, стал искать пути примирения с Сулуком, раздавая ему титулы и почести (722). Тем не менее в 726 г. этот отпетый разбойник снова опустошил территорию Четырех Гарнизонов. Наконец, в 736 г. китайский полководец Гай Цзя-юнь, губернатор Бэй-тина, возле современного Гучэна, нанес ему серьезное поражение, и вскоре после этого, около 738 г., Сулук был убит Бага-тарханом, кюль-чуром чумугуней – маленького тюркского племени, кочевавшего предположительно между землями тюргешей и карлуков, к юго-западу от Балхаша.

Бага-тархан соединился с китайским полководцем Гай Цзяюнем, чтобы помешать тюркскому претенденту, сыну Сулука Ту-хэ-сяня (Тукварсена) (739); но история всех этих мелких ханов, мечтающих восстановить единство западных тукю под своим главенством, всегда одинакова; скоро Бага-тархан разорвал союз с Китаем и убил китаизированного тюрка Ашина Синя, которого китайцы послали в страну тюркешей в качестве вице-короля (742). Впрочем, и в этот раз последнее слово осталось за Китаем. В 744 г. императорский полководец Фу-мын Лин-ча разбил и обезглавил Бага-тархана. Эта победа вновь сделала Китай властелином долины Или и района Иссык-Куля. В 748 г. мы видим китайского полководца Ван Чжэн-цзяня, возводящего китайский храм на Верхней Чу, к северо-западу от Иссык-Куля. В 751 г. другой императорский полководец, знаменитый Гао Сянь-чжи, отправит к танскому двору пленного тюркешского вождя.

В Тариме маленькие царства Карашар, Куча, Хотан и Кашгар, оккупированные китайскими войсками (Четыре Гарнизона), оставались верными вассалами империи. Отметим присвоение китайских титулов кашгарскому царю (династия Пэй в китайской транскрипции) и хотанскому, названному в китайской транскрипции Вэй-чэ Фу-чэ (династия Вэй-чэ). Старинное индоевропейское население Тарима, прежде столько раз восстававшее против китайского протектората, на этот раз, похоже, поспешило поддержать его, поскольку китайский протекторат был для него защитой от двойного нашествия: арабов и тибетцев.

Соперничество Китая и арабов на западе Памира

Приблизительно веком ранее персидская империя Сасанидов рухнула под ударами арабов. Могущественная сасанидская монархия была повержена в двух сражениях, при Кадисии (637) и Нехавенде (642), а Западный Иран завоёван. В 651 г. арабы оккупировали Герат, а Йездигерд III, последний из Сасанидов, умер в Мерве; в 652 г. арабы дошли до Балха. Удовлетворенные завоеванием основной территории сасанидской империи, включая Хорасан, арабы в тот момент не пошли дальше. Свое продвижение они возобновили только в начале VIII в., под командованием Кутейбы ибн Муслима, в 705–715 гг. наместника омейядского халифата в Хорасане. В 705 г. Кутейба предпринял поход на Тохаристан, прежнюю Бактрию, управляемый в то время тюркской буддистской династией тегинов, основанной младшей ветвью древней царской династии восточных тукю, чья резиденция, по мнению Сюаньцзана, находилась недалеко от Кундуза. Затем Кутейба воспользовался местными междоусобицами, чтобы вторгнуться в Хорезм и Согдиану. В течение 706–709 гг. он вел войну против ирано-тюркского Бухарского царства и в конце концов (709) принудил эту страну признать вассальную зависимость от халифата. На бухарский трон он посадил наследника царствующей династии, Тугшаду (царствовал приблизительно с 710 по 739 г.), который поначалу был верным сторонником арабов, принявшим, по крайней мере для видимости, мусульманскую веру.

В Самарканде местный тархан сумел договориться с Кутейбой о мире (709) в обмен на выплату дани и выдачу заложников, но затем был свергнут своими подданными, возмущенными его трусостью, и заменен ихшидом⁷² Гуреком. Кутейба после долгой осады Самарканда заставил Гурека капитулировать, несмотря на помощь ему со стороны ташкентских тюрков и ферганцев, которые были разбиты (712).

Жители Бухары в 707 г. и Самарканда в 712 г. также обращались за помощью к могущественному кагану восточных тукю Мочжо, который, как мы знаем, был владыкой всей Монголии. Мочжо дважды посылал на помощь согдийцам войско под командованием одного из своих племянников, очевидно знаменитого Кюльтегина. В 707 г. Кутейба, видимо, победил племянника кагана в битве между Бухарой и Мервом и прогнал его. В 712 г. тукю на какое-то

⁷² **Ихшид** – княжеский титул правителей Согдианы в доисламский и ранний исламский период. (Примеч. пер.)

время оккупировали всю Согдиану, в которой арабы удерживали только Самарканд, но в конце концов Кутейба принудил их отступить (713). Победитель Кутейба сохранил самаркандский престол за Гуреком, заставив его признать себя вассалом халифата, но в городе был размещен арабский гарнизон. Как только он изгнал тукю в 712–713 гг., то сразу отправил карательную экспедицию против Ташкента, а сам выступил в Фергану, на Ходжент. В 714 г. он был в Ташкенте. В 715 г. предпринял второй поход на Фергану, но гражданские войны в халифате стали причиной его убийства его же воинами (по утверждениям Табари, Кутейба все-таки дошел до Кашгара, но это весьма сомнительно).

Гибель Кутейбы, единственного арабского полководца того времени, который по-настоящему желал завоевания Средней Азии, и гражданские войны, раздиравшие халифат при последних Омейядах, дали согдийцам небольшую передышку. В то же время восстановление императором Сюань-цзуном китайского владычества в Монголии, на Или и в Тариме позволяло им надеяться на поддержку с этой стороны. С 712 г. изгнанный арабами и бежавший в Кучу ферганский царь умолял Китай помочь ему вернуться на трон. В 715 г., очевидно после гибели Кутейбы, китайский полководец Чжан Сяо-сун действительно изгнал из Ферганы царя – ставленника арабов и восстановил его на троне. Бухарский царь Тугшада, хоть и был посажен на престол арабами, в 718–719 гг. признал себя вассалом Китая и вымолил присылку китайских войск, для чего в 726 г. отправил своего брата Арслана (по-тюркски лев) ко двору императора Сюань-цзуна. Хотя царь Самарканда Гурек (ок. 710–739) тоже был вынужден признать себя вассалом арабов и он неоднократно просил Китай о помощи против своих новых хозяев (719, 731). Южнее царь, или ябгу, Тохаристана (Кундуз и Балх) умолял даже об установлении над его страной китайского протектората для защиты от арабов (719, 727).

Несмотря на жажду территориальной экспансии, владевшую императором Сюань-цзуном, Китай все-таки колебался относительно отправки экспедиционного корпуса в Согдиану или Бактрию, поскольку тогда пришлось бы вступить в открытую борьбу с омейядским халифатом. Мировой конфликт между двором халифа и чанъанским двором, о котором самаркандские, бухарские и кундузские тюрко-иранцы, разумеется, мечтали как о единственном средстве отразить мусульманское нашествие, не начался (по крайней мере до 751 г.). Поддержка императором Сюань-цзуном согдийцев и тохарцев сводилась к отправке им торжественных грамот и дипломов. Правда, один тюркий правитель, тюркешский царь Сулук (717–738), о котором мы уже говорили, чьи владения находились ближе к Средней Азии (он царствовал на Или), поддержал их борьбу против мусульманского владычества. Благодаря всем этим поддержкам и подбадриваниям в 728 г. вспыхнуло общее восстание против арабского владычества, и в течение года (728–729) население Бухары не покорялось, получая помощь от тюрков (в частности, от тюркешей). В 730–731 гг., также при помощи тюркешей, восстал самаркандский царь Гурек. Окончательно арабы отбили Самарканд у повстанцев и тюркешей только около 737–738 гг.

Китайцы на Памире

Император Сюань-цзун, в сущности, без противодействия позволил Бухаре и Самарканду подпасть под власть арабов, потому что рядом с ними, в Ганьсу и Тариме, китайцы столкнулись со своими более близкими соперниками: тибетцами или тао-фанями.

Тибетцы, разбитые в 700 г. китайским полководцем Тань Сю-Инем, запросили мира (702), но почти сразу же война возобновилась. В 737 г. Китай одержал над ними крупную победу западнее Кукунора, а в 746 г. китайский полководец Ван Чжун-цзы еще раз разгромил их в том же районе. Ставкой в игре была крепость Шипучен, отбитая у тибетцев китайским полководцем Ли И в 749 г. На другом краю Тибета тибетцы угрожали мелким памирским царствам Гилгит (по-китайски Малый Болюй), Балтистан (по-китайски Большой Болюй) и Вакхан (по-китайски Хуми), через которые проходила дорога из китайского протектората в Индию.

Танский Китай, связанный с индийским миром торговлей и буддистскими паломничествами, крайне дорожил свободой прохода через эти высокогорные памирские долины. Кашмирские цари Чандрапида (ум. в 733 г.) и Муктапида (733–769) были верными союзниками китайского двора против тибетских банд, а китайская сторона отправляла им грамоты с подтверждением их владительных прав (720, 733). Так же обстояли дела с тюркской буддистской династией Шахи, царствовавшей в Кабульской долине в Капише (Ки-пинь на китайском языке времен династии Тан) (китайские грамоты с подтверждением владительных прав от 705, 720, 745 гг.). После того как тибетцы установили свой сюзеренитет над Гилгитом, императорский полководец Гао Сяньчжи, вице-губернатор Кучи, в 747 г. перешел через Памирские горы, подошел к Гилгиту со стороны перевала Барогиль и взял в плен царя – вассала тибетцев (747). В 749 г. ябгу Тохаристана, то есть тюркский буддистский царь Кундуза, называемый китайцами Шили-ман-цзя-ло (от санскритского Шри Мангала), попросил у империи помощи против мелкого горного князька, союзника тибетцев, который перехватывал коммуникации между Гилгитом и Кашмиром. Гао Сяньчжи снова пересек Памир во главе китайского экспедиционного корпуса и снова прогнал союзников тибетцев (750).

Два похода Гао Сяньчжи в Западный Памир знаменуют апогей китайской экспансии в Центральной Азии в период царствования династии Тан. На этот момент Китай был господином всего Таримского бассейна, Илийского бассейна, района Иссык-Куля, а также сюзереном Ташкента; он управлял памирскими долинами, был протектором Тохаристана, Кабула и Кашмира. Сидевший в своей кучанской резиденции Гао Сяньчжи выглядел китайским вице-королем Центральной Азии.

И вдруг все рухнуло, а виновником стал все тот же Гао Сянь-чжи, который завел китайские войска в такие далекие края.

Конец владычества Танов в Центральной Азии (751)

Тюркский царь, или тудун, Ташкента, называемый на китайском Цзю-би-шэ, неоднократно приносил присягу на верность Китаю (743, 747, 749). Однако в 750 г. Гао Сяньчжи, в то время «протектор», то есть губернатор или имперский комиссар Кучи, упрекнул его в том, что тот не выполняет свой долг по охране приграничных областей. Гао Сяньчжи отправился в Ташкент, отрубил тудуну голову и завладел его сокровищами. Этот акт насилия спровоцировал восстание на западе. Сын погибшего обратился за помощью к тюркам-карлукам, жившим в Табаргатае и на Урунгу, от западной оконечности озера Балхаш до Иртыша, а также к арабским гарнизонам Согдианы. Арабский военачальник Зияд ибн Салих, который как раз только что подавил последнее восстание в Бухаре, выступил с юга, тогда как карлуки ударили с севера. В июле 751 г. Гао Сяньчжи был полностью разгромлен силами этой коалиции в битве на берегах Таласа, неподалеку от современного Аулие-Ата. Традиционно считается, что Зияд ибн Салих пригнал в Самарканд несколько тысяч китайских пленных. Как заметил Бартольд, этот исторический день решил судьбы Средней Азии. Вместо того чтобы стать китайской, к чему ее подводил весь ход событий, она скоро станет мусульманской. Что же касается карлуков, после этой битвы они расширили свои владения предположительно на весь Илийский край на юг от Балхаша и на север от Иссык-Куля. Древние царские резиденции западных тукю перешли под их власть, и их вождь принял титул ябгу, очевидно удовлетворившись им, чтобы не раздражать кагана уйгуров.

Возможно, китайцы еще могли бы исправить последствия таласской катастрофы, но они стали необратимыми из-за начавшихся мятежей, внутренних раздоров и переворотов, ознаменовавших в Китае окончание царствования Сюань-цзуна. Охваченный восьмилетней гражданской войной (755–763) Китай разом потерял свои центральноазиатские владения.

Тюркская империя уйгуров

Мятеж, едва не свергнувший династию Тан, возглавил кондотьер-кидань, то есть монгол, на китайской службе, по имени Ань Лушань. Этот авантюрист последовательно захватил обе китайские столицы: Лоян (755) и Чанъан, тогда как император Сюань-цзун бежал в Сычуань. Сын Сюань-цзуна, император Су-дзун (756-62), попытался отвоевать свои владения. Он обратился за помощью к тюркам-уйгурам, в то время владыкам Монголии⁷³.

Мы уже знаем, что в 744 г. тюрки-уйгуры сменили в Монголии восточных тукю. Уйгурский каган, называемый китайцами Мояньчо, или Ко-ло каган (745–759), откликнулся на просьбу императора Су-дзуна. В благодарность ему отдали в жены китайскую принцессу. Уйгурское войско, пришедшее из Монголии, стало действовать совместно с императорскими войсками и серьезно помогло им в возвращении захваченного мятежниками города Лоян (757). Император Су-дзун осыпал уйгурских вождей благодарностями и титулами и, перед их отъездом на родину, пообещал ежегодный подарок в 20 000 штук шелка. Но гражданская война в Китае не закончилась. Трону династии Тан угрожали новые мятежники. Преемник Мояньчо, новый уйгурский каган, называемый по-китайски Ден-ли Моу-ю (759–780), обманутый посланцами мятежников, поначалу решил воспользоваться трудностями Танов⁷⁴. Он даже выступил с войском в поход на Китай с намерением действовать заодно с мятежниками, но в пути один ловкий китайский дипломат убедил его переменить решение, и он вновь стал союзником империи, отбил для нее у мятежников Лоян (20 ноября 762 г.). Впрочем, он добросовестно разграбил город. Хотя он, несомненно, спас династию Тан, но оставался несколько стеснительным покровителем и весьма опасным союзником. Наконец, в марте 763 г. он возвратился в Монголию.

Продолжительное пребывание уйгурского кагана в Лояне имело важные последствия в духовной жизни. Он познакомился там с манихейскими миссионерами, очевидно согдийского происхождения, которых увез с собой в Монголию и которые обратили его в манихейство. Эта древняя персидская религия, рожденная из странного маздеитско-христианского синкретизма, преследовавшаяся арабами в Ираке и Иране, воспользовалась неожиданным подарком судьбы: обратить в свою веру уйгурскую империю, находившуюся в тот момент в зените своего могущества, властительницу Монголии, союзницу Китая. Манихейство даже стало государственной религией уйгуров. Тот же самый каган, что правил в 759–780 гг., назван в Карабалгасунской надписи «эманацией Мани», *zahag i Manî*. Высокопоставленный манихейский священник, му-чэ (китайская транскрипция титула можак на согдийском и може на пехлеви), поселился в стране уйгуров в качестве главы новой государственной церкви. Скоро манихейское духовенство приобрело большое политическое влияние. Китайский текст того периода говорит нам, что «уйгуры всегда обсуждают с манихеями государственные дела».

При следующих каганах уйгурская империя оставалась доминирующей державой Центральной Азии. Алп Кутлуг, которого китайцы называют Хо Ко-ту-лу (780–789), попросил и получил руку китайской принцессы. Танский двор ни в чем не мог отказать этим тюркам, враждебность которых могла их уничтожить, а союз с которыми спас их и которые общались с ним – новый факт в отношениях между китайцами и варварами – на равных⁷⁵. Затем Карабал-

⁷³ Хотанский царь Вэй-чэ Шэн (из династии Вэй-чэ) также прибыл со своим войском, чтобы помочь Танам против мятежников.

⁷⁴ В манихейском фрагменте Карабалгасунской надписи, датируемой приблизительно 820 г., имя этого кагана сопровождается целой серией эпитетов: «Улуг илиг (великий царь), тенгрида кут булмыш (от Неба получивший величие), эрдеин иль тутмыш (по своим заслугам владеющий царством), алп (героический), кутлуг (величественный), кюлюг (славный), бильге (мудрый)».

⁷⁵ В этот период Китай сильно нуждался в союзе с уйгурами против тибетцев. Около 787 г. тибетцы выбили последние танские гарнизоны из Кучи, но сразу же после этого были изгнаны уйгурами. В 791 г. они атаковали китайское пограничное

гасунская надпись перечисляет целую группу других каганов, чьи имена сопровождаются теми же эпитетами: Тенгриде булмыш кюлюг бильге (789–790), Тенгриде булмыш алп кутлуг улуг бильге (795–805), Тенгри бильге (805–808), Ай тенгриде кут булмыш алп бильге (808–821). При этом «небесном кагане» и во славу его возле Карабалгасуна, на левом берегу Орхона была выгравирована эта хвалебная надпись на трех языках: китайском, тюркском и согдийском, из которой мы черпаем данные сведения. Он тоже попросил руку китайской принцессы. Вследствие различных задержек она вышла замуж лишь за его сына и преемника Кюн тенгриде улуг булмыш кутлуг бильге чин-дэ, который царствовал с 821 по 824 г.

Проповедь манихейства, содержащего элементы христианской и маздеитской философии, а также иранского искусства, способствовала приобщению уйгуров к цивилизации. Карабалгасунская надпись сообщает нам, что «эта страна с варварскими нравами, напоенная дымящейся кровью, превратилась в страну, в которой питались овощами, страна, где убивали, в страну, где поощряют творить добро»⁷⁶. Неоднократно (770, 771, 807) уйгурские посольства выступали при танском дворе защитниками манихейских общин, обосновавшихся или собиравшихся обосноваться в Китае. С 768 г. каган добился от Сына Неба указа, позволяющего проповедь манихейства в Китае; манихейские храмы были возведены (771) для уйгурских постоянных представителей в Цзинчжоу в Хубэе, в Янчжоу в Ганьсу, в Шоусине в Чжэцзяне и в Нанчане в Цзянси. В 807 г. уйгурское посольство попросило разрешения построить новые манихейские храмы в Лояне и Тайюане.

В Турфане⁷⁷, оказавшемся включенным в уйгурские владения, также имелись процветающие манихейские общины, о чем свидетельствуют относящиеся к этой религии фрески и миниатюры, обнаруженные, в частности, в Идикут-шахри экспедицией фон Ле Кока. Интересно отметить присутствие на миниатюрах рядом с уйгурскими донаторами портретов манихейских священников в белых одеяниях, тем более что это первые известные персидские миниатюры. Именно из Персии, одновременно со своей религией, манихейские проповедники принесли эту живописную технику, обоснованно рассматривавшуюся ими как превосходное средство пропаганды. Уйгурские донаторы присутствуют и на некоторых буддистских фресках Турфанской группы, в частности в Муртук-Безеклике. Изображенные в полном парадном одеянии, в прекрасных придворных костюмах, с чем-то вроде митры или тиары на голове, с женщинами, несущими цветы, со слугами и музыкантами, они свидетельствуют о богатстве и блеске уйгурской культуры. Чуть дальше на тех же самых буддистских фресках другие донаторы – бородатые, тюрко-иранского типа, похожие на современных кашгарцев, в плоских шлемах, сопровождаемые своими верблюдами и мулами и кем-то вроде буддистских царей-магов, напоминают тех согдийских караванщиков, через посредство которых уйгурская империя вступила в контакт с религиями Ирана. Наконец, в уйгурском Турфане имеется несколько прекрасных несторианских фресок. Но это турфанское уйгурское искусство, в частности в Муртук-Безелике, достигнет расцвета уже в следующий период, после 840 г., во второй половине IX и в начале X в., когда уйгуры, изгнанные из Монголии, в большом количестве уйдут в Турфан, где создадут новое княжество. Похоже, что именно этим вторым периодом и датируются самые красивые изображения донаторов.

В то же время, когда уйгуры заимствовали из Ирана и Внешнего Ирана манихейскую религию, из того же региона, точнее, из Трансоксианы, они заимствовали согдийский алфавит, возникший на основе сирийского, и на его основе создали свою особую уйгурскую письмен-

укрепление Лин-у около Нинся, в Ганьсу, и опять-таки благодаря уйгурам были оттуда выбиты. С 783 по 849 г., потом снова, вплоть до 860 г., они упрямо захватывали области Синин и Линчжоу на юго-западе Ганьсу.

⁷⁶ Отметим, что манихейский запрет пить молоко и есть масло, трудноисполнимый в стране скотоводства и кумыса, вместе с рекомендацией питаться овощами побудили уйгуров отказаться от пастушеского образа жизни в пользу земледельческого.

⁷⁷ По свидетельству Карабалгасунской надписи на согдийском, Бешбалык, Турфан, Карашар и др., «Четыре Тугри» были покорены уйгурами около 800 г.

ность, которая в том же IX в. заменит старый тюркский (тукю) алфавит, распространенный на Орхоне. При помощи этой новой письменности они создадут национальную литературу, первую по времени у тюркских народов, в рамках которой создадут переводы с иранского многих манихейских текстов, а с санскрита, кучанского и китайского – многочисленных буддистских текстов. Уйгуры в культурном развитии ушли далеко по сравнению с другими тюрко-монгольскими народами; вплоть до эпохи Чингисхана они будут их учителями.

Но очевидно, что, цивилизуясь, уйгуры одновременно слабели. В 840 г. их столица Карабалгасун была захвачена, их каган убит, а империя разгромлена тюрками, оставшимися дикими, – енисейскими киргизами, жившими между Минусинском и озером Косоголь⁷⁸. Китайский двор, на протяжении целого века дрожавший перед этими слишком могущественными союзниками, воспользовался их падением, чтобы избавиться от их протекции манихеев, преследуя их по всем правилам (843).

В «императорской Монголии» киргизы заняли место уйгуров в верховьях Орхона, вокруг современных Карабалгасуна и Каракорума. Но эти сибирские племена отбросили Монголию обратно в варварство. Киргизы оставались властителями страны приблизительно до 920 г., когда они были побеждены монгольским народом киданей и отброшены в енисейские степи.

Уйгуры же, лишённые монгольской империи, закрепились в оазисах Северного Тарима, в Кара-ходже или Хочо, бывшем Турфане, в Гучэне, ставшие тюркским Бешбалыком, Карашаре и Куче (843). Другая группа уйгуров, известная с того времени как сары-уйгуры (желтые уйгуры), приблизительно в 860–866 гг. расселилась в Западном Ганьсу, вокруг Ганьчжоу⁷⁹. Уйгурское княжество в Ганьчжоу просуществовало до 1028 г., когда оно было завоевано тангутами (расцвет буддизма в Дуньхуане в X в. показывает нам, что эта группа уйгуров довольно быстро отказалась от манихейства в пользу местного варианта буддизма⁸⁰). Уйгурское царство Бешбалык-Куча просуществовало до эпохи Чингисхана, до XIII в. Там, на старой тохарской, точнее, кучанской, то есть индоевропейской, основе, на которую они наложились, уйгуры, продолжая кучанскую культуру, развили интересную буддистскую, несторианскую и манихейскую цивилизацию. Во времена Чингисхана бешбалык-кучанские уйгуры будут либо буддистами, либо несторианами.

Весьма вероятно, что переселение уйгуров в Турфан и Кучу, повлекшее тюркизацию этих древних индоевропейских земель, происходило поэтапно, и смешение уйгуров с коренным населением создало на некоторое время двуязычие. Кажется, именно на это указывают мусульманские источники, говорящие нам, что, наряду со своим диалектом тюркского, жители Уйгурии долгое время имели еще и другой язык, на котором разговаривали между собой. Во всяком случае, уйгуры воспользовались достижениями литературы тохарского мира, которую они продолжают, и уйгурская литература, как ксилографированная, так и рукописная, обнаруженная германской, французской и английской экспедициями в современном Сянгане, свидетельствует, что эта страна, тюркизируясь, сохраняла свою былую интеллектуальную деятельность. Так что уйгуры заслужили право стать «преподавателями цивилизации» для тюрко-монгольских государств Алтая и Орхона найманов XII в. и Чингисхановых монголов XIII в., которым они предоставили и кадры писцов, и свою письменность.

⁷⁸ Последний каган уйгуров У-цзе (Уге?) пытался, больше как авантюрист, чем как монарх, удержаться в Гоби, ведя войну одновременно против киргизов и китайцев. В 847 г. он погиб при невыясненных обстоятельствах на Алтае.

⁷⁹ Уйгурские цари Ганьчжоу претендовали на титул кагана.

⁸⁰ Что, очевидно, подтверждается упоминаниями уйгурских «небесных каганов» Ганьчжоу на многочисленных буддистских табличках Гротов Тысяч Будд в Дуньхуане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.